

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

7

1963

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СВЕРД-
ЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКИХ
ПРОМЫШЛЕННОГО И СЕЛЬСКОГО
ОБКОМОВ ВЛКСМ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
"ФАНТАСТИКА"

О ГЕРОЯХ -
ЗЕМЛЯКАХ

РАССКАЗЫ
БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ

МЕЧТЫ
СОВРЕМЕННИКОВ

УРАЛ
ВЧЕРА
СЕГОДНЯ
ЗАВТРА

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
КРАЕВЕДЕНИЕ

КОРОТКИЕ
РАССКАЗЫ

Следопытские
дела

Л Ю Д И БОЛЬШОГО СЕРДЦА

Редколлегия журнала «Уральский следопыт» попросила меня написать небольшую заметку о коммунисте. И я сразу же вспомнил 1941 год. Тогда мы — молодые парни, студенты Уральского политехнического института имени С. М. Кирова — добровольцами уходили на фронт, уходили на передний край, где в тяжелой борьбе решалась судьба нашей Родины. Мы не могли поступить иначе, потому что были комсомольцами.

В то тревожное и героическое время люди выросли быстро. Вчерашний подросток за неделю становился бывалым воином, а вчерашний школьник за неделю приобретал квалификацию кадрового рабочего. Комсомольцы в боях становились коммунистами. Весь советский народ от мала до велика ковал победу над фашизмом.

Мой друг Леонид Куренов, как и многие студенты-добровольцы, за очень короткий срок вырос в опытного командира-политрука. В нем солдаты уважали принципиального и справедливого человека, видели настоящего коммуниста-вожака. Леонид не искал для себя каких-либо привилегий. В голове колонны и в зимнюю стужу, и в летний зной шагал он с бойцами по бесконечным дорогам войны, спал вместе с ними под одной шинелью, делился последним сухарем, первым бросался в атаку.

Я никогда не забуду, как в короткие

минуты затишья, приютившись где-нибудь в блиндаже или наспех сооруженном шалаше, политрук Куренов вдохновенно читал солдатам стихи Алексея Суркова. Леонид преображался в эти минуты. Лицо его становилось как никогда красивым и одухотворенным. И все, кто был в это время поблизости, мысленно, а иногда и вслух повторяли за ним:

...Коммунизм — наша жизнь и честь.
Нам не жить при иных режимах.
Принимай нас таких, как есть,
Неуживчивых, одержимых.
Мы в бою познали себя,
Продираясь сквозь холод смерти.
Эту жизнь земную любя,
За нее деремся, как черти.
С гордо поднятой головой
Мы любой ураган встречаем
И за каждый поступок свой
На земном суде отвечаем.
Тот не прячет стыдливо глаз,
Кто для жизни презрел химеры.
Ведь такой, какая у нас,
Нет прочнее и чище веры.

Леонид Куренов любил эти стихи, любил за то, что выражали они мысли и устремления народа, вставшего на смертный бой с фашизмом, вставшего на защиту завоеваний Великого Октября.

Коммунист Леонид Куренов, как и коммунист Николай Гастелло, и комсомолец Александр Матросов, и комсомолка Зоя Космодемьянская, и пионер Володя Дубинин, и многие другие люди большого сердца, люди, о которых пишут кни-

ги, слагают и поют песни, с которых «делают жизнь» теперешние пионеры и комсомольцы, пал смертью героя в одном из боев. Но, воюя с гитлеровцами, он, как и все мы, мечтал в то время не только о победе. Мечты его устремлялись гораздо дальше, в сегодняшние дни. Он хотел непременно стать участником грандиозных свершений. Он мечтал о пробуждении Сибири. И советские люди пробудили ее к жизни. Он мечтал о зеленых оазисах в мертвых степях и пустынях. Мы освоили целину и обводнили Каракумы. Мы построили крупнейшие в мире гидростанции, сотни комбинатов и рудников, проложили тысячекилометровые магистрали через тайгу и горные хребты, открыли богатейшие месторождения нефти, газа, угля, железа, меди, алмазов. Мы — а об этом никто и не мечтал в то время! — первыми поднялись к звездам.

Так, значит, по праву наследников мы с вами должны сейчас трудиться и жить так, чтобы осуществить свои мечты и мечты тех, кто сквозь казематы царских тюрем и каторгу пронес неугасимую веру в торжество идей Ленина, в торжество революции, мечты тех, кто дрался на баррикадах Красной Пресни, кто в семнадцатом году штурмом брал Зимний дворец, а в восемнадцатом с мандатом Ильича уходил на север и юг, на запад и восток, чтобы громить интервентов и белогвардейцев.

Так, значит, по праву достойных наследников мы должны продолжить дело тех, кто одевал в строительные леса молодую Республику Советов, возводил цеха Уралмаша и Магнитки, зажег огни Шатуры и Днепровской ГЭС.

На Качканаре, в списке членов одной из бригад коммунистического труда, первым стоит имя Героя Советского Союза коммуниста Владимира Скорынина. Каждый день Владимир Скорынин выполняет норму на 120—150 процентов. Его бетон заполняет котлованы очередных фундаментов. Его сварочный аппарат яркой звездочкой вспыхивает в голубом поднебесье среди ажурных переплетов стальной арматуры будущих цехов комбина-

та-гиганта. Каждый день Владимир Скорынин водит автомашины и бульдозеры, управляет экскаваторами и кранами. Коммунист Владимир Скорынин, зачисленный в бригаду коммунистического труда, строит, воплощает в жизнь свою мечту, за которую шел в бой и героически погиб.

Таких примеров можно привести очень и очень много. Можно перечислить десятки сотен пионерских дружин, комсомольско-молодежных бригад, участков, ударныхстроек, носящих имена героев революции, гражданской и Великой Отечественной войн, Героев Труда.

Вторая жизнь Владимира Скорынина — яркий пример того, как наша молодежь, продолжая традиции отцов и матерей, старших братьев и сестер, трудится во имя своего народа, своей Родины, помня замечательные слова Никиты Сергеевича Хрущева о том, что «Боец, одухотворенный высоким стремлением к победе, не

„// с “езд имеет всемирно-историческое значение. Он был поворотным пунктом в международном рабочем движении“.

ИСТОРИЯ КПСС

замечает трудностей походов и сражений, как бы тяжелы они ни были. Он отдает свою жизнь за идею, потому что в момент самой острой борьбы идея становится для него выше любых трудностей, превышает все!»

В этом номере журнала под рубрикой «Из биографии коммуниста» вы прочтете воспоминания коммунистов, которые дополняют мое короткое выступление и покажут вам, как, воплощая в жизнь заветы Владимира Ильича Ленина, коммунисты идут в авангарде строителей светлого будущего, как на любом участке, порученном им партией, они отдают делу все свои силы и знания.

Прочтите странички этих биографий, прочтите и подумайте о ваших биографиях. Надо жить так, чтобы были они биографиями коммунистов-бойцов.

Не страйтесь трудностей: в преодолении их человек мужает, крепнет, набирается сил. Ну, а если в пути кто-нибудь из ваших товарищей начнет отставать, напомните ему стихи, которые любил Леонид Куренов.

М. СЕРГЕЕВ,
секретарь Свердловского
промышленного обкома КПСС.

ЛЕВ СОРОКИН

Рисунки В. Васильева

Нижне-Тагильский конверторно-кислородный цех — ударная комсомольская стройка.

Тысячи молодых людей приехали сюда со всех концов страны, чтобы быстрее заработали большегрузные конверторы. Каждый из этих гигантских аппаратов заменяет несколько крупных мартеновских печей.

Путь к вершине

Коммунисту Зине Беловой

Над конверторным ветер вертит
Предпоследних снежинок рой.
Словно хочет сказать нам:
— Верьте,
Пуск, он вовсе не за горой!
Торопитесь, друзья, спешите!..
Стройка очень нужна стране.
Этот цех принимать, строитель,
Поручает Госплан

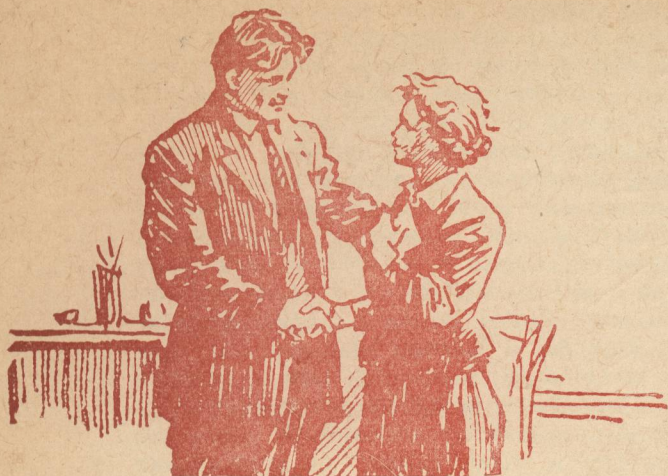
Весне!

Пусть вдали облака-сугробы
Разлеглись на холмах крутых,

Экскаватор,
поднявши хобот,
Вместе с глиною грузит их.
И спешат обжигать ребята
Синеву весенних высот,
И с утра гудит глуховато
От ударов

весь небосвод!

А ребята все выше лезут:
Им за временем бы успеть!
Чтоб поймать его,
Из железа

Арматурички вяжут сеть!
Время,

ты уложено в стены
И замешено ты в бетон,
Крепче крепкого, несомненно,
Оттого и становится он.
Время,

втиснуто в смелый план ты,
Ну, а мы, согласуясь с ним,
Два конвертора,
Два гиганта,
Поливая огнем,
растим.

В тепляке, где теперь посуше,
Наливаются чудо-груши.
Скоро брызнет из них не сок,
А кипящий стальной поток.
И хотя еще всюду стройка,
Те конверторы

и сейчас,
Как металл,
стремление и стойкость
Вырабатывают у нас.
И не зря, не зная покоя,
Так сердца грохочут в груди!
— Зина,

Зина,
комсорг «Промстроя»,
Я прошу тебя,
подтверди!

А она снимает перчатки,
И улыбкою морщит нос,
И, как солнца яркого прядки,
Поправляет лучи волос.
Ей припомнился город Горький,

Где у Волги,
на берегу,
Помахало детство с пригорка:
Возвратиться, мол, не могу!
Помахало

и вмиг далеко
Унеслось на крутой волне.
И зажглись квадратики окон
Швейной фабрики в Балахне.
Нитки смотаны, будто грива,
На затылках швейных машин.
В цехе массового пошива,
Помнишь,

несколько было Зин?
Все довольны,

но только,
только
Неспокойно всегда тебе;
Все мечтаешь о верхней полке
В тесноватом,

тряском купе,
Чтобы —
песня о новоселах,
Чтобы ветер в окошко лез,
Чтоб мелькали стада и села,
И бежал за поездом лес!
«Я — признаюсь:

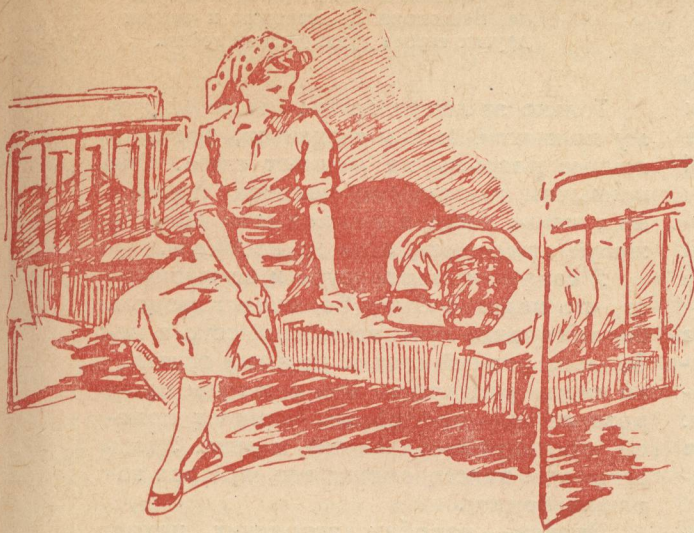
мне страшиновато,
Но мне хочется
к вам,

туда,
Где вздымаете вы, ребята,
Комбинаты и города!
Деревянные стены дома
С каждым днем все тесней, тесней!..»
И решилась.

И дверь райкома
Распахнула все дали ей!
Зина, Зина,

как ты смотрела
Из вагона на наш Урал!
Прямо к облачной пене белой
Новостройки он поднимал!
Где-то рядом стальною лавой
Кратер-ковш искрил и бурлил.
И с вокзала всполохом плавок
Путь тебе осветил Тагил!
...В общежитии — горьковчане.
Столько света и чистоты!
Хорошо!..

Но как же отчаянно
После смены рыдала ты:
«Не умею, мол, ничего я,
Никогда, мол, не научусь!..»
Кто-то рядом присел с тобою:
— Не беда!
Пусть поплачет,
Пусть!

И наутро, сжимая зубы,
Ты опять взяла мастерок.
Даже мастера окрик грубый
Принимала ты как урок.
Домна,

стан,

а за ними —

блюминг.

Эти стройки,

как два крыла.

Только некогда было думать,
Что ты вместе с ними росла!
А на блюминге —

ой, как трудно!

Две недели —

всего лишь срок!

То ли ветер ночной,

простудный,

То ль усталость валила с ног?

И тогда перед сменой новой,

Помнишь,

ты за стертым столом

Написала:

«От З. Беловой.»

И пониже, крупней:

«В партком.

Заявление».

И быстро-быстро

Понеслась строка за строкой:

«Вы считайте меня коммунистом!..»

Так бойцы уходили в бой.

И тебе, как сердце второе,

Секретарь вручил партбилет.

Годы шли.

Ты конвертор строишь,
А усталости нет и нет!
День закончится —

и учиться,

А бывают ночи без сна.

Будто магний,

вспыхнет зарница,

Осветив объектив окна!

Третий курс — это разве шутки!

Все запомни и все успей!

Очень жаль:

становятся сутки

Тем короче,

чем мы взрослей!..

Мы глядим,

а над нами ярко

Зорька мечет брызги огня,

Словно кто-то электросваркой

Варит стыки

ночи и дня!

Мы глядим,

а небо над нами,

Огороженное стеной,

Расправляет двумя руками

Верхолаз, совсем молодой!

И оттуда,

о стены тенькнув,

Крик упал:

— Зина, слышишь, к нам!

И она по узким ступенькам

Поднялась легко к небесам!

Каблуки отстукали бойко.

Помахала мне вниз рукой...

На какой еще, Зина, стройке

Повстречаемся мы с тобой?..

Светлой памяти Николая Маркина, Всеволода Вишневского и многих других героев гражданской войны.

Разрывы, разрывы, разрывы... Мы лежим в маленьком окопчике и плотно прижимаемся к вздрагивающей земле.

Мы — это я и два матроса. Корректировочный пост. Это по нашему вызову открывают огонь корабли Волжской военной флотилии.

Уже четвертые сутки мы здесь, на правом берегу Волги. Наш окопчик выдолблен в твердой, как камень, городской земле. За спиной — остатки дома. Раньше он был трехэтажный. Я отлично помню его: мимо этого дома почти каждый день ходил в штаб флотилии.

Теперь дома нет. Вместо него метровая стенка. В ней проломы, в которые видно Волгу.

Все кирпичи этой стенки посечены осколками и пулями. Так посечены, будто вся фашистская армия только по этому дому и стреляла.

Только за месяц войны мы ко многому привыкли, и это «капанье», эти одиочные разрывы не мешают спать. Они привычны, как любому человеку привычно тиканье часов в его комнате. Мы, пожалуй, проснемся, если их не будет.

Я сажусь к стереотрубе и осматриваю то, что недавно было большим городом. Белая тарелка луны застыла высоко в небе, льет ровный свет, и поэтому отчетливо видны развалины. Вон разинули пасти разорванные нефтебаки. Чернеют полосы, протянувшиеся от них к реке. Здесь огненным валом, сметая все, прошел горящий бензин.

Правее — коробки заводских цехов. У стен зубчатые кромки. Ночью цехи напоминают старинные крепости, знакомые мне по картинкам.

— Эх, сейчас бы щей... Горячих! — тихо говорит Кошкин.

Почти месяц мы не ели горячего, а

„ВАНЯ КОММУНИСТ“

Из документальной повести

О. СЕЛЯНКИН

Нет дома — нет и тех людей, которые жили в нем. Где они? Не знаю. Они могли переправиться через Волгу. А может, они уходили на том пароходе, который фашисты утопили на середине реки?

Разрывы уползают от нашего окопчика. Мы знаем: сейчас фашисты двадцать минут будут долбить по прибрежной полосе, а потом огневой налет прекратится так же внезапно, как и начался. Огонь поведут лишь дежурные батареи. Для чего? Чтобы не дать нам возможности заснуть, чтобы мы ни на минуту не забывали о войне, о смерти.

— На мозги капают, — очень точно сказал однажды матрос Кошкин. Он сейчас лежит рядом со мной.

последние четыре дня даже чая не пили.

— Может, сегодня чего из еды подбросят, — опять бормочет Кошкин через несколько минут.

А я уверен, что у него и сейчас в вещевом мешке есть еще сухари, хотя нам всем выдали их одновременно и только на два дня. Мы с Никитиным уже сжевали свои, а Кошкин наверняка сберег. И наверняка поделится с нами.

Василий Степанович Никитин — наш телефонист. Он спит. Но мне почему-то кажется, что он только притворяется спящим, так чуток его сон.

Никитину около сорока. Он воевал в гражданскую, потом плавал на одном из камских пароходов. Женат, имеет четве-

рых детей. Это я знаю из личного дела. А за время нашего совместного сидения в окопчике я узнал еще, что он молчалив, спокоен и храбр по-настоящему, без показной удалости.

Прошел примерно час. Я заснул.

Проснулся оттого, что Кошкин тряс за плечо.

— Вон, смотри,— зло бросил он и ткнул пальцем в сторону Волги.

Река серебрилась от лунного света, и казалось невероятным, что кто-то осмелится безжалостно разрушить эту красоту. Но в небе нарастал вой мотора, и вот уже на середине реки выросли лохматые, всклокоченные столбы воды. Они будто выстреливаются в небо из глубины. Рвутся бомбы. Рвутся вокруг парохода. Он так широк, что кажется почти круглым. Кожухи колес у него очень высокие. Сомнений нет: фашисты напали на «Ваню Коммуниста», хотят утопить тот самый пароход, который все любовно зовут кормильцем.

«Ваня Коммунист» под любым огнем доставляет защитникам города боеприпасы, продовольствие. Бывали такие дни, что Волга нам казалась лесом, так густо стояли на ней водяные столбы. Но и меж ними пробирались «Ваня Коммунист»!

А ведь это не военный корабль. Это обыкновенный старый буксир. И команда на нем — самые обыкновенные речники.

Сейчас «Ваня Коммунист» то стопорит ход, то резко бросается в сторону, чтобы уклониться от очередной бомбы. Солдаты, сидящие на его палубе, палят по самолету из винтовок и автоматов.

Рядом с «Ваней Коммунистом» вспыхивают яркие кровавые огни. Это взрывают вражеские мины.

— Ах, гады...— вдруг слышу я и, обернувшись, вижу заросшее лицо Никитина. Глаза у него прищурены, и губы шевелятся, словно телефонист повторяет какое-то одно и то же слово.

Потом он тоскливо спрашивает:

— Неужели попадут, а?

— Почти каждую ночь кого-нибудь топят,— философски говорит Кошкин.

Тут Никитин резко поворачивается к нему.

— Для меня «Ваня Коммунист»... Да знаешь ли ты, что это за пароход? Знаешь ли ты, какие люди на нем плавали?.. Ничего ты не знаешь!

— А ты расскажи.

Но Никитин уже не смотрит на него.

Высунувшись по пояс из окопа, он неотрывно следит за пароходом, и в секундной тишине между разрывами я слышу его громкий шепот:

— Давай, родной, держись, держись...

Никитин выбрал путь

Окончился один из многочисленных митингов, которые летом восемнадцатого года то и дело вспыхивали на улицах Нижнего Новгорода. Матросы и рабочие ушли в затон, где готовили к боям бывшие буксирные пароходы: затаскивали на них пушки и пулеметы, обкладывали рубки мешками с песком и тюками хлопка.

На площади остался лишь парень лет восемнадцати. На ногах у него были потертые лапти, за спиной тощая котомка. Русые волосы, давно не стриженные, мохнатой шапкой лежали на ушах, закрывали весь лоб.

Парень с завистью посмотрел на мастеровские, где дружно стучали молоты, и побрел в город. Побрел серединой улицы, шлепая лаптями по толстому слою пыли.

Сейчас, когда жара еще не спала, улица была безлюдна. Лишь приказчики маячили на порогах лавок и магазинов. Но Василий Никитин даже не замечал их. Он был растерян. Он еще утром считал Нижний мирным городом. Несколько часов назад война казалась Василию чем-то таким, что никак не касалось его. Думал тогда лишь об одном: найти бы работенку в городе, хоть какую.

А теперь, после митинга, неуклюже ворочались в голове беспокойные мысли. Растрогал парня оратор — флотский комиссар Маркин. Говорил так, что нельзя было не поверить. А правда у матросов такая: Маркин с дружкой идут воевать за его счастье, за счастье Василия Никитина. Как сказал комиссар: «Чтобы народ был хозяином земли и заводов».

Ой, страшно даже подумать: хозяин земли!..

В этот момент Василий Никитин и увидел людей. Они сгрудились около деревянной тумбы, обклеенной театральными афишами. Что-то читали, перешептывались и хихикали.

— Ищут честного человека! — услышал он, когда подошел.

Люди в соломенных шляпах так радостно смеялись, что Василий Никитин робко и немного заискивающе улыбнулся, шагнул ближе. Сделал еще шаг — небрежно взметнулась черная трость одного из смеющихся, уперлась в рубаху из домотканного полотна.

— Пардон, — только и сказал владелец трости. Но столько в его голосе было презрения, что Василий Никитин сразу оробел, привычно потянулся к голове, чтобы сорвать шапку перед господами.

— Тревожат? — с деланным участием немедленно спросил один. — Мойте голову чаще. Вошь не любит чистого тела.

— Простите, Аркаша, но ваш совет ему не подходит, — вмешался другой. — Если верить большевистским ораторам, то перед нами один из новых хозяев всей Руси. Хотя вошь, если я не ошибаюсь, — пока его единственная собственность.

Хохочут соломенные шляпы.

Из-за угла вышли два матроса. Оба высокие, широкоплечие. Подошли чуть вразвалку, неторопливо. За спинами у них поблескивали штыки.

Шляпы будто ветром сдуло.

— И чего всполошились? — заметил тот, который был постарше.

— Спужались, — усмехнулся второй. — Ишь, колесят! Давай, давай, господа, прибавь обороты!

— А ну, останови фонтан, Ефим, — чуть повысил голос боцман. — Лучше глянь, что за бумага.

Матрос прищурил глаза и громко прочел:

«Объявление.

Бывшие моряки Российского военного флота всех специальностей призыва с 1910 по 1917 гг. приглашаются для записи в целях поступления на службу во вновь формируемый морской отряд.

Заявления и запись будут приниматься ежедневно от 10 часов утра до 3 часов дня с 25 июня 1918 года в Коллегии Управления Всероссийского Военно-Морского порта (Канавино, Сорокинское подворье).

От желающих поступить в отряд требуется признание платформы Советской власти и безукоризненная честность как по отношению к начальству, так и к своим товарищам. Неимеющих таких качеств просим не беспокоиться.

Комиссар Волжской военной флотилии
Н. Маркин».

Помолчали. Потом боцман сказал:

— Значит, в самое время угодили.

— Даем полные обороты!

И они пошли. Впереди два моряка, чуть сзади — парень с тощей котомкой за спиной.

— Куда путь держишь? — оглянулся Ефим.

— К Маркину, — выпалил Василий Никитин и торопливо, боясь, что не поймут, прогоняя, заговорил о своей жизни, о том, что не видать ему счастья, если не победит революция. Так сказал Маркин!

Боцман качнул головой:

— Мы воевать идем.

Никитин промолчал.

— На фронте, парень, и убить могут, — заметил Ефим.

И опять Никитин ничего не ответил.

Дальше пошли плотной кучкой.

Когда уже подходили к Сорокинскому подворью, Василий спросил:

— А примут меня?

Ефим хотел ответить насмешкой, но взглянул на парня, и пропала охота шутить, прикрикнул:

— Живей шагай! Флот плаксивых не любит!

...Вечером того же дня все моряки Волжской флотилии прочли:

«Приказ № 154/7.

г. Нижний Новгород. 30 июня.

Ежедневно множатся ряды доблестных защитников революции! Близок тот час, когда наш отряд будет полностью укомплектован личным составом и подготовлен к боям с врагами. В грядущих боях правда восторжествует, мы победим, товарищи!

Приказываю:

§ 1. Боцмана Российского военного флота Карпова Макара Петровича, призыва 1907 года, зачислить добровольцем и назначить боцманом на канонерскую лодку «Ваня».

§ 2. Комендора Российского военного флота Гвоздь Ефима Егоровича, призыва 1912 года, зачислить добровольцем и назначить командиром орудия № 1 на канонерскую лодку «Ваня».

§ 3. Никитина Василия Степановича, года рождения 1901, уроженца деревни Карнауховка (Пермская губерния), сына крестьянина и самого крестьянина, зачислить добровольцем с испытательным сроком на канонерскую лодку «Ваня».

§ 4. Красному военному Вишневецко-

му В. В. принять указанного Никитина в свой пулеметный расчет и вести с ним разъяснительную работу с таким расчетом, чтобы подготовить из него подлинного борца за справедливое дело — за дело революции.

Комиссар Волжской военной флотилии
Н. Маркин».

В. В. Вишневский — тот самый военмор, который на митинге выступал после Маркина. Вся команда «Вани» уважает и любит его. Во-первых, в бою Вишневский, как говорят все матросы, здорово отчаянный, находчивый. Во-вторых, башковитый. Все он знает, на любой вопрос ответит. И еще, говорят, хочет он написать книжку о славных революционных матросах. Как выдается свободная минута — засаживается в кубрике, склоняется над тетрадкой. Ищет нужные слова...

Собьем!

Разные люди, разное у них представление о фронте, но у всех есть одно общее: волнение. Ни один человек не остается равнодушным, когда фронт наползает на него черной, клубящейся грозой тучей.

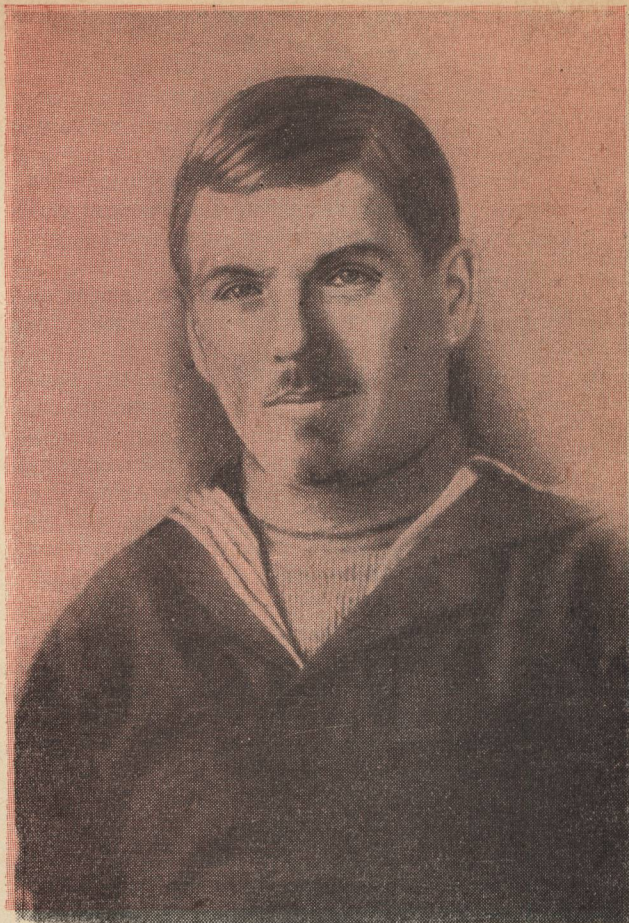
«Ваня» с каждым часом все ближе и ближе подходил к месту боев. Он торопился, механики выжимали из машины все, что она была способна дать. Плицы часто молотили по воде, и вода кипела под ними.

А на палубе жизнь шла по точно установленному распорядку. Только больше обычного придирался боцман Макар Петрович. Ефим Гвоздь почти непрерывно зубоскалил да напевал грустные песенки, нянча, как ребенка, изувеченную гитару. Эта гитара у него заслуженная: военмор Попов не раз брал ее с собой, когда шел в атаку. Во время одной из них и царапнула пуля инструмент.

Никитин чувствовал общую возбужденность, и страх стал невольно заполнять в его душу.

«Ваня» бежал по обмелевшей Волге, мимо притихших безлюдных деревень, а Василию было страшно. Так жутко, что словно какая-то неведомая сила толкала его к борту, а внутренний голос непрерывно зудил: «Нырять! Доплывешь до берега и жив останешься...»

— Смерти не боятся только дураки.

Николай Маркин, фото 1918 года.

Настоящий человек всегда хочет жить... Но если ты воюешь за великое правое дело, если твоя смерть принесет счастье миллионам — не бойся смерти, презирай костлявую! — сказал Вишневский, когда Василию стало окончательно невмоготу.

— Я ничего, — пробормотал Василий.

— Не про тебя и речь. Про любого... Чтобы легче было, думай о том, как живем после победы.

Не под силу Василию в тот момент было думать о счастье, но спокойный голос Вишневского помог осилить растерянность. Страх совсем не прошел, но уже не рос, он как бы начал подчиняться человеку...

Ночью впереди замигал огонек.

— Товарищ Маркин, флагман поздравляет с благополучным приходом и приказывает швартоваться рядом с «Ольгой», — отпортовал сигнальщик.

«Ваня» послушно подошел к берегу. Маркин сразу убежал к командующему, а матросы вышли на палубу. Посыпались вопросы, шутки. Василий был поражен.

И это фронт? А где же пулеметные очереди и орудийные залпы? Почему не видно этого проклятого фронта?!

Не знал еще Василий, что фронт не всегда грохочет залпами и полыхает пожарами, что бывают предгрозовые затишьа...

В ту ночь никто из красных военмор-ов не предполагал, что утром белые дадут бой.

Название деревни Моркваша не сходило с языка их штабных специалистов. У нее сосредоточивалась Красная военная флотилия. Казалось бы, стоит ли волноваться из-за того, что появилось несколько кораблей? И каких? Бывших буксиров! На них ведь и настоящей брони нет! А пушки? Старье!

И сначала не волновались ни белогвардейцы, ни их иностранные «советники». До первого боя не волновались. До того самого, когда красные моряки основательно потрепали их собственные корабли, вооруженные новейшими пушками и обшитые первоклассной броней. Тогда поняли в штабах интервентов и белых: на пути к Москве появился новый заслон.

Поняли — и началась торопливая подготовка к уничтожению этого заслона. Разведка донесла: от Нижнего еще идут корабли. С ними комиссар Маркин.

И вот утром, когда солнце будто нехотя выползло из-за бугров левого берега, корабли белых крадучись двинулись к Морквашам. Расчет был предельно прост: внезапность. В том, что нападение будет внезапным, ошеломляющим, белые не сомневались: во-первых, в утренние часы сон особенно крепок; во-вторых, едва ли красные заметят пароходы, крадущиеся в туманной дымке. У них наверняка и часовых-то нет. Разве может мужичье хранить порядок без руководящей офицерской руки!

Так рассуждали белые генералы, верили в это и офицеры. И вдруг все увидели флотилию.

Она шла навстречу. Шла, гордо неся на мачтах красные флаги, которые от солнечных лучей были огненными. Казалось, прикоснись — спалишься.

Появление флотилии противника было само по себе неожиданным. А то, что корабли красных шли кормой вперед, — совсем озадачило офицеров, на какое-то мгновение заставило забыть, что уже можно, что пора открыть огонь. Офице-

ры никак не могли понять, что случилось с большевиками. Ведь не было еще в военно-морской истории такого, чтобы корабли, птясь, начинали бой!

Может, заранее драпать приготовились?

Но на палубах кораблей красных замелькали злые огоньки орудийных выстрелов, и снаряды вздыбили воду, косматой завесой поставили ее на курсе белых.

Не успели осесть эти водяные столбы — взметнулись другие. Теперь еще ближе. Горячие осколки забарабанили по броне.

Белые тоже открыли огонь. Лишь несколько секунд опоздания, но многое уже потеряно. Ведь краснофлотцы почти пристрелялись, а командиры белых теперь нервничают: попасть по большевистским кораблям трудно, маневрируют они отлично. Теперь-то ясно, зачем они шли спиной вперед: так гораздо удобнее делать повороты, не подставляя борта под пушки противника.

...Все, что было до первого залпа врага, Василий видел и запомнил прекрасно. Но едва первый осколок вспорол палубу рядом с ним — все заволокло каким-то лихорадящим туманом. Василий, как сквозь сон, услышал команду Маркина:

— Полная скорострельность!

Потом орудие Ефима, около которого стоял пулемет Вишневого, чуть развернулось и бахнуло почти над головой. Горячим воздухом сорвало бескозырку. Василию показалось, будто голова наполнилась чем-то раскаленным, вот-вот лопнет, и, не понимая зачем это, он сжал ее руками, припал щекой к желтоватым доскам палубы.

Сколько времени он пролежал так, Василий не знал. Он просто вдруг увидел, как три щепки одна за другой оторвались от палубы. Оторвались в нескольких сантиметрах от его лица.

И тут же услышал, как Вишевский закричал:

— Крой их, не жалеи!..

Оказывается, корабли так сблизились, что вступили в бой пулеметчики. Одна из очередей и прошла по палубе.

Все десять пулеметов «Вани» строчили длинными очередями. Пулеметная лента сама рвалась из рук Василия, страх как-то сжался, отступил перед лихорадкой боя. Теперь Василий с упоением слушал скороговорку пулемета, ставшего за эти минуты по-настоящему родным.

А потом «максим» Вишневого вдруг смолк.

— Заело? — крикнул Василий.

— Смылись, гады! — неожиданно спокойно и тихо ответил Всеволод. Волосы рассыпались по его крутому лбу, блестя от пота. Всеволод откинул их рукой. Тотчас на лицо легли темные полосы: пальцы Вишневого были в пороховом нагаре.

— Как, смылись?

— Обыкновенно. Удрали, и все.

Василий поднялся из-за хлопковых тюков.

На реке не видно ни одного вражеского корабля. Лишь за мысочком, поросшим низким, но плотным кустарником, вьется черная струйка дыма: концевой корабль флотилии белых торопится под защиту своих батарей.

Василий засмеялся. Солнце уже не казалось ему раскаленной докрасна сковородкой. Теперь оно радостно сияло в синеве. И прибрежный лес словно помолодел! Зелень посвежела, стала нежнее, ласковее. А река! Она играет солнечными зайчиками, тихо плещется, гладит израненные борта «Вани». Они изрезаны пулеметными очередями и похожи теперь на щеки человека, болевшего оспой. Напрочь сорван кожух правого колеса...

Глаза Василия задерживаются на крас-

ных влажных пятнах, расплывшихся по доскам. Это кровь. Кровь товарищей, которые еще недавно стояли на боевых постах и очень любили жизнь...

Матросы убирают с палубы снаряженные и патронные гильзы.

А Ефим орет:

— Даешь Казань!

Радостный день

«Ваня» стоит у Казанского причала. Пять дней назад Красная флотилия овладела городом. Матросы заделывают пробоины, меняют доски палубных надстроек, которые от пуль стали как решето, накладывают краску на обгоревшие орудийные стволы. И ждут нового боевого приказа. Куда теперь революция пошлет красных военморов? Из Казани флотилия белых удрала на Каму. Может, в погоню за ней? Но и Самара все еще в руках врагов. Над палубой «Вани» кружатся волжские чайки, бесшумно режут крыльями воздух. Будто патрулируют.

На берегу расселись мальчишки. Они с восхищением смотрят на моряков. Любый из них знает, что «Ваня» первым пришел сюда, что это его матросы впереди всех выплеснулись на улицы, по которым металась свинцовая метель.

Штурм Казани десантным отрядом моряков под командованием Николая Маркина (репродукция с картины).

Да, бой за Казань был тяжелым. Двое суток дрались! Двое суток штурмовали красноармейцы и моряки позиции белых.

В первый день те устояли. Много своих потеряли, отдали все пригороды, но устояли. А ранним утром корабли Красной флотилии прорвались к причалам. Матросы, распахнув бушлаты, пошли на вражеские укрепления. Многие полегли на улицах Казани, но остальные дорвались до белых, втоптали их пулеметы в землю. И враги побежали. Так побежали, что оставили пушки, побросали полные склады добротного английского обмундирования и даже секретную переписку с иностранными правительствами.

Стоят на палубе «Вани» две скорострельные английские пушки — память о недавнем бое.

Всегда толпились народ на берегу около «Вани», а сегодня его особенно много. Сегодня хотя рабочий день в самом разгаре, собрались здесь водники, рабочие, кустари, конторщики. Они пришли сюда сразу после митинга, на котором услышали о телеграмме Ленина: Ильич поздравлял краснофлотцев с победой. А потом представитель Реввоенсовета развернул знамя. Оно было темно-красное, с большими золотыми кистями. Ветер чуть шевелил тяжелый бархат.

— Реввоенсовет поручил мне передать вам, что за героизм, проявленный в борьбе с врагами революции, экипаж канонерской лодки «Ваня» награждается Красным Знаменем и вот этой самой гитарой! — в поднятой руке сверкающая гитара с большим ярким бантом на грифе.

Маркин принял знамя, а командир канонерки — гитару.

Птицами взлетели над шумной толпой бескозырки, фуражки и картузы.

Красное Знамя торжественно водрузили в рубке и выставили рядом часового. А с гитарой спустились в кубрик. Вслух читали затейливые буквы: «От Реввоенсовета. За штурм Казани. 10 сентября 1918 года». В то время молодая Советская республика еще не имела своих боевых орденов, чтобы награждать героев.

Заговорил Миша Хлюпик (прозванный так насмешливым Ефимом) — парень с богатырской силой:

— А что мы, братцы, с ней делать будем? В кубрике повесим, что ли?

— Кубриков-то на судне несколько.

Повесим в одном — другие обижаться будут, — заметил кто-то.

Немного поспорили, даже покричали. Потом Макар Петрович сказал:

— Коли мое мнение интересует, то гитару надо торжественно вручить нашему уважаемому музыканту Петру Попову. Матрос он геройский, награду заслужил, ну и пусть играет, подымает в нас революционный дух.

Предложение боцмана понравилось: гитара приобрела хозяина...

Под вечер, когда на волнах колыхались длинные тени кораблей, с берега доносилось:

— Эй, братва! Сыпь сюда! Даешь комиссара! Открывай митинг!

А какой военмор откажется от митинга? Как по боевой тревоге, высыпали матросы на берег, сгрудились вокруг перевернутого засолочного чана, на котором, широко расставив ноги, стоял матрос с «Ольги».

— Братва! Что же это получается, а?

В голосе оратора недоумение, гнев. Братва стихает, настораживается.

— Что же это получается, а? — снова спрашивает матрос. — Сам товарищ Ленин нам телеграмму шлет, в которой призывает верных революции красных бойцов громить мировую буржуазию! Сам Ленин!!! Это понимать надо!

Волнуется, невразумительно орет людское море.

— По такому случаю, товарищ Маркин, наша команда не хочет на «Ольге» плавать! Вся команда категорически заявляет свой пролетарский протест!

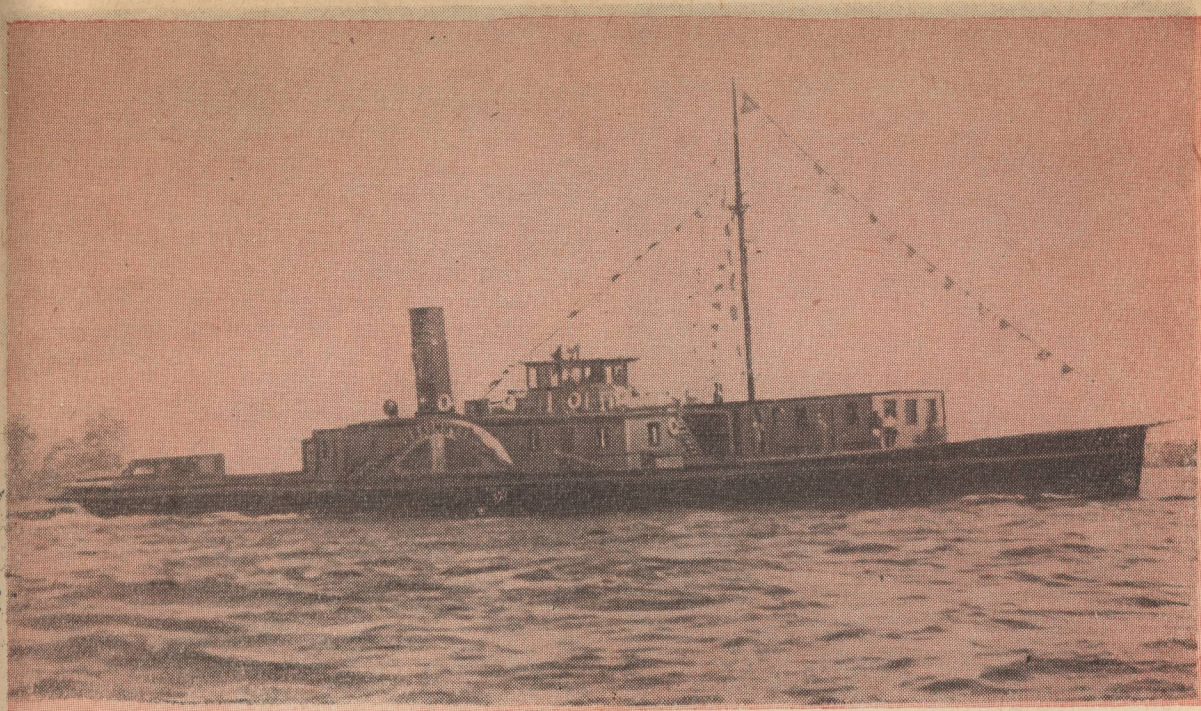
Маркин стоит рядом с разгоряченным матросом. Внешне он спокоен. Только внешне. Что затевает бесшабашная братва? Неужели нацелились удрать на сухопутный фронт? Бросить флотилию?! Неужели не понимают, что такие настроения — измена делу революции!

Только хотел комиссар перебить громкоголосого оратора, а матрос неожиданно выпалил такое, отчего сердце у Маркина радостно забилося, и даже глаза стали влажными.

— От имени всего экипажа прошу переименовать наш корабль! Кто такая эта самая Ольга? Купеческая дочка? Али святая какая?.. Долой «Ольгу», да здравствует «Авангард революции»!

— Даешь «Авангард революции!» — требует народ.

— Даешь, — машет рукой Маркин...

Канонерская лодка «Ваня Коммунист».

Возбужденные и злые возвратились к себе на корабль матросы «Вани». Да и было из-за чего: «Ольга» стала «Авангардом революции», «Олень» — «Борцом за свободу», «Пересвет» — «Борцом за коммуны». А их канонерская лодка так и осталась просто «Ваней». Не смогли подобрать ей подходящего имени.

— Ежели хотите знать правду, то «Ваня» тоже хорошо, — бубнит Ефим Гвоздь и вздыхает. — Простое, хорошее русское имя. Это тебе не купеческая дочка.

— Так-то оно так, — соглашается Маркар Петрович, — только это дело обмозговать треба. Тут, братцы, такое название надо, чтобы оно всех революционнее было!

— «Авангард революции» для нас самое подходящее, — подхватил Петр Попов.

— Пошел ты со своим авангардом! — огрызается Ефим Гвоздь, хотя ему очень нравится это название. — И вовсе не простой у нас «Ваня». Большевистский.

— Это уж куда точнее. Насквозь большевистский, — соглашаются все.

И тут Всеволод Вишневский встает со своей койки. Глаза у него мечтательные. Они немного смущенно смотрят в светлый круг иллюминатора.

— «Ваня Коммунист» — вот как мы

его назовем! — звонко говорит Вишневский.

Секунду длится тишина.

— Пошли к Маркину! — кричит Миша Хлюпик и от полноты чувств так хлопает Всеволода по плечу, что тот приседает и морщится...

Так закончился этот радостный день.

А утром, сразу после подъема флага, Маркин приказал построиться на берегу и объявил:

— С сегодняшнего дня мы — Волжско-Камский отряд флотилии. Наша первейшая задача разгромить беляков на Каме так же быстро и решительно, как мы сделали это здесь, на Волге. Помочь доблестной Красной Армии очистить уральскую землю от белогвардейских гадов.

Вызываю огонь!

Сентябрьские дни запомнились Василию как непрерывные стычки: то разъезд белых внезапно обстреляет вырвавшиеся вперед канонерки, то они сами обрушат снаряды на замешкавшийся отряд врага.

Впереди идет «Ваня Коммунист». Замыкают строй флотилии эсминцы «Резвый», «Прыткий» и «Прочный». Они пришили с Балтики по приказу товарища Лямина.

Всеволод Вишневский, фото 1918 года.

Грозная сила — эсминцы, но впереди идти не могут: Кама мелковата для морских кораблей, им нужен хорошо разведанный фарватер.

Много было стычек, но с кораблями белых встретились только раз. Произошло это 29 сентября около пристани Тихие Горы.

В тот день с утра моросил дождь, и все — река, берега, поросшие лесом, — были серыми или темными. Нахохлившись, стояли на мостике сигнальщики. А все остальные сидели в кубриках.

Тут-то и выскочили из-за яра корабли белых. Вздрыбнулась, словно закипела вода вокруг «Вани Коммуниста». Но хотя напали ударные силы белой флотилии — «Орел» «Труд» и «Рыбак», хотя все это было сделано расчетливо и внезапно, врагу не удалось посеять панику. Красные военморы вылетели из кубриков и открыли ответный огонь. Скоро он стал таким яростным, что сдали нервы у командира «Орла»: он первый удрал с поля боя. За ним, изрядно потрепанные, бежали «Труд» и «Рыбак».

Красные военморы уложили на корме убитых, перевязали раненых, наскоро собрали стреляные гильзы и вернулись в кубрики. И только новички, вроде Василия, взволнованно говорили о бое.

Вечером, когда Волжско-Камский от-

ряд остановился на ночевку, от белых перебежало несколько солдат. Они сказали, что офицеры грозятся разгромить красную флотилию у Пьяного Бора.

Какими силами хотят громить? Может, к ним подошли новые корабли? Или батарею где запрятали?

Много еще вопросов задавали солдатам. Но те не смогли ответить. Добавили одно: когда убегали, все корабли белых стояли у левого берега.

Задумались командующий и Маркин. Не подосланы ли солдаты? Не рассчитывают ли генералы просто запугать? Ведь если флотилия красных остановится, белым только выгода. Да и заморозки не за горами. А что тогда? Вмерзнут эсминцы и канонерки красных в лед.

— Начнем щипать белых с левого берега, где стоят их корабли. Высадим десант, и пусть он внезапно ударит, — сказал Маркин на совещании командиров.

— А как его высадишь? Раз белые на всю флотилию нацелились, то корабль с десантом для них — только плюнуть! — запротестовал один из командиров.

— Десант пусть берегом пробирается, — отрезал Маркин.

Через час десант сошел с кораблей. С «Вани Коммуниста» с ним ушли Всеволод Вишневский и еще девять добровольцев. Мало, но зато какие люди!

Забрали они с собой скорострельные английские пушки, которые захватили в Казани.

А Маркин с командующим все еще совещались. Пришли к выводу, что единственный козырь белых — удачно замаскированные батареи. Если ударят внезапно, да еще прямой наводкой, могут много натворить бед.

Но где белые упрятали эти проклятые батареи?

Измозолили пальцами лоцманскую карту, опросили всех камских водников, которые служили в отряде. Не нашли такого места, чтобы можно было уверенно сказать: «Здесь!»

Вышли из каюты. Небо висело над землей нежное-нежное и очень голубое. Словно недавние дожди смыли с него дым горящих деревень и пороховую копоть. А от неба и река казалась светлой, доброй, словно не по ней плыли сегодня утром плоты с виселицами, и ветер не качал почерневшие трупы старика и мальчишки с досками на груди: «Большевик».

Самое мирное утро, если бы у берега не стояли военные корабли, если бы их расцехленные пушки не таращили на солнце свои немигающие глаза — дульные срезы, если бы рядом с пушками не лежали снаряды, лоснящиеся от смазки.

— Вышлем разведку, — будто думает вслух командующий.

Маркин не возражает.

Два катера-истребителя выскальзывают из-под кустов. Набирают скорость, несутся по реке, разбрасывая радуги, заглядывают во все заливы, но ничего подозрительного не находят.

Еще один поворот реки — видна деревня: маленькие приземистые избы, стены которых стали серыми от дождей и ветров; над ними колокольня с зеленым куполом. На ней наверняка сидят наблюдатели. Они, бесспорно, видят разведчиков. Видят, но молчат, не приказывают открыть огонь.

А вот и корабли белых! Прижались к бережку! Они готовятся к бою: матросы достают из погребов снаряды, расправляют пулеметные ленты.

И тоже будто не замечают катеров.

— Уж больно подозрительно все это. К бою готовятся, а по разведчикам огня не открыли. Такого еще не бывало, — доложил командир катеров-истребителей, когда вернулся.

Маркину и командующему ясно: белые заманивают.

Так что же делать? Лезть в ловушку? Или выжидать?..

Только не выжидать! Это уже проигрыш, это уже поражение!

И Маркин говорит:

— Идем в бой. Главным — «Ваня Коммунист». Его белые так ненавидят, что все равно откроют огонь. Обнаружат засаду.

Да, Маркин знает: туго придется любимому кораблю, но нет иного выхода. Кто-то должен сегодня рискнуть. Рискнуть для победы революции. А кто же, если не корабль, награжденный Красным Знаменем? Кто же, если не он, Маркин, комиссар флотилии?

Пока ничего особенного не заметно. На высоком обрыве стоят прямоствольные сосны. Наклонило их в разные стороны. Будто окаменели неожиданно в минуту самого бесшабашного разгула.

Может, потому и называется это место Пьяным Бором?

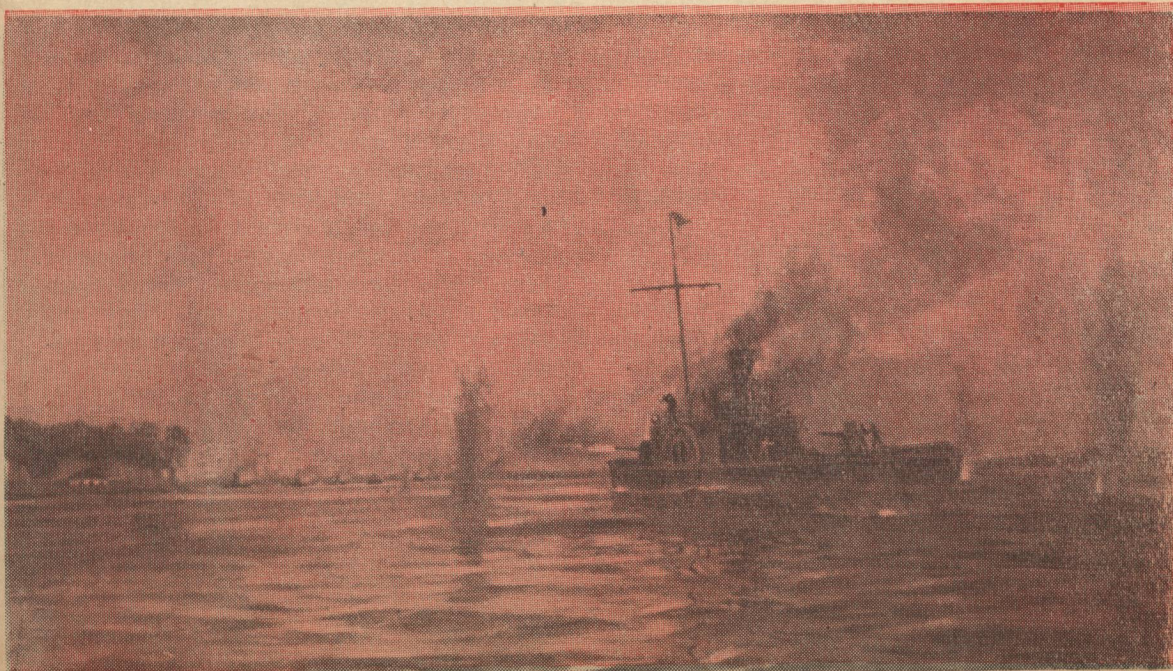
А десант уже подошел к пойменному лугу. Перейти его — и можно открывать огонь по вражеским кораблям.

— Ползем, братва, — говорит командир десанта и первый ложится на траву, белую и похрустывающую от инея.

Весь отряд ползет по лугу. Десантники тащат за собой и тяжелые станковые пулеметы. Только пушки оставлены у леса: они и оттуда могут стрелять.

— Огонь откроем, когда наши подойдут, — шепчет командир десанта, устроясь поудобнее в кустах, из которых прекрасно видно белогвардейские корабли, людей, снующих по палубам.

Бой канонерской лодки «Ваня Коммунист» с белогвардейской флотилией у Пьяного Бора (репродукция с картины).

— Товарищ Маркин! Вижу мачты «Орла»! — докладывает в это время на корабле сигнальщик.

— Усилить наблюдение, — приказывает комиссар, а сам глаз не сводит с длинной поленицы, вытянувшейся вдоль берега. Почудилось, или там действительно прячется кто-то?

Ага! Есть! Теперь уже точно видел, что из-за нее выглядывал офицер! Может быть, здесь передовой пост охранения? Или тут и притаилась вражеская засада? Если так, то немедленно отходить!

А вдруг ошибся?..

Нет, пока еще рано отходить! Флотилия должна точно знать, на что рассчитывает враг.

— Комендор Гвоздь! — кричит Маркин. — Ударь одним снарядом по поленице!

Летят в воздух поленья.

За поленицей солдаты!

Теперь все ясно, и Маркин командует:

— Стоп! Полный назад!

«Ваня Коммунист» нутужно бьет плечами по воде, стараясь выполнить приказ, но по инерции все еще движется вперед.

В это время разом рассыпалась вся поленица. За ней — четыре пушки.

Залп!

Грохот.

Огонь.

Двух пулеметчиков сразу сбросило в воду. Пламя начало разливаться по корме. Макар Петрович метнулся к нему, но, только направил шланг, сразу упал.

Когда Вишневский ушел с пулеметом в десант, Василия зачислили в аварийную партию. Это он, Василий, и подхватил шланг, вырвавшийся из ослабевших пальцев боцмана.

С той минуты и началось: только успели потушить пожар на корме — бросились заделывать пробоину; еще сочилась вода из-под деревянного щита, прижатого к пробоине, а с мостика уже новый приказ:

— Перебит паропровод! Исправить повреждение!

— Бей! — яростно орет командир десанта.

Четкими очередями ударяют пулеметы. Пустеет палуба «Орла», смолкают пушки флагмана белой флотилии.

С опушки леса торопливо тявкают скорострельные орудия. От разрывов их снарядов вспыхивают пожары. Их, правда, быстро тушат, но главное сделано:

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ПОД КАЗАЧЬИМИ НАГАЙКАМИ

Год 1904. Схватка царской России с Японией. Большевики с самого начала выступили против войны и призвали народ к борьбе с самодержавием. В стране нарастал революционный взрыв.

Я, только что ставший членом партии, за участие в организации демонстраций протеста и политических стачек на машиностроительном заводе в городе Николаеве был арестован на нелегальном собрании вместе с группой товарищей и брошен в тюрьму.

корабли белых панически, обрубая швартовы, бегут к правому берегу. А это значит, что они не смогут обстреливать «Ваню Коммуниста»!

Пятится «Ваня Коммунист», но яростно огрызается. А на помощь полным ходом уже идут товарищи. Продержаться бы еще несколько минут...

Снаряд беспощадным пламенем опалил палубу. Повалились комендоры у кормового орудия. Как решето стала надстройка.

Этот же снаряд перебил тросы рулевого управления, перебил и так разметал, что меньше чем за десять минут нечего и думать срastить их. А десять минут в бою — очень большой срок. Ведь уже сейчас «Ваня Коммунист» развернулся бортом к врагу. Лучшей мишени не придумаешь...

— Подготовить спасательные средства! — кричит Маркин.

Он стоит на мостике, продолжая командовать кораблем.

В январе 1905 года, освободившись из тюрьмы, я переехал в Брянск.

19 февраля на паровозостроительном заводе мы организовали забастовку протеста против расстрела петербургских рабочих 9 Января. Был избран стачечный комитет. В него вошел и я. Мы требовали свободы слова, собраний, введения восьмичасового рабочего дня.

На другой же день на паровозостроительном появились войска — пехота и казаки. Но присутствие их никого не напугало.

Стачечный комитет, чтобы доложить рабочим о результатах переговоров с администрацией завода и предъявить требование властям освободить из-под ареста членов комитета, созвал на базарной площади большой митинг. Появился представитель властей — уездный исправник. Его сопровождали вооруженные казаки. В ответ на наши требования исправник приказал казакам разогнать митинг. Началось избиение рабочих. В ночь с 23 на 24 марта стачечный комитет был арестован. Чудом уцелел один я.

К этому времени требования наши были частично удовлетворены, но главного мы не добились и решили продолжать стачку. На следующий день часть бастующих потянулась на завод. Я стоял

на железнодорожном переезде и убеждал каждого не приступать к работе. Большинство возвращались домой. Неожиданно из переулка на железнодорожное полотно вылетели казаки с нагайками. Я побежал на станцию, чтобы скрыться между составами. Один из казаков долго преследовал меня. Я кинулся на платформу и очутился лицом к лицу с шестью солдатами.

Размахнувшись, я ударил ближайшего ко мне кулаком в лоб. Солдат упал навзничь, а я, воспользовавшись замешательством, проскочил во двор вокзала. Там меня схватили казаки и начали избивать нагайками. Старались бить по голове и лицу. Рослый казачина, подъехав с боку, схватил меня за чуб. Я не выдержал, рванул его из седла и, приподняв над головой, бросил в снег. Окровавленного, в синяках и ссадинах, приволокли меня в полицию. Исправник злорадствовал:

— А, попался! Теперь пули тебе не миновать!

Я снова был брошен в тюрьму. Но пуля меня миновала. Вырвавшись на свободу, я вместе с шахтерами Донбасса продолжал борьбу за пролетарскую революцию.

И. С. Белостоцкий

Но будто не слышат моряки приказа комиссара. Стреляют комендоры и пулеметчики. Аварийная команда заделывает пробоины и тушит пожары. А механики и кочегары даже не высовываются из машинного отделения: идет бой, и они стоят на своих постах; пока они живы, не останится машина.

Даже Василий, исполнительный, послушный Василий пробегает мимо спасательного круга. У него сейчас одна задача: как можно скорей заменить матроса, подававшего снаряды к носовой пушке. Сейчас Ефим Гвоздь один за весь артиллерийский расчет работает.

Миноносец «Прыткий» почти рядом. Еще немного, и он прикроет собой израненного «Ваню Коммуниста»...

— Товарищ Маркин! — с ужасом и болью кричит Ефим Гвоздь.

Василий посылает снаряд в разинутую пасть орудийного замка и оглядывается.

Нет на мостике товарища Маркина. И мостика нет. Начисто срезал его снаряд.

Ефим Гвоздь уже у борта: может, швырнуло Маркина в реку?

Только волны, бегущие от кораблей, толкнутся за кормой...

Валится на борт «Ваня Коммунист»...

На палубу вылезает Миша Хлюпик. Его руки и лицо обварены паром. Не кожа — а лохмотья.

Валится на борт «Ваня Коммунист», валится...

— Держи, — говорит Ефим Гвоздь и сует спасательный круг в израненные руки товарища, а сам шарит глазами по реке, шарит...

— Какой корабль утопили! — плачет командир десанта.

За спасательный круг держатся Миша Хлюпик, Ефим Гвоздь и Василий. Вода такая холодная, что судороги сводят ноги. Боль невыносимая.

А белые хотят добить тех, кто еще на воде: из-за мыса выскакивают их корабли, сыпят пулеметными очередями.

Только запоздали: снаряды эсминцев уже вырыли яму там, где была батарея, и теперь, бешеные от ярости, корабли красных бросаются навстречу врагу.

А катера-истребители подбирают из воды живых.

— Потерпи, Миша, скоро и к нам подойдут,— говорит Ефим Гвоздь.

Нет Миши. Пуля впилась ему в висок.

Катер уже рядом. С него тянутся руки друзей.

— Внимательно смотреть! Может, еще кто жив! — приказывает командир катера.

Белеют спасательные круги. Покачиваются на волнах черные бескозырки. А людей не видно.

— Маркин? — спрашивает Никитин.

Командир катера молчит...

Ночь темная, безлунная. Звезды — как волчьи глаза: злые и зеленоватые. Как ненавидел Василий и это равнодушное небо, и эти бесстыжие гляделки-звезды!

В ту ночь ему все было ненавистно: и корабль, в кубрике которого расположился он с товарищами, и даже хозяева кубрика, молча сидевшие на рундуках. Эта уродина цела, плавает, а красавец «Ваня Коммунист» потоплен! Эти вон сидят, глаза таращат на чужую беду, а Маркина нет!.. Нет Маркина, Макара Петровича, Миши Хлюпика...

Только напрасно злился Василий на товарищей, напрасно называл уродиною миноносец. Никого не радовала победа. Никто из моряков Волжско-Камского отряда не спал в эту ночь.

Не спал и командующий. Он писал. Писал долго, мучительно подбирая слова. Несколько раз перечеркивал, начинал заново.

«№ 1491 2X—18 г. Рейд Усть-Икское. Москва, тов. Ленину, Свердлову, Склянскому, Альтфатеру.

1 октября под Пьяным Бором в ожесточенном бою нашей флотилии с судами и береговыми батареями противника погиб вооруженный пароход «Ваня Коммунист». На нем нашел себе преждевременную кончину помощник командующего Волжской военной флотилии товарищ Маркин Николай Григорьевич, преданнейший член нашей партии, один

из основателей и самых энергичных создателей нашей молодой флотилии на Волге и Каме.

Его смерть является тяжчайшей и абсолютно незаменимой утратой как для флотилии, так и для всей Советской Республики.

Вечная память отважному революционеру.

Комфлот Раскольников».

Командующий вздохнул, нажал кнопку звонка. Когда вошел дежурный, отрывисто приказал:

— Немедленно передать.

Не погибнет!

Корабли Волжско-Камского отряда идут мимо Малиновского мыса, у которого лежит обгоревший корпус «Вани Коммуниста».

— Вечная память героям! — торжественно сигналият на флагмане.

Сегодня, в ночь на 18 октября, намечена боевая операция.

— Если мы удачно выполним ее, это будет лучшей мстью за «Ваню Коммуниста», товарища Маркина и других,— так сказал командующий.

Темень — непроглядная. Три миноносца помигали фонарями клотиков и ушли вверх по реке. Фарватер не освещен бакенами, но у штурвалов стоят опытнившие водники Камы. Они и с завязанными глазами проведут корабль по родной реке.

Ни на одном перекате миноносцы днищем по песку не чиркнули!

Так же благополучно проскочили и линию фронта. Показались впереди тусклые огоньки пристани Гобьяны. Здесь, по данным разведки, должна стоять баржа с заключенными, о которой со страхом и ненавистью рассказывают жители всех прибрежных городов и деревень,— баржа смерти.

Головной миноносец подходит к ней.

— Кто идет? — окликает часовой.

Миноносец швартуется. На палубу баржи солидно спускается морской офицер, небрежно козыряет.

— Где начальник конвойной команды?

— Их благородие отдыхают на буксире,— отвечает начальник караула.

Офицер молча возвращается на миноносец. Но пока он разговаривал с начальником караула, на баржу тихо сошли

матросы. Когда миноносец швартовался к буксиру, конвойная команда баржи была уже разоружена.

А на буксирном пароходе морской офицер, брезгливо осмотрев каюту капитана, процедил сквозь зубы:

— Их превосходительство приказали немедленно всех арестованных доставить к нему.

Испуганно забежали глаза капитана буксира: что-то здесь не то, скрыться бы от греха, но как скроешься, если рядом стоят здоровенные матросы и смотрят на тебя недобрыми, настороженными глазами?

Буксир подошел к барже, и скоро она снялась с якоря.

Муторно на душе у капитана парохо-

да. Очень муторно. В рубке хозяевами расположились неизвестные матросы.

Из темноты выныривает еще один длинный и быстроходный корабль. Перемигивается с первым огнями и, разворачиваясь, заходит с другого борта буксирного парохода.

Теперь остается одно: идти туда, куда тебя ведут...

Молча, скрючившись от холода, сидят в трюме баржи заключенные. Они стараются не думать о том, что скоро будет. Они знают точно: как только баржа сменит место стоянки, начинаются массовые казни. Выводят на палубу и расстреливают. Или глушат прикладом — и в воду...

Загремела якорная цепь. Значит, при- были...

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

КАК ОСМЕЯЛИ ЦАРСКУЮ «КОНСТИ- ТУЦИЮ»

Рабочий Урал бурлил. В октябре 1905 года по решению Московского комитета РСДРП началась быстро охватившая всю страну политическая стачка под лозунгом свержения самодержавия и установления демократической республики. Перепуганный царь издал так называемый манифест 17 октября. Это был хитрый маневр, рассчитанный на то, чтобы отвлечь трудящихся от революции. Буржуазные партии незамедлительно принялись всячески расхваливать царскую «конституцию». Владимир Ильич Ленин выступил с разоблачением лживого манифеста и призвал рабочих и крестьян продолжать борьбу до победного конца.

Наша Красноуфимская организация большевиков, в которую я был принят в

1905 году, решила наглядно показать, что представляет собой обнародованная царем «конституция».

В один из ясных дней красноуфимцы увидели на улице карнавальную группу,двигающуюся к городскому клубу. Впереди, лихо размахивая нагайкой, шел вдохновитель черносотенных погромов царский генерал Трепов¹ (его избражал один из моих товарищей), за ним — граф Витте² (в этой роли был я) с золоченой цепью в руках. Цепь эта обвивалась вокруг яйца. Из него проклевывалась хилая «конституция» (роль ее выполняла худенькая девушка).

Под одобрительные возгласы собравшегося народа мы пели на мотив «Коробейников»:

Дурново³ шумит, волнуется,
просит тюрьмы заполнять.

Затем с «Марсельезой» вошли в местный клуб. Там в это время находился исправник. Он хотел было «принять меры», но мы успели скрыться через запасную дверь, сели в стоявшую наготове пролетку и укатили.

Наш карнавал оставил у красноуфимцев большое впечатление. Они стали открыто подсмеиваться над царской милостью. Полиция бесилась: никого из нашей группы ей так и не удалось задержать.

А. В. Рогожкин

¹ Д. Ф. Трепов — петербургский генерал-губернатор.

² С. Ю. Витте — председатель Комитета министров в 1905 году.

³ П. Н. Дурново — министр внутренних дел в 1905—1906 гг.

С грохотом откидываются люки. На посветлевшем небе отчетливо чернеет силуэт виселицы. Над люком наклоняется человек и весело кричит:

— Товарищи! Вылазь! Свобода!..

Молчат, затаились те, кто в трюме. Уже не раз так обманывали конвойные. А на палубе встретят смехом и залпами.

Потом, усмехаясь, офицер скажет:

— Расстреляны при попытке к бегству.

Над люком склонились уже люди.

— Есть тут кто живой?

Один из заключенных встал. Белые все равно не успокоятся, надо кому-то пожертвовать собой.

Пошатываясь от слабости, лезет он по трапу. Его подхватывают дружеские руки...

Пятьсот двадцать двух пленников вырвали краснофлотцы у смерти и доставили в Сарапул. Там же, в Сарапуле, военморам зачитали приказ:

«§ 1. Канонерскую лодку «Добрый» с сегодняшнего дня именовать «Товарищ Маркин».

§ 2. Личный состав канонерской лодки «Ваня Коммунист» не запятнал трусостью славного имени своего корабля. Кроме того, указанный личный состав вынес из боя орудия своего корабля»...

Лет через пять подняли «Ваню Коммуниста», отремонтировали. И он опять начал свою беспокойную жизнь, уже на мирной Волге, старый заслуженный буксир, славная канонерская лодка, которую Советская республика наградила первым в своей истории Красным Знаменем.

С его палубы пришел в большую советскую литературу Всеволод Вишневский. На нем плавал и погиб герой комиссар Маркин, из его кубриков разошлись по нашей стране многие другие коммунисты.

* * *

Снова ночь, и снова над развалинами героического города висит белая тарелка луны. И снова режет над Волгой тишину вой фашистских самолетов. Лес водяных столбов растет вокруг парохода. Прижавшись к каменистой стенке окопа, мы следим, как «Ваня Коммунист» лавирует среди разрывов.

— Ах, гады,— сцепив зубы, цедит Кошкин.— Неужели попали?

Нет. Такой корабль уничтожить нельзя. Он не может погибнуть. Если даже попадет в него вражеский фугас, мы поднимем «Ваню Коммуниста» с волжского дна. Ил не затянет его.

В ЛЕНИНСКОМ УГОЛКЕ

Следопыты серовской школы № 19 создали ленинский уголок. В прошлом году они разослали письма в различные уголки Советского Союза и в зарубежные страны.

Первая весточка из села Шушенского от сотрудников музея В. И. Ленина: «Дорогие ребята! По Вашей просьбе высылаем материалы о жизни и деятельности Владимира Ильича в период сибирской ссылки. Желаем вам успехов в учебе. Жить, учиться и работать по-ленински!»

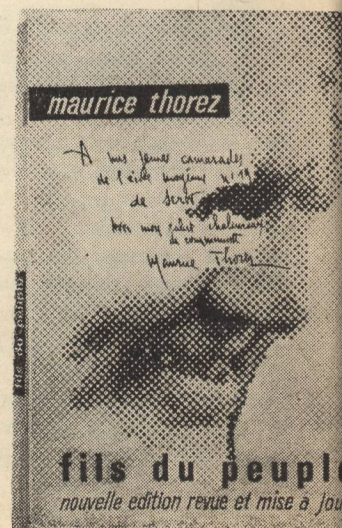
Вскоре пришли письма и бандероли из музеев В. И. Ленина Москвы и Ленинграда.

Из Польши ребята получили фотографию улицы в Кракове, где Ильич жил в 1912 году, фотокопию с домовы книги, в которой Ленин был прописан, снимок тюремной камеры в Новой Таре, куда в августе 1914 года вождем революции был брошен австро-венгерской полицией.

В маленькой самодельной витрине яркая обложка книги, изданной в Париже. Дарственная надпись на французском языке: «Моим юным товарищам средней школы № 19 г. Серова. С горячим коммунистическим приветом. Морис Торез». А рядом письмо. «Мои юные товарищи! Я Вам сердечно благодарен за Ваше письмо, написанное на хорошем французском языке, и за Ваш интерес к жизни Франции. Сегодня же я Вам высылаю книгу «Сын народа». Желаю Вам больших успехов в Вашей учебе и в Вашем усилии содействовать построению коммунизма. Морис Торез».

Есть в Ленинском уголке раздел: «Советские люди продолжают дело Ильича». Здесь фотографии космонавтов Гагарина и Титова с автографами, воспоминания о Ленине с дарственной надписью члена Президиума Верховного Совета СССР А. А. Андреева, письмо дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака, подарок из Китая, Чехословакии.

Ю. АЛЕКСЕЕВ

УРАЛМАШУ

30 лет

«На Уралмаше вырос еще один Уралмаш», — шутят рабочие. И они, пожалуй, правы: завод с каждым годом расцветает, расширяется, реконструируется. Вступили в строй один за другим 9 новых пролетов блока цехов сварных машиностроительных конструкций. Близок тот день, когда самый крупный в Европе цех металлоконструкций даст свою первую продукцию.

1952 год. Промышленность страны ощущает острый недостаток в тонком металлическом листе, необходимом для производства электрооборудования, машин, вагонов, тракторов... И за дело взялись уральцы. На Уралмаше были спроектированы новые прокатно-листовые станы со скоростью прокатки, превышающей скорость курьерского поезда.

Американцы потратили на создание таких скоростных станов тридцать лет. Уралмашевцы — десять.

Пять лет тому назад конструкторы Уралмаша приступили к созданию первого в мире блюминга-автомата производительностью в 6 миллионов тонн проката в год. Шесть миллионов! Из такого количества металла

можно будет построить железную дорогу вокруг земного шара.

Ежеминутно блюминг-автомат будет выпускать металла столько, сколько идет на изготовление пятнадцати легковых машин.

В 1962 году на изготовленном уралмашевцами оборудовании появился новый адрес: Куба. По заказу острова Свободы завод спроектировал и изготавливает оборудование для реконструкции стана «720» на завод Антилья-но де Асеро.

Стан построили незадолго до победы кубинской революции американцы. Мощность его была невелика, так как рассчитывали, что много металла кубинцам не понадобится.

Но сегодня острову Свободы очень нужен свой металл, и стан «720» пришлось реконструировать.

Почетный заказ Кубы уралмашевцы выполнили на отлично. 14 мая прославленный Уралмаш посетил Фидель Кастро.

Сейчас на заводе приступили к проектированию еще одного шагающего гиганта — экскаватора ЭШ-50/125 с емкостью ковша 50 кубических метров и 125-метровой стрелой.

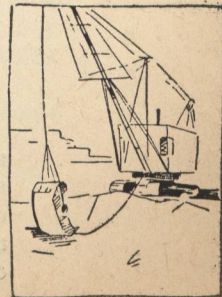
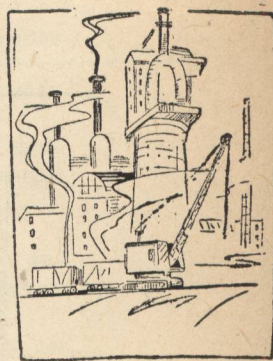
Новая машина сможет производить добычу полезных ископаемых открытым способом на большой глубине. Производительность ее — до 12 миллионов горной массы в год. «Старичок» с ЭШ-14/75 дает почти в десять раз меньше. Но и у этого экскаватора большие заслуги. Так, на строительстве Волго-Донского канала он вынул свыше миллиона кубических метров грунта и

без капитального ремонта прошел вдоль Волги 20 километров (путь для тяжелой машины немалый!), а потом так же успешно работал на Кольском полуострове и Южном Урале.

Новое чудо. Стан-гигант «450». Так условно называют стан непрерывной прокатки, над созданием которого трудится коллектив конструкторов отдела прокатного оборудования. Длина «чуда» больше километра. Вес установленного в нем оборудования — 15 тысяч тонн. Общая мощность электродвигателей 57 тысяч киловатт — почти Волховская ГЭС. И продукция богатырская. Через каждые 10—15 минут из цеха будет выходить вагон готового проката. Несколько товарных составов потребуются, чтобы вывезти дневную продукцию этого прокатного завода.

Уралмаш — единственный в Советском Союзе поставщик крупного дробильно-размольного оборудования. Самые мощные дробилки имеют загрузочную часть размером полтора метра. Каждая из них способна пропустить за час 2,5—4 тысячи тонн руды (это почти целый тяжеловесный состав), а за год — 10—11 миллионов тонн.

«Задута новая мощная домна!» — такое сообщение мы часто встречаем в печати. А уралмашевцы создают для этих домн самое мощное и современное оборудование. Чтобы понять, какой огромный шаг сделал завод, можно вспомнить, что начал он путь в этой области с проектирования пневмати-

ческих пушек Брозиуса для забивки чугунной летки. Просто пигмеями кажутся они теперь перед современными электрическими пушками, лучшими в мире. Да и мощность нынешних пушек в 33 раза больше, чем у пушек Брозиуса.

* * *

Герой Социалистического Труда лауреат Государственной премии доктор технических наук главный конструктор прокатного оборудования Георгий Лукич Химич — воспитанник завода. Когда Уралмаш строился, Георгий Лукич работал чертежником. Потом учеба, творчество.

Первый советский рельсобалочный стан был спроектирован под руководством и при участии Химича.

Шли годы, велись работы по совершенствованию рельсобалочного стана. Последние образцы таких станков, созданные уралмашевскими конструкторами, производительнее первого более чем в полтора раза.

Сейчас коллектив отдела прокатного оборудования,

возглавляемый Г. Л. Химичем, работает над созданием самой мощной установки для непрерывной разливки стали.

* * *

В заводском научно-исследовательском институте много талантливых конструкторов и инженеров-исследователей. Десять из них защитили звание кандидата технических наук. Это В. М. Сивинский, А. В. Третьяков, В. Е. Соколов, В. М. Браславский и другие.

* * *

Тридцать два года тому назад начал свой трудовой путь землекопом Г. Я. Турунцев. Теперь он руководит бригадой, обслуживающей уникальный токарный станок. Бригада носит звание коммунистической и к 1965 году намерена выполнить вторую семилетнюю норму.

* * *

Всем известен артист Московского академического художественного театра Владимир Трошин. А многие на Уралмаше пом-

нят молоденького слесаря, который работал на заводе в годы Великой Отечественной войны. И еще помнят, как в спектакле К. Симонова «Русские люди», поставленном вместе с другими участниками художественной самодеятельности, Владимир Трошин с блеском сыграл роль раненого красноармейца.

Другой слесарь, Олег Попов, — сейчас артист драматического театра в Куйбышеве. Работница заводской столовой Любовь Александрова — артистка Ленинградской эстрады. Без отрыва от производства закончил Свердловскую консерваторию инженер А. В. Хренов. Сейчас он солист музыкально-драматического театра.

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

В НОВЫЙ
МИР

Человека в старой России с детства воспитывали в духе рабской покорности самодержавному строю. Церковь и школа, армия и полиция, весь государственный аппарат старались внушить ему целую систему понятий и правил: существующий порядок на земле — от бога,

царь — помазанник божий и т. п. Жуткая, мрачная жизнь, окруженная глухой стеной...

Революция 1905 года расшатала эту стену, всколыхнула мертвую жизнь, распахнула ворота в новый, невиданный мир.

Я, тогда ученик екатеринбургского городского училища, ходил на митинги и там впервые увидел товарища Андрея (Я. М. Свердлова), Оskarовну (М. Авейде), Петровича (С. Чуцкаева) и других большевиков. Целый переворот в моем сознании произвели их страстные речи о правах трудового человека, всеобщем избирательном праве, демократической республике. Я стал доставать книги, в которых рассказывалось, что такое человеческое общество и классовая борьба. Неоценимую помощь в этом мне оказывала Мария Фадеевна Куней, работавшая в библиотеке имени Решетникова.

Шаг за шагом я втягивался в революционную работу.

Первого мая 1906 года на Каменных Палатках была организована массовка. С женами и в одиночку шли сюда рабочие

Овощи и радиоактивность

Кандидат биологических наук Н. В. Куликов нажимает пусковую кнопку. Толстая свинцовая плита медленно откатывается в сторону, обнажая зев глубокого колодца. Почти одновременно приходит в движение подъемник, и из глубины на поверхность поднимается свинцовая капсула. В нее заключен источник радиоактивного излучения.

К колодцу приближается странное сооружение в виде этажерки. На полках тарелочки, наполненные семенами растений.

Это сотрудники лаборатории биофизики Уральского филиала Академии наук, которой руководит доктор биологических наук В. Н. Тимофеев-Ресовский, проверяют, как влияют на жизнеспособность растений небольшие дозы радиоактивных излучений. Поток невидимых лучей пронизывает семена. Ученые отсчитывают минуты. И вот Н. В. Куликов снова нажимает пусковую кнопку. Капсула с радиоактивным кобальтом уходит в ко-

В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ

лодец, «этажерка» откатывается в сторону, а на ее место уже спешит свинцовая плита.

Облученные семена высели на опытном участке, а рядом — обыкновенные, контрольные. Вскоре увидели, что первые развиваются дружнее. Томаты, например, раньше покрылись румянцем и на 20 процентов прибавились в весе по сравнению с контрольными.

Ученые повторили эксперимент, но облучили семена уже сильными дозами. И что-то надломилось в организме растений. Они вяло развивались.

Так установили факт благотворного влияния на развитие растений небольших, вполне определенных доз радиоактивных излучений. Слегка раздражая растительные клетки, они вызывают ответную реакцию — усиленное клеточное деление.

В. ЩЕННИКОВ

по тропам, охраняемым патрулями. Получив накануне пароль, участвовал в маевке и я. Незнакомый человек обратился к собравшимся:

— Товарищи!

Это простое слово вызвало во мне неизъяснимое чувство. «Значит, — думал я, — все, кто находится здесь, и я — общая семья, мы вместе боремся за правое дело».

Памятная маевка явилась и первым моим боевым крещением. Неожиданно налетела конная полиция. Было схвачено более пятидесяти человек. Взрослых моментально отправили в тюрьму, а меня как несовершеннолетнего, через сутки отпустили.

Летом я уехал в Невьянск и устроился на золотой прииск. Распространял среди рабочих политическую литературу и участвовал в забастовке. Осенью вернулся в Екатеринбург. Революционным кружком в нашем училище руководила Сима Дербина. Мы собирались на квартирах товарищей, изучали произведения марксистов. Наступило время, когда Сима сказала:

— Пора за работу. Зайди к Марии

Фадеевне в библиотеку, спроси четвертый том «Капитала».

В библиотеке Мария Фадеевна внимательно посмотрела на меня и, помедлив немного, произнесла:

— Пойди и возьми сам.

Я прошел в комнату и увидел там человека, которого несколько раз встречал на сходках.

— Ну вот и хорошо, — встретил он меня. — Поможешь нам распространить избирательную литературу. Семена знаешь?

— Нет.

— Тогда запомни. — И тут же назвал адрес. — Спросишь Турбину. Получишь литературу и раздашь на Березовском заводе.

На второй день я распространял в Березовске «Избирательную платформу РСДРП» (в это время происходили выборы во II Государственную думу).

Так я выполнил свое первое партийное поручение.

В 1907 году меня приняли в партию.

А. И. ПАРАМОНОВ

В ПОИСКАХ КЛАДОВЫХ

Археологи университета делят год на две половины: полевой (весна и лето) и камеральный (дождливая осень и суровая зима). Первая половина идет на разведку и раскопки, а вторая на обработку материалов. Нынче в «поле» вышла целая армия — три больших отряда и двадцать разведочных групп. На реках Тавде и Туре, Пышме и Исети, Ишиме и Тоболе археологи разыскивают древнейшие поселения человека, курганы, могильники.

Сотрудники кафедры всеобщей истории уже несколько лет выезжают в Крым, в окутанный легендами Херсонес Таврический. Свердловские археологи нынче работают в Крыму.

Любопытные находки сделали здесь уральцы в прошлые годы. Они натолкнулись на склеп,

ском богатые Пелымталекуре (именем его названа река и таежное озеро).

Много неожиданного и интересного ждет исследователей. Они проводят гидрографическое обследование и описание озера, определяют причины своеобразных течений и границы весенних разливов вод, обследуют древние городища, расположенные по берегам. Побывают на загадочной реке Черной, постараются раскрыть тайны плеса Кошеволь — «золотого дна» Пелымского таежного края.

ПЕРВЫЕ ТРАССЫ

Мечта советских людей — повернуть течение Печоры и Вычегды на юг, направить их в Каму, Волгу и Каспий — осуществляется. В район строительства Печоро-Вычегодско-Камской гидросистемы и Верхне-Камской ГЭС прибывают все новые изыскательские партии, отряды геодезистов, геологов, гидрологов. Еще зимой в Коми АССР, где намечено строительство гидроузлов, работали отряды геологов, буровиков и гидрологов. Сейчас в районе будущей Верхне-Камской ГЭС геодезисты ведут съемку местности, наносят на карту границы водохранилища. Лесоустроители определяют запасы леса (древесины) в зоне затопления. Геологи разведуют условия сооружения гидроузла и плотины, которая по высоте превысит десятиэтажный дом.

Экспедиции

Вход в который закрывала мраморная плита с надписью, нашли сосуды, монеты, украшения. Обнаружили также две оборонительные стены с башнями, одна из них будет исследоваться в этом году.

Известно, что для укрепления башен херсонесцы при строительстве их заполняли пустоты в кладке обломками архитектурных памятников и надгробных плит. Наши археологи мечтают открыть такую «кладовую».

Ю. БУРАНОВ

РАЗВЕДЧИКИ УРАЛЬСКИХ ВОДОЕМОВ

ОЗЕРО ПРЕДАНИЙ И ЛЕГЕНД

Пелымский Туман — озеро преданий и легенд. Здесь работает экспедиционная группа Свердловского областного Совета краеведения. Маршрут ее проходит вдоль трассы железной дороги Ивдель — Обь до реки Пельма. Дальше — более двухсот километров по реке до самого большого озера Свердловской области — Пелымского Тумана — по следам древней легенды о мансий-

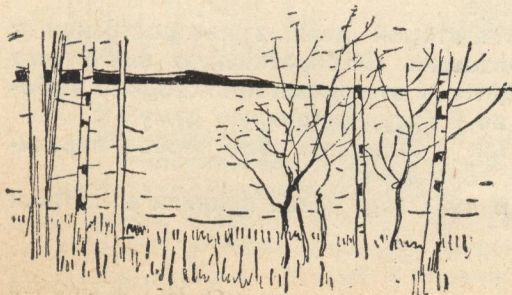
и д у т

А там, где пройдет канал, на трассе, более чем в двести километров тоже ведутся большие исследования. Гидрологи детально изучают Южную и Северную Кельтму, открывают в верховьях Камы и Печоры, на их таежных притоках, водомерные посты и стокосые станции. Разведчики водных путей намечают первые трассы судоходных каналов.

В СЕВЕРНЫЙ ТАЕЖНЫЙ КРАЙ

Маленький катер и моторные лодки доставили исследователей из Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта на Малую и Большую Конду, на огромные таежные «моря» — озера Леушинский и Турсунтский Туманы, их многочисленные притоки и Затуманную Конду. Изучаются водные пути района строительства газопровода Игрим — Серов, ведутся съемки на Тавде — судоходной магистрали Свердловской области.

В результате экспедиционных работ будет собран обширный гидрографический материал, определены условия судоходства и сплава на реках таежного края. Одновременно исследователи доставят необходимые данные для уче-

ных Транспортно-Энергетического института Сибирского отделения Академии наук СССР, которые предполагают использовать на реках восточного склона Урала и Западной Сибири суда на воздушной подушке.

ПО КАМСКОМУ И ВОТКИНСКОМУ МОРЯМ

Гидрографическое научно-исследовательское судно Камской гидрометеорологической обсерватории путешествует по Камскому и Воткинскому водохранилищам. Ученые исследуют ветровые и волновые явления морей, процессы переформирования берегов, образования плавучих торфяных островов. Испытываются гидрометрические и автоматические навигационные приборы. К двумстам гидрометпостам и станциям добавится еще несколько новых, оснащенных современным оборудованием.

А сотрудники Пермской экспериментальной лаборатории водохранилищ изучают химический состав вод Воткинского водохранилища, решают важную проблему защиты их от загрязнения стоками промышленных предприятий, расположенных на камских берегах.

МОСКВИЧИ НА ПЕРМСКИХ РЕКАХ

Голубые нити речных путей прорезают густые леса севера Пермской области, стремительно сбегая с каменистых склонов горного Урала, плавно извиваются среди равнинных просторов юга.

Здесь свыше пятисот больших и малых рек общей длиной более тридцати тысяч километров. На разведку новых судоходных путей выехали экспедиции речников-изыскателей Московского института «Гипроречтранс». Они обследуют экономику приречных районов, установят перспективы развития сельского хозяйства, городов и промышленных предприятий, расположенных на многочисленных притоках Камы, побывают на

по Уралу

Чусовой, где намечается строительство Большого Поньшского гидроузла, на горной Вишере — в районе будущих Красновишерской и Усть-Улской ГЭС, на далекой северной реке Весляне, на Тулве, Сайгатке и других реках, впадающих в Воткинское водохранилище. Москвичи определяют направление и объем перевозок, их близкие и отдаленные перспективы, выберут места строительства новых портов и причалов, лесосплавных рейдов.

В недалеком будущем протяженность судоходных путей области достигнет трех тысяч, а сплавных — двадцати тысяч километров. Материалы разведчиков водных путей послужат в дальнейшем основой для разработки «Генерального плана развития речного транспорта Камского бассейна на 1965—1980 годы».

В. ГОЛОВКО

ОТ ТУНДРЫ ДО СТЕПЕЙ ЗАУРАЛЬЯ

Сотрудников Уральского филиала Академии наук СССР можно встретить и в тундре Ямала, и в зауральских степях, и в горах Южного Урала. Темы экспедиций самые разнообразные.

В тундре зоологи изучают песца. В одни годы этих ценных зверьков бывает много, в другие, наоборот, мало. Почему? Какую роль играют заболевания? Как происходит переселение песца? Как примениться к капризам природы?

Свое путешествие зверьки совершают регулярно, осенью и весной. Но откуда они приходят и почему переселяются? Возможно, песцы появляются в южных районах Ямала не из центральных частей полуострова, а с востока, с Гыдана. А может быть, и с Енисея? Для составления прогноза добычи надо знать количество зверей и ход их размножения на больших пространствах тундры Северной Азии.

Недавно научный работник УФАНа В. С. Смирнов предложил для автоматического кольцевания зверей особую петлю, которая ставится у норы. Когда песец попадет в нее, петля затягивается, а потом специальным ножичком обрезается. На шее песца остается часть петли с биркой из плексигласа. С таким «паспортом» зверек бежит по тундре и рано или поздно попадает в руки охотников, а через них к ученым.

В тундрах Ямала на многочисленных рыбных озерах работают ихтиологи. Они изучают виды рыб, их питание, возраст, условия жизни.

А ботаников интересует вопрос: как сделать, чтобы на площадях, занятых шлаками, отвалами горных выработок, различными отходами производства и т. д., зазеленели парки, скверы, а может быть, и фруктовые сады?

В. ПАВЛИНИН,
кандидат биологических наук

ПРЕМЕРА

Б. ЦЫВЬЯН

Рисунки Н. Мооса

I

— Вас к телефону,— сказала сестра, приоткрыв дверь.

Я встал с постели и вышел из палаты. Зеркало в коридоре отразило высокую, закутанную в больничный халат фигуру с забинтованной головой.

В кабинете врача было тихо.

— Свердловск? Да, я. Здравствуйте, Иван Петрович!

— Дорогой мой, как вы там?.. Слышал, слышал про ваши дела. Как редак-

тору мне нужно ругать вас, но отложу. Не буду, не буду... Рассказывайте, каким ветром занесло в Красногорск. Как здоровье?

— Через несколько дней, наверное, снимут повязку и выпишут. Готовьте место для репортажа.

В трубке забулькал смех.

— Ну и театральные критики пошли. Едут за статьей о самодеятельности, а пишут производственный репортаж... Вы были на самом энергополигоне?

Я усмехнулся.

— Конечно!

— Не торопитесь, поправляйтесь. На премьеру вы теперь не успеете, но основное — здоровье. И если сумеете, то постарайтесь поймать главного конструктора системы. Он, конечно, занят, однако надо хоть небольшое интервью из него выжать.

— Интервью взял. Мы лежим в одной палате.

— Еще не легче! Что-нибудь серьезное?

— Нет. Досталось поровну...

Я попрощался, опустил трубку и задумался.

II

В Красногорск я попал случайно. У меня была командировка в район, объединявший южную группу рудников. Там проходил смотр художественной самодеятельности горняков.

В последний день кто-то из членов жюри сказал мне между прочим:

— Жаль, не приехала Марина Васильевна Смирнова. Она работает врачом в Красногорске, но голос у нее, если бы знали...

— Марина Васильевна?.. Марина? Она не за Юрием Александровичем замужем?

— Да. Вы знакомы?..

С Мариной и Юрой мы учились в одних классах. Честно говоря, когда-то я даже чувствовал себя влюбленным в бойкую девчонку с зеленоватыми глазами. Но потом... Марине понравился он, вечно погруженный в какие-то чертежи и схемы, прокопченный канифольным дымом паяльников, иногда молчаливый до угрюмости. Наши девчонки пожимали плечами и сочувственно вздыхали, глядя на меня. Но я, несмотря на терзания, признал справедливость ее выбора. Мы, ребята, очень уважали Юрку. За «целеустремление», как говорили мы.

И вот оказалось, что семья Смирновых сравнительно недавно вернулась на Урал с Алтая, где Юрий работал в научно-исследовательском институте.

— Красногорск-то от нас недалеко, — заметил член жюри во время разговора.

Я знал, что во вторник состоится в Свердловске премьеры давно ожидаемого спектакля «Навстречу солнцу», что

мне необходимо быть на премьере и писать рецензию, а до этого еще сдать отчет о смотре.

Я думал. Я прикидывал. В конце концов решил, что успею. Иное решение все равно ничего бы не изменило: автобус уже вез меня в Красногорск.

III

...Воскресенье пролетело незаметно. То и дело перебивая друг друга, мы задавали один и тот же вопрос: «А ты помнишь?..» К вечеру, наконец, Юрий устало изрек:

— Хватит, братцы. Человек должен жить не прошлым, а будущим. Верно, Мариночка?

— Философ, — вздохнула Марина. — Верно-то верно, только, по-моему, все будущее ты видишь в пределах своего энергополигона.

— Старая острота! — сказал Юра. — Кроме того, наш полигон...

— Что за полигон? — спросил я скорее из вежливости, чем из любопытства.

— Сейчас расскажу... Десять лет назад на Алтае мне с группой ученых удалось получить от Земли первый «урожай». Земля стала давать ток промышленного напряжения. В то время на шахтах и рудниках боролись с «блуждающими токами», в том числе с естественными токами Земли... Есть такие токи в Земле — естественные. Слабые они, но создавали в работе горняков серьезную опасность. Нередко взрывник еще только вводит в скважину заряд с электрическим капсюлем-детонатором, а естественный земной ток тут как тут. Если изоляция проводников электродетонатора чуть подвела, — трах! — преждевременный взрыв!.. В общем, были дела. А сегодня положение изменилось. Мы научились отбирать от матушки-планеты ее электрический потенциал. Вся южная группа рудников, где ты, кстати, был, питается земным электричеством от нашего энергополигона.

— Интересно, — сказал я. — Это электростанция абсолютно нового типа? Так я понял?

— Совершенно верно. Ну, а сейчас спать. Если хочешь, завтра с утра повезу тебя на полигон.

— Завтра уже понедельник, — осторожно заметил я, — а во вторник надо быть в Свердловске. Премьера «Навстречу солнцу», и я...

— Завтра,— перебил Юрий,— у меня тоже премьера. Да еще какая! Пуск блока «В» с форсированным съемом тока. В конце концов ты журналист или нет? Тебе же чертовски везет: побывать на нашей премьере... А в Свердловск успеешь.

IV

Понедельник выдался пасмурным, сумрачным. Тучи спустились чуть не к самым окнам четвертого этажа. Но даже начавшийся дождь не мог испортить моего хорошего настроения. У меня было предчувствие, знакомое каждому журналисту: я понимал, что «наклеывается» интереснейший материал.

За завтраком Юрий был сосредоточен и молчалив. Видимо, обдумывал предстоящее испытание. Потом, посмотрев на меня, внезапно оживился.

— Я тебя сейчас немного введу в курс дела.

Держа в одной руке стакан с кофе, он быстро набросал на бумажной салфетке простенькую схему.

— Как известно, мы чаще всего

встречаемся в природе с двумя процессами: окислением и восстановлением. В толще Земли при окислении некоторых руд возникает слабый электрический ток. Химическая энергия преобразуется в электрическую. Получается своего рода природный гальванический элемент.

— Это вроде карманной батарейки? Он мельком взглянул на меня.

— Есть хочешь, то «вроде». В принципе. Только масштабы не те... Было установлено, что более высокое напряжение тока при окислении дают руды, содержащие сернистые соединения меди, железа, свинца, мышьяка. А под Красногорском есть большое медное месторождение. Конечно, медь нужна, но вначале мы используем месторождение для энергетических целей. И только через двадцать лет нас сменят горняки.

Юрий передал мне через стол бумажную салфетку со схемой. На разрезе были изображены далеко простирающаяся рудная залежь и многочисленные вертикальные линии, пронизывающие ее.

— А где у вас шахта?— спросил я.

— Шахту строить дорого. Да и зачем она? Мы бурим скважины. В них монтируем контактные установки. Там же находятся электропроводные добавки... Это один полюс нашей энергетической системы. Вторым полюсом служит капитальное стационарное заземление. Мы его уложили на контакте коренных пород с наносами. Уяснил?

Я неопределенно помычал, дожевывая бутерброд.

— В остальном ты разберешься на месте. Одевайся, поехали. Соловья, говорят, баснями не кормят.

V

Энергополигон оказался большим полем, обнесенным ажурной железобетонной оградой. От распределительной подстанции уходили за горизонт три линии высоковольтных передач.

Наша машина остановилась у светлого здания лабораторного корпуса. Несколько человек окружили нас.

— Знакомьтесь,— представил меня

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ЮНОСТЬ

В человеческой памяти впечатления детства и юности оставляют неизгладимый след. Но память не фотографическая пленка, бесстрастно фиксирующая все — и важное, и неважное. В ней остается то, что наиболее значительно и ярко.

Воспоминания нынешнего юного поколения советских людей будут связаны со школой и комсомолом, с освоением целины и грандиозными стройками коммунизма, с созданием замечательных машин и первыми полетами в космос — со всем тем, чего достиг наш народ под руководством ленинской партии.

А я вспоминаю всегда конец прошлого и начало нынешнего веков: мое детство и юность. Нас, детей, в семье было семеро. Отец работал каталом в прокатном цехе Сысертского завода. По нату-

ре это был не злой человек, но изнурительная работа и постоянная забота о куске хлеба делали его хмурым и неразговорчивым.

Учился я всего три года. Однажды, вернувшись с завода, отец, не глядя на меня, сказал:

— Пора тебе, Иван, на работу. Одному мне вас не прокормить.

Так в неполных пятнадцать лет я стал трудиться.

Был подсобником. Рабочие относились ко мне по-доброму и хвалили за расторопность.

На Сысертском заводе в то время уже действовала крепкая подпольная организация. Видно, ко мне присмотрелись, и постепенно я стал выполнять небольшие поручения. Позже мне доверяли распространять листовки среди крестьян, приезжавших в город, и рекрутов.

Сысертцы поддерживали тесную связь с екатеринбургской партийной организацией. Получив пароль, мы после работы спешили из Сысерти на Каменные Палатки, в лес, который начинался за теперешним вокзалом, или в район ВИЗа. Шли напрямик по тропе через болото. Выгода была двойная: сокращался путь и уменьшалась опасность напороться на полицейскую засаду.

Через год я устроился в одну из екатеринбургских мастерских, а в 1908 был принят в партию коммунистов.

Так началась моя юность.

И. Г. Феофанов

Юрий собравшимся инженерам и техникам.

Мы молча зашагали по асфальтовой дорожке, огороженной с двух сторон ручьями. Справа и слева через равные промежутки, словно садовые домики, стояли, выстроившись в ряды, небольшие приземистые кубы, выкрашенные алюминиевой краской.

— Это наши автоматизированные отсасывающие станции. Они устанавливаются над каждой энергетической скважиной, — сказал, перехватив мой внимательный взгляд, один из новых знакомых.

Мы подошли к площадке, где намечалось испытание.

Четыре автомашины с крытыми кузовами, два передвижных компрессора располагались рядом со скважиной, к

которой протянулись, затейливо переплетаясь, многочисленные разноцветные шланги, бронированные кабели, провода.

Считанные минуты оставались до начала испытания.

Видя, что Юрий занят, я попросил своего собеседника кратко рассказать о работах на блоке «В». Инженер не заставил себя уговаривать.

— В руде блока «В» содержание меди и серы точно такое же, как и на других участках месторождения, — объяснил он. — Но для увеличения съема тока мы искусственно усилили процесс окисления. В скважине, кроме обычной контактной установки, помещена весьма пористая пластмасса — суперпропорласт, пропитанная активизатором. Активизатор — новое сложное окисляющее вещество...

Он говорил подчеркнуто коротко, сухо, видимо, стараясь в нескольких словах передать суть дела. Терпеливо ждал, когда я запишу очередную фразу.

— Но это только первые шаги. Программа сегодняшних испытаний такая: мы стараемся усилить давление в контактной зоне и повысить скорость подачи активизатора. Это должно резко увеличить съем тока.

VI

...Прошло три часа. Юрий, пригнувшись, сидел у пульта. Я стоял рядом, хотя, кажется, этого не полагалось. Принесли ленту, только что снятую с самописцев. Пики и впадины или спокойные, плавные линии точно отражали весь ход испытаний.

— Аркадий Николаевич,— обратился Юрий к инженеру,— посмотрите на кривые. Разве мы достигли оптимального режима?

Аркадий Николаевич, тучный мужчина в синем берете, снял очки и медленно начал протирать их носовым платком.

— Я все уже видел. Съем тока увеличился всего на двадцать процентов. К сожалению, мы никак не можем повысить расход активизатора. Скважина его больше не принимает.

— Ну, увеличьте давление.

— До каких же пор? Нет, Юрий Александрович, мне кажется, единственный путь—это скважина-спутник. Но ведь вы знаете...

Что такое «скважина-спутник» я не знал. Очевидно, ее использование не входило в план испытаний. Юрий побарабанил пальцами по щиту пульта. Встал и широкими шагами направился к испытываемой скважине.

Закованные в броню шланги слегка вибрировали. Компрессоры издавали ровный монотонный гул, прерываемый иногда шипением предохранительных клапанов. Юрий остановился, чуть-чуть наклонив набок голову, точно врач, прислушивающийся к дыханию больного.

Двое монтажников закрепляли под невысоким копром с помощью хомутов и канатов сигарообразную телекамеру. Капли воды на ее стальном корпусе еще не успели высохнуть.

— Конечно, риск есть. Но от него ни-

куда не уйдешь. Иначе наши испытания ни к чему,—послышалось рядом.

— Приготовьтесь к торпедированию,—спокойно сказал Юрий.—А телекамеру демонтируйте.

...На площадке стало безлюдно. В скважине-спутнике исчез овальной формы контейнер с зарядом взрывчатого вещества. Медленно на канате его спустили вниз. Аркадий Николаевич шепотом объяснил мне, что там, в глубине, взрыв нарушит многовековую монолитность рудного тела. Трещины распространятся до основной скважины, площадь соприкосновения активизатора с рудой возрастет. Значит, повысится съем тока.

VII

Все шло, казалось, нормально. И вдруг стрелка указателя глубины остановилась.

— Почему остановили спуск контейнера?—спросил в микрофон Юрий.

— Где-то заело канат или, возможно, заклинило контейнер,—немедленно ответил динамик.—Разрешите определить причину неисправности?

— Не ходите,—поспешно сказал он.—Я сам выясню.

Юрий быстро зашагал к площадке. На полпути он заметил, что я иду следом за ним.

— Немедленно убирайся. Здесь не шутят.

Если бы он спокойно объяснил, почему мне надо уйти, я бы, очевидно, послушался. Но Юрий нервничал и торопился. Я почувствовал, что момент напряженный.

— Не груби,—сказал я, как когда-то в классе.—Подумаешь, командир! Я журналист и должен все знать. Сам затащил меня на эту «премьеру».

До скважины оставалось метров десять. Теперь было ясно видно, что канат, на котором спускался контейнер со взрывчаткой, слегка провисал.

— Да, контейнер зажал. Сейчас попробуем тихонько выбрать канат и ликвидировать эту неприятность,—уже значительно спокойнее сказал Юрий.

Но мы не успели сделать еще и двух шагов, как что-то сильно грохнуло. Падая, я заметил черное облако, которое стремительно разрасталось над устьем развороченной скважины.

...Марина склонилась надо мною и поправила бинты, сползающие на лоб. Все тело и особенно голову сильно ломило.

— Ну, как? Доигрались, мои мальчишки?

— Что с Юрой?

— Можешь полюбоваться. Он от тебя не отстал.

Юрий с соседней койки помахал забинтованной ладонью.

— Неудачники мы с тобой, дружище. Видимо, когда контейнер застрял в скважине, то нарушилась изоляция кабеля.

Ну, а дальше ты, я думаю, догадался. Электрический ток рудной залежи вызвал самопроизвольный взрыв и...

— Юрочка, можно без лекций? — поморщился я. — Как прошли испытания?

— В целом — отлично. Мне звонили по телефону: съем тока увеличен почти в два раза. Ты уж извини меня, что так получилось. Глупо мы сунулись... Опоздал ты на свою премьеру.

— Ладно, — сказал я. — Твоя была не хуже. Поздравляю тебя, «неудачник».

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

«ЗВЕЗДА»
НЕ ПОГАСЛА

В помещении культурно-просветительного общества «Наука» было много народу. В зале шел спектакль. В комнатах занимались кружки. А в наглухо закрытой камере заседала клубная партийная группа, три человека.

Страшно волнуясь, я стояла перед ними и рассказывала о своей жизни, очень обыкновенной и очень тяжелой: о смерти отца, о попытках научиться ремеслу и найти работу, о распухших от стирки руках матери, о том, как удалось, наконец, устроиться в типографию ученицей. Когда пришла революция пятого года, мне было тогда двенадцать лет. В те горячие дни я помогала рабочим печатать листовки. После поражения революции меня выгнали с работы. Как забавно...

Но это было в прошлом. Сейчас я работала экспедитором в «Звезде» — легальной большевистской газете, которая стала выходить в Петербурге в конце 1910 года...

Стукнула дверь. Это пришла Вера Рудольфовна Менжинская — руководительница клубного кружка. Она сказала, что рекомендует принять меня в партию, знает меня.

— Будет очень трудно, — сказала мне сидящая за столом работница Невской ниточной фабрики. — Ты вступаешь в партию, которая ведет тяжелую борьбу за победу пролетариата. Ты знаешь, какие испытания ждут тебя!

И действительно, как только вышли первые номера «Звезды», начались трудности, начались испытания. То и дело, гремя шашками, в редакцию вваливались городовые.

— Номер конфискован!

Но мы этого всегда ожидали, и, конечно, не все экземпляры попадали в руки полиции.

Что я только не делала для этого! Маскировала «Звезду» среди черносотенных газет, потом шла со свертками куда-нибудь на окраину и там опускала пакеты в почтовые ящики. Рабочего дня не хватало. Где-то уже в полночь темными переулками пробиралась на квартиру большевика — депутата думы, чтобы оставить там две-три пачки запрещенного номера газеты. Квартиры думских депутатов считались неприкосновенными, и полиция туда не совалась.

Приходилось быть очень осторожной. Наш «дядя Костя» — выпускающий редактор К. С. Еремеев, мне говорил:

— Газета у нас хотя и легальная, но конспирация нужна очень большая. Шпики так и рыщут.

Я хорошо усваивала уроки «дяди Кости».

А. Н. Никифорова

ОПЕРА- ЦИЯ "БЕРЕЖКИ"

М. ЛЯШЕНКО,
А. МУСАТОВ

Повесть

Сокращенный вариант

Рисунки Г. Перебатова

ДНЕВНИК

*Находка. Спор. Совещание на лестнице.
Пустой класс.*

Грохнув дверью так, что посыпалась штукатурка, в шестой «Б» ворвался Борька Гусинский по прозвищу Чапай.

— Эй, вы! Глядите! — он страшно сверкнул угольными глазами. — Перепелкин дневник!

Еще ничего толком не поняв, но чувствуя — произошло что-то очень интересное, ребята повскакали с мест и ринулись к Чапаю. Напрасно Саша Морозов, который вел собрание о том, чем лучше заняться на каникулах, поднимал руку и что-то укоризненно гудел. Только Светлана, всегда все делавшая по-своему, и Клава, поступавшая так, как Светлана, усидели на местах. Перепрыгивая с парты на парту, из самого заднего ряда летел Валька Махортов и первый спрыгнул около Чапая.

— Покажь!

Оттолкнув плечом его длинную руку, Чапай, похожий на цыганенка, рассказывал, вертясь во все стороны:

— Я же сегодня дежурный! Слежу за порядком! Заглянул в учительскую — пусто! Жизнь! И вдруг — что-то под вешалкой! На синей обложке — белая наклейка: «Дневник». — Он продемонстрировал синюю записную книжку с белой наклейкой и ловко, не глядя, отмахнулся от цепкой лапы Махортова. — Раскрываем. Читаем. — Под общий восторженный вопль он показал: «Е. И. Перепелкина». — Ясно? Может, имеются вопросы? Тогда прошу в письменном виде! — Он снова отпихнул Махортова. — Только в письменном виде, товарищи!

— Читай!

— А про кого там?

— Тихо-о!..

Все кричали и, отпихивая друг друга, пытались заглянуть в книжку. Было, конечно, интересно, а главное хотелось пошуметь. Перепелка, она же Елена Ивановна Перепелкина, новая учительница биологии, вызывала в классе повышенный интерес к себе тем, что страстно была предана своей науке...

— Давай!

— Не тяни!

— А про что там?

Чапай весело фыркнул.

— А я почему знаю? Может, про любовь?

Он распахнул книжку. Наступила мгновенная тишина. Чапай, торжествуя, прочел так выразительно, как никогда не читал на уроках:

— «2 января.

На каждый квадратный километр в Нью-Йорке выпадает сто тонн сажу в месяц, или больше трех тонн в день».

Секундное молчание, и общий хохот. Подбодренный успехом, Чапай продолжал:

— «Весь урок мешал Боря Гусинский, которого ребята зовут Чапаем. Очень хотелось его стукнуть. Еле удержалась».

Он не мог дальше читать. Он захлебывался, он плакал и хрюкал от смеха. Кругом стоял невообразимый шум. Кое-как, в ответ на возмущенные требования, Чапай продолжал:

— «Какая я учительница!.. Недоразумение (одобрение большинства). Не могу привить им любовь и уважение к лесу, животным, деревьям. Мука моя—это Махортов (Валька лениво изогнулся, словно собрался танцевать). Неужели я не найду пути к его сердцу, уму, к его чувству прекрасного, наконец? Должно же у него быть это чувство! (Под общий восторженный вопль Валька похлопал себя по груди, прислушался и сообщил: «Нету!») Ему ничего не стоит просто так, походя, отломать у дерева ветку. Однажды на отломанной им ветке я насчитала тридцать шесть листьев! Каждый час эти живые листья поглощали до двух граммов углекислого газа и выделяли более грамма кислорода. Теперь они были мертвые... На все мои упреки Махортов заявил, что на его век кислорода хватит». (Радостный рев).

Небрежно раскланиваясь, Валька на этот раз улучил момент и выхватил дневник из рук зазевавшегося Чапая. Он попробовал проскочить в коридор, но Чапай оказался у дверей раньше, и Валька помчался по проходу, по партам. За ним грохотал Чапай и еще несколько мальчишек. За общим гвалтом они не сразу слышали непривычный призыв:

— Пионеры шестого «Б»!

Валька и Чапай еще перебежали с парты на парту, но остальные удивленно оглянулись. Саша Морозов поспешил воспользоваться паузой.

— Чего расшумелись? Гы-гы... Как

маленькие! Вы люди или нет? Половина девочек ведет дневники. Давайте достанем их и прочтем!

— Правильно! — крикнул кто-то.

Девочки возмутились.

— А если это дневник учительницы, значит, можно?!

Саша ухватил за плечо пробежавшего мимо Махортова. Тот сгоряча попытался сбросить Сашину руку, но это ему не удалось.

— Дай сюда дневник!

— А больше ты ничего не хочешь?

— Пионер Махортов, положи дневник!

Встревоженный Чапай стоял рядом, держа Вальку за другую руку и недовольно хмурясь.

— Ты чего? Дневник я нашел!

— Так я же пошутил! — И Валька, мгновенно найдя выход из положения, сунул дневник Чапаю.

Чапай, скользнув под тяжелой рукой Морозова, снова вспрыгнул на парту.

— Эй, вы! — загорланил он. — Разведка добыла в стане противника важные сведения! Здесь, может, обо всех написано... Ставлю на голосование! Кто за то...

Но Саша не дал ему договорить. Он даже побледнел от волнения.

— Стыдно! — Он стоял натянутый, как струна. — Это же настоящий пережиток — читать чужие дневники!

— Да брось ты, Сашка! — крикнул кто-то. — Нам просто интересно!

— Ты прав, Сашечка! — заюлили девочки, толпясь около Морозова. — Но нам очень хочется узнать, о чем она пишет!

— Брось принципиальничать, Сашка! Светлана и Клава пытались поддержать Сашу и защитить Елену Ивановну, но их никто не слушал.

— Голосуя! — крикнул Чапай. — Кто «за»? — Почти все подняли руки. — Кто «против»?

Светлана встала из-за парты, и вызывающе помахивая сумкой, направилась к выходу. Уставшая очками в пол, с несчастным видом брела за ней Клава.

У раздевалки Светлана задержалась. Клава все еще дулась и прошла вперед. Светлана тщательно поправила застёжки на туфлях, хотя там все было в порядке; потом сделала вид, что у нее расстегнулась сумка. Светлана так неловко вертела сумку, что из нее посыпались тетради и учебники. Саша медленно шел следом

и присел, чтобы ей помочь. У него был несчастный, взъерошенный вид.

— Плюнь,— посоветовала Светлана и осторожно улыбнулась, кивнув на класс.— Детки...

Он мгновенно выпрямился.

— Это ты брось!.. Во всем виноват я один.— Светлана удивленно пожала плечами.— Не сумел по пустяку договориться с ребятами.

— Ты думаешь, это так просто?— Светлана подняла одно плечо.

— Так ведь по пустяку, и со своими!..— крикнул Саша.— А Дзержинский один, безоружный, приходил в мятежный полк, где готовы были растерзать первого коммуниста... И через полчаса полк во главе с коммунистом Дзержинским шел в бой за Советскую власть!

— А у тебя не получается?— сорвалось у Светланы. И хотя она тут же мысленно выругала себя за глупую привычку всегда подсмеиваться, но было уже поздно.

Саша так долго молча всматривался в нее, что она не выдержала и покраснела.

— Разве я был неправ?— задумчиво спросил он, ничего не заметив.— Это ведь очень скверно — лезть без спроса... И как будто это подвиг — стащить чужой дневник.

— Знаешь, ты какой-то слишком выдержанный,— сказала Светлана, глядя мимо Саши.— Но вообще ты прав...

— А прав, так нужно действовать! Нужно их убедить!— Саша подхватил портфель.

— Светлана, ты идешь?— услышался сердитый голос Клавды.

— Мы возвращаемся.

Саша уже шагал к классу, решительно размахивая руками.

Они распахнули дверь и замерли на пороге. В классе никого не было.

ДНЕВНИК (продолжение)

*Угрюмый Лев. Письмо. Экспедиция.
Не берет.*

Когда Саша Морозов ушел, в классе немного струхнули. Валька Махортов и Чапай продолжали хорохориться, но голоса благоразумных победили. Было решено, что дневник прочтет Рая Бокасти-

кова, староста класса. Все дали клятву никому ничего не рассказывать.

Рая начала читать:

— «Я самый несчастный на свете человек!.. Ведь я же хотела заниматься только нематодами!¹ Хотела думать только о них. И меня же, дуру, оставляли при кафедре фитогельминтологии,² и я могла бы с утра до ночи видеть только нематод и больше никого! Чего еще желать человеку? Так нет же! Из глупой гордости, упрямства, ложного стыда, ну, я не знаю из чего еще, отказалась от аспирантуры и своих нематод и выпросила направление в район, в школу, к этим упрямым мальчишкам и девчонкам, которые то и дело доводят меня до слез и без конца могут распевать опротивевшую мне песенку «Как у нашей перепелочки все головка болит...» Милые нематоды, где вы?»

— Ку-ку!— пискнул было кто-то, но на него шикнули.

— «22 мая.

Кафедра фитогельминтологии была самая молодая в институте; она организовалась всего за год до нашего выпуска. Руководителем кафедры работает Лев Ильич Шлякотин, доцент, всего каких-нибудь тридцати лет от роду. Он очень талантлив; он ученик самого академика Скрябина, бога всех гельминтологов... Имя Лев ему очень шло. Его прозвали Угрюмый Лев. Казалось, ему неудобно, что он такого огромного роста, с широченными плечами, и он горбил плечи, отчего они выглядели еще массивнее. У него были густые волосы, целая копна! А на курносом носу смешно сидели старомодные, с продолговатыми стеклами очки в золоченой оправе. Эти очки ясно говорили, что Льву не чуждо кокетство; не знаю, где он их доставал, может, делал на заказ... Мне казалось, что он считает меня просто дурочкой. Я пугалась его славы, его сухого, свистящего голоса и на экзаменах отвечала ему, понулив голову и зажмурясь, как будто ныряя в холодную воду. Самое ужасное, что я не могла остановиться: ведь речь шла о нематодах! От моих ответов он

¹ Еле видимые глазом черви, паразиты растений. Съедают более десятой части всего урожая, который выращивают люди.

² Наука об этих червях, вредителях зеленого царства.

морщился, бедняжка, удивленно меня рассматривал и нехотя ронял:

— Беспочвенная фантазия.

Или:

— Ну, понеслась!

Помню, как, продержав меня однажды особенно долго и короткими репликами в ответ на мои длинные речи разрушая, словно ударами шпаги, воздушные замки, Угрюмый Лев соблаговолил презрительно бросить:

— Чтобы делать новые выводы, надо располагать новыми фактами.

Я начала возражать, но он, морщась и укоризненно помахивая головой, сунул зачетную книжку. Это значило — уходи...

Он учил нас драться за наши леса, за чистый воздух, за чистоту наших рек. Он уверял, что не только людей, но и всю Землю, нашу планету, надо готовить к коммунизму. Чтобы воздух в городах пах лесной земляникой и хвоей, а не выхлопными газами. Чтобы не только нематоды, но и клещи, комары — все, что сокращает или портит человеческую жизнь, навсегда исчезло с планеты. Я запомнила его споры с химиками, которые полагали, что только их наука покончит с вредителями лесов, животных и полезных растений, со всей нечистью, которая пока копошится на планете. Не отрицая значения химии, Угрюмый Лев утверждал, что не так важно уничтожать вредные виды насекомых, растений, как важно создавать устойчивые биологические общества. И поддерживать те, которые имеются в природе. Например, наши Бережки. Ведь здесь полезные насекомые сами уничтожают вредных. С особой теплотой Угрюмый Лев говорил о лесных муравьях, муравьях рода формика, всем известных жителях леса, которые строят свои гнезда — муравьиные кучи — из хвои и мелких веточек. Как только в лесу пытались расплодиться какие-нибудь вредители, муравьи формика бросались именно на них. И убивали больше врагов, чем могли съесть. Как будто понимали, что надо восстановить биологическое равновесие! Между прочим, я давно хотела выяснить, в каких взаимоотношениях нематоды и муравьи формика...

...Может, если руководителем был бы кто-нибудь другой, я бы и осталась при кафедре. Но работать с Угрюмым Львом! У меня заранее мурашки бежали по спине... Узнав, что я попросилась в школу, он вызвал меня к себе.

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

НАША
«ПРАВДА»

В моем партбилете значится: «Время вступления в партию — январь 1912 года». Пятьдесят один год назад я работал на уфимской лесопилке Сырцова. Руководил двумя подпольными кружками. Нам не хватало материалов для занятий. И тут вдруг появились в газетах

Сначала, глядя поверх меня, он просто изрек:

— Вы остаетесь при кафедре.

Когда же понял, что я, трепеща, отказываюсь, поднялся, как настоящий лев. Потряхивая гривой, он тяжело ходил передо мной. Его темные, как сливы, глаза щурились от гнева и презрения, а голос свистал, как бич:

— Кто вы — трус или дезертир? Нематоды идут в атаку. Они пожирают наши поля. Они захватывают все новые территории. Вы знаете, что в области свирепствует уже галлова нематода, проникающая к нам с далекого юга. В столицу завозят лука и чеснока в три раза больше, чем нужно! Одна треть идет людям, а две трети сжирает луковая нематода! Нас, гельминтологов, пока единицы, капля в море, и мы должны отбить натиск врага! А вы — в тихий уголок, в школу?..

И все-таки я не осталась. Почему?.. Наверно, потому что я действительно пустоцвет и дуреха...

«23 мая.

Ужасно было, когда мне пришлось

объявления, что начинает выходить «Правда». Я собрал среди кружковцев деньги и отправил их в Петербург. Долго не было ни ответа, ни газеты.

Как-то в конце мая прихожу домой (я снимал угол в общежитии при лесопилке), а мне кричат:

— Повестка тебе!

— Какая повестка?

— Вызывают на почту за посылкой.

Что, думаю, за оказия! Вроде бы не откуда мне получать посылки!

На почте вручили мне пакет. Иду, прижимаю его локтем покрепче. Дома разрезал тонкую бечевку, вскрыл пакет и обнаружил в нем пачку «Правды». Помню, даже заплакал от радости.

А после этого я часто получал посылки с «Правдой». И раздавал ее рабочим уфимских заводов, которые платили кто сколько мог. Деньги я отправлял в Петербург. Потом я и сам стал писать в свою рабочую газету, в «Правду».

А. П. Кучкин,
доктор исторических наук

Но вскоре над нами нависла новая угроза. Сначала пошли слухи о том, что в Бережках на Ковде, в последнем лесном массиве вблизи города и на единственной речке, где отдыхают майчане, совнархоз собирается расположить вторую очередь химического комбината. Слухи подтвердились. Жители заволновались, начали писать жалобы, выступать в печати и на собраниях. Партком комбината просил оставить старое решение, то есть разместить вторую очередь не в Бережках, а по Кузьминскому шоссе... Потом возбуждение несколько улеглось: стало известно, что врачам как будто удалось отстоять Бережки и Ковду.

Но в последние дни все началось сначала: говорят, что главный инженер проекта, некий Кочетков, настаивает на размещении второй очереди комбината в Бережках. Удивительно, откуда берутся такие люди! Представляю себе эту личность из породы самовлюбленных бюрократов... Чувствую, что мой долг энергично встать на защиту Бережков, но не знаю, с чего начать...»

«24 мая.

Я ни на минуту не выпускаю это чудесное, удивительное, это страшное письмо и не верю, что оно — мне, не верю неожиданно свалившемуся счастью!

Почти за год после сражения с «лисьими хвостами» Угрюмый Лев не написал мне ни строчки, да я и не ждала, собственно... А тут — целое письмо! И какое! Он предлагает мне возглавить экспедицию. Честное слово, так и написано: «Вы должны возглавить экспедицию...» Ну, конечно, не в Африку и даже не в Узбекистан за галловой нематодой. Всего лишь в Бережки на Ковде, край вовсе не таинственный, который начинается сразу же за нашим фабричным поселком. Впрочем, Угрюмый Лев предполагает, что Бережки являются для нематод чем-то вроде естественной преграды, и если это так, то тайн тут полно!

Это он пишет, так сказать, лично для меня, зная, как я соскучилась по работе с нематодами... Главная же цель экспедиции — защита Бережков! Оказывается, проектировщики все-таки добились разрешения строить вторую очередь Комбината на берегу Ковды, в Бережках. Санитарная инспекция опротестовала это решение... Институту поручено разобраться в споре. Угрюмый Лев предлагает обследовать Бережки, Ковду и дать необходи-

обращаться в Институт за помощью! Я нарочно написала не Угрюмому Льву, но письмо попало к нему.

В Майске работает великолепный химический комбинат. Мы все гордимся им, ребята уже с пятого класса спорят, кто в какой цех пойдет работать. Мы гордились бы им еще больше, если б над комбинатом круглосуточно не висели так называемые «лисьи хвосты» — выбросы вредных газов. От них чахли деревья, а птицы, кроме воробьев, давно улетели из города... Разве могла ученица Угрюмого Льва мириться с таким безобразием?

Он написал мне тогда коротенькое письмо; из Института приехала бригада специалистов... Помню, как мы с ними отпраздновали день, когда «лисьи хвосты» исчезли с неба Майска... Почему-то никто не вспомнил об Угрюмом Льве. Но я потихоньку выпила за его здоровье. С тех пор его единственное письмо и черновой набросок проекта газоочистки всегда со мной, как дорогая память.

Этой весной, впервые за много лет, в город прилетели скворцы!

мые данные о режиме реки, состоянии лесных массивов, об устойчивости биологического равновесия в этом районе...

Экспедиция должна быть очень скромной; я обязана уложиться в месяц, и на все расходы мне отпускается всего пятьсот рублей. Тем не менее Угрюмый Лев пишет: «От опытности и заботливости руководителя и правильного подбора участников зависит успех работ. Руководитель должен заранее учесть как обычные потребности экспедиции, так и те затруднения, которые могут возникнуть при стихийных бедствиях, авариях, несчастях с людьми и экспедиционными животными и т. п.» ...Вчера я ему телеграфировала: «Благодарю за доверие. Готова приступить к работе». И тут же, на почте, написала огромное, на шести листах, письмо. Боюсь, оно ему не понравится. Слишком девчоночье, восторженное... Нет, такие письма не пишут начальники экспедиции!».

«28 мая.

Ну, точно... Все пропало. Ни ответа, ни привет. Конечно, все испортило мое дурацкое письмо!»

«29 мая.

Ничего.

А я-то поверила, еле добыла трехверстку, ночи напролет лазила по ней, намекая маршрут...»

«1 июня.

Телеграмма...

Мне, из института. Ушел почтальон, а

я все боялась разорвать. Дрожала, как в лихорадке, как на экзаменах. Наконец зажмурилась, распечатала. Осторожно открыла один глаз... Ничего не пойму, буквы прыгают одна на другую!

«Жду вас четвертого июня. Шлякотин»...

— Больше ничего нет,— сказала Рая после длинной паузы.

Все ринулись к ней, галдя и стараясь заглянуть в дневник.

Дальше действительно шли чистые странички.

— Не успела записать...

— Вот это да!

— Вот тебе и Перепелка!

Кто-то через Раино плечо прочел еще раз:

— «жду вас четвертого июня. Шлякотин». А сегодня—второе.

— Может, она еще не уехала?...— предположили сразу несколько голосов.

И через мгновение класс был пуст. Для быстроты даже девочки выпрыгнули в окна. Тем более, что окна выходили во двор, а оттуда задняя калитка вела прямо на Восточную улицу, где в доме номер пять жила Елена Ивановна.

Они заметили ее издали.

Ребята даже замедлили шаг от удивления, а потом ринулись вперед, восторженно крича:

— Елена Ивановна!

На ней была нарядная фиолетовая юбка и красивый черный джемпер, в руках она держала большую белую сумочку... Ничуть не похоже, что она собирается в экспедицию! Маленькая, быстрая и остроносая, как Буратино, она нетерпеливо щурилась на подбегавших ребят.

— Вот,—сказала Рая, протягивая ей дневник.

— О-о! Спасибо! Спасибо, ребята. А я обыскалась... Как он к вам попал?

— Нашли...

— В учительской...

— А вы уезжаете, Елена Ивановна?

Смеющимися глазами она обвела лица ребят и несколько раз молча кивнула головой. Потом спросила, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Прочли, да?

Кто-то стал было врать, но его тут же перебили просящие помилования голоса.

— Как-то так получилось...

— Не могли удержаться...

— Конечно, это нехорошо... но очень интересно!

— Ну, ладно.— Елена Ивановна ловкими пальцами поправила Рае пионерский галстук.— Разберемся, когда вернусь. А сейчас извините. Тороплюсь на вокзал.

— Мы вас проводим!— они ринулись за нею.

Елена Ивановна небрежно провела рукой по жестким коротким волосам, усмехнулась.

— По-моему, это лишнее.

Ребята никак не могли набраться храбрости и сказать то, что у всех вертелось на языке.

— Они, знаете, о чем мечтают?— презрительно сказал Чапай.— Думают, вы их в экспедицию возьмете...

— В экспедицию? — брови Елены Ивановны удивленно взлетели вверх. Не удержавшись, она рассмеялась:— Да вы что, ребята?

Теперь, когда Чапай все выпалил, терять было нечего. И они принялись упрямиться:

— А что? Мы уже в седьмом классе!

— В походах бывали!

— И Бережки все исходили! Бережки мы в обиду не дадим!

— Извините, ребята,— сказала Елена Ивановна суше, и подумала:— «С ними ведь хлопот не оберешься».

Она подняла прощально руку и быстро скрылась за углом. Никто не бросился провожать ее на вокзал.

— Ну вы, путешественники!— Чапай щелкнул соседа по затылку, а соседку дернул за косу и поплелся с Валькой, то и дело сплевывая под ноги.

— Перепелка она,— вздохнул кто-то удрученно.— Перепелка, и все...

ЗЕЛЕНУХА

*Приезд. Кто такой Гав? Валька и Чапай.
Гицель. Где Бережки?*

3 июня около четырех часов дня, в самый солнцепек, во двор дома № 14 по Красной улице въехали один за другим три высоко уставленных вещами грузовика. Едва распахнулась дверца, из кабины первого грузовика кубарем вылетел на асфальт комок черной, лохматой шерсти и неожиданно залаял басом. Судя по голосу, это была собака. Но ни ног, ни глаз у нее не было видно; нелегко было даже

отыскать, где у нее морда. Следом за собакой выскочил тщедушный мальчик в очках с толстыми стеклами и закричал:

— Гав! Гав, сюда!

— Это что за концерт?— осведомился Чапай, с перевальцей подходя ближе и на каждом шагу стараясь засунуть руки еще глубже в карманы потрепанных штанов.— Это что, цирк приехал?

За Чапаем подошел Валька; они только что играли в расшибалочку. Он уставился на Гава и после некоторого размышления присел, ласково его приманивая:

— Кис, кис, кис...

— Это собака,— поспешно объяснил приезжий мальчик.— Ее зовут Гав. А меня...

— Да нет, это кошка. А, Чапай?

— Ясное дело, кошка...

— Честное слово, собака. Очень породистая. Шотландский терьер. Не обижайтесь, что она лает. Она привыкнет и будет ласкаться. Я рад с вами познакомиться. Меня зовут...

— А вот мы сейчас проверим,— сказал Валька и, не вставая, сунул руку в карман, достал что-то, зажатое в кулак, и, быстро раскрыв его, сунул ладонь под нос Гаву.

— Осторожнее! — крикнул приезжий.— Он кусается!

Но Гав, перестав лаять, вильнул хвостом и доверчиво уткнул нос в подставленную ладонь. Тут же он оглушительно чихнул и закружился на месте, продолжая чихать и стараясь сразу обеими передними лапами потереть свой чем-то очень обеспокоенный нос. Чапай и Валька, хохоча, сидели на корточках и от восторга лупили себя кулаками по коленям.

— Хорош табачок!

— Кре-епкий...

— Послушайте,— бледное лицо приезжего мальчика вспыхнуло румянцем,— это же щенок, малыш. Обижать малышей подло. Я не хочу начинать знакомство с драки, но предупреждаю: каждый, кто тронет Гава, будет иметь дело со мной.

Не вставая, Чапай присвистнул.

— С тобой?

— Со мной.

И тощий мальчик, выпрямившись, откинул голову. Гав еще раз чихнул и залаял срывающимся басом.

Из-за машины, с которой грузчики снимали вещи, вышел высокий мужчина в тяжелых роговых очках.

— Ты здесь? — длинным пальцем он ткнул в плечо своего сына и улыбнулся Чапаю и Вальке. — Тебя ищет мать.

Отходя в сторону и лениво попихивая ногами камушки, Чапай и Валька о чем-то пересмеивались. Потом Валька крикнул:

— Эй ты, Зеленуха! Выходи со своей собакой гулять.

— Это ты, Зеленуха? — усмехнулся мужчина. — А знаешь, похоже.

— Что ты, папа! — обиделся приезжий мальчик. — Я очень окреп в последнее время.

Две девочки, проходя мимо, фыркнули и убежали в соседний подъезд.

Мальчик и Гав вышли гулять, когда солнце уже садилось. Щенок был на поводке.

Посередине двора в сквере мамыши катали коляски с важными младенцами, девочки играли в настольный теннис, несколько мужчин, отчаянно дымя, обступили стол, где заколачивали «козла». На асфальте, у служебного входа в магазин, разгружался хлебный фургон. Приезжий мальчик Игорь Кочетков не очень расстроился, когда не увидел тех ребят, ко-

торые успели прозвать его Зеленухой. Он зашел с Гавом в скверик, вызвал среди мамаш минутный переполох, но тут же осторожно подошел к девочкам, которые с удвоенным весельем продолжали играть в настольный теннис и сделали вид, что не замечают незнакомца.

— Здравствуйте, — сказал Игорь.

— Здравствуй, — ответила толстушка в очках. Это была Клава Терешкина. — А твоя собака не кусается?

— Она делает все, что я прикажу, — сурово ответил Игорь. — Гав, молчать!

— Смотрите, девочки, какая миленькая! — Клава протянула было руку погладить Гава, но тот, гулко лая, едва не схватил ее за пальцы.

— Ми-илая, да что с тобой?

— Перемена обстановки, — озабоченно сообщил Игорь. — Гав еще не привык, нервничает... А знаете коронный удар чемпиона мира по настольному теннису, японца Таруо Мураками?

Девочки не знали. Игорь взялся показать. С первого удара он не попал ракеткой по мячу, со второго попал, но мяч полетел мимо стола.

— Мешает собака,— огорчился Игорь.

Одна из девочек предложила подержать Гава. Гав не возражал. Игорь, подпрыгнув, как кузнечик, нанес по мячу неотразимый скользящий удар и неожиданно для всех сбил мячом очки Клавы.

— Это и есть удар Таруо Мураками?— холодно осведомилась Светлана. Игорь поднял очки. Девочки хохотали, но он был невозмутим.

— У тебя сколько диоптрий?— спросил Игорь.

— Две с половиной,— сквозь хохот едва выговорила Клава.

— У меня семь. Между прочим,— сообщил Игорь,— очки имеют многовековую историю. В древнем Риме император Нерон наблюдал бои гладиаторов через специально отшлифованный изумруд. Первые очки сделал в 1285 году итальянец Сальвино Арматти. Он подвесил к шлему две линзы из драгоценных камней так, чтобы они находились на уровне глаз...

— Ты вычитал это в календаре,— безжалостно перебила его Светлана.

Конечно, Игорь бы не растерялся и рассказал историю календаря или еще что-нибудь, но его удивило поведение Гава. Гав, храбрый Гав, который не раздумывая бросался на самых больших собак, сейчас пятился и прижимался к ноге хозяина. Девочки тоже что-то притихли. Игорь оглянулся и увидел за спиной пожилого человека, рыжие волосы которого были низко подстрижены под бобрик. На затылке, как блин, золотилась лысина. У него было веснушчатое лицо и седая щетина, яркие губы и выпуклые, как у рыбы, глаза. Он смотрел только на Гава и, ласково ему подмигивая, бормотал:

— Скучно, а? Везде одни люди, собак нет. Вот бы так человека. Вывели б человека на поводке, а вокруг одни собаки. Собаки ходят, собаки едят, собаки в доминируют, к человеку пристают... А человек один. Скучно! Так и тебе, песик, правда? А-а, вот то-то!

И он, прищелкнув языком, прошел в угол сквера, к мужчинам.

— Он пьяный?— спросил осторожно Игорь.

Девочки молча покачали головами. Гав, радостно повизгивая, прыгал вокруг хозяина.

— А кто это?

— Дядя Гриша,— нехотя ответила Клава.— Гицель он.

Игорь ничего не понял и хотел было спросить, кто такой гицель, но его так хлопнули по плечу, что он едва не присел. За его спиной стояли Чапай и Валька.

— А, Зеленуха, привет,— хохотнул Валька.— Приживаешься?

— Ловкий ты парень, Зеленуха,— Чапай ухмыльнулся.— Уже к нашим девочкам пристроился.

— Ему очкастая Клава нравится... Оба очкарики.

Мальчишки, видимо, были вожак двора, и, когда они предложили дотемна сбежать в ближайший лесок, Игорь решил, что отказываться неудобно.

— Давай я поведу собаку,— предложил Чапай.

— Вы же его обидели!— с укором напомнил Игорь.— Он с вами не пойдет.

— У-у, жадоба!— зашипел Валька.— Жалко, да? Жалко!

Ребята уже выходили со двора, когда над головой у них кто-то крикнул:

— Эй, друг!

В одном из окон второго этажа на подоконнике лежал парнишка в голубой майке. У него было обыкновенное, круглое, курносое лицо, аккуратно подстриженная челочка. Но шея, плечи, руки! Такие мускулы только мерещились Зеленухе, когда он, размахнувшись, видел себя непобедимым силачом.

— Тебя как звать?— спросил мускулистый паренек.

— Зеленухой, Зеленухой его кличут!— наперебой заговорили Чапай и Валька.

— Вас не спрашивают,— холодно отрезал парень, даже не взглянув на них.— А у тебя есть человеческое имя?

— Есть. Игорь.

— Так вот, Игорь, советую тебе выбирать товарищей. Ясно?

— Послушай,— Игоря задел заносчивый тон паренька,— я ведь не просил тебя давать мне советы... Оставь их при себе!

И он решительно двинулся к дороге, которая уводила в лес. Гав бежал за ним. А Чапай и Валька, незаметно показав носы мускулистому пареньку и скорчив ехидные рожи, трусили рядом.

— Кто этот советчик?— спросил Игорь.

— Этот? Сашка Морозов,— нехотя процедил Валька.— Задается. Чемпион детской секции по боксу...

Улица незаметно переходила в шоссе;

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

УВОЛЕН ИЗ-ЗА...

В мае 1915 года я стал работать в механическом цехе Верхне-Туринского завода. Днем мы обтачивали корпуса снарядов, а вечером собирались у кого-нибудь на квартире: это был подпольный большевистский кружок.

А 1 Мая 1916 года на базе нашего кружка возникла Верхне-Туринская партийная организация. Но поработать вместе с товарищами мне почти не пришлось.

Наша организация боролась за то, чтобы заводской потребительский кооператив действительно приносил пользу рабочим. Но пока в правлении его сидели местный поп, бухгалтер черносотенец Ладейщиков, эсер Пивоваров и подобные им господа, пользы ждать было нечего.

Мы созвали собрание.

Старое правление пригласило туда

эсеров, кадетов, монархистов. Явились даже попы и полиция.

Ну, а мы подняли рабочих.

Жаркий выдался денек!

Запомнилось выступление нашего врага, мастера Суркова. Он после меня выступал.

— Нечего,— говорит,— слушать крамольные речи Бархатова. Все и так знают, что он против государя-императора агитацию ведет. И новое правление нам ни к чему...

После него слово взял наш оратор. На сцену полезли полицейские. Мы — левая половина зала, как один, поднялись и ушли. В знак протеста.

На другой день вызвал меня начальник цеха Гладков. Я еще и порога не переступил, а он мне:

— Ты уволен.

Спрашиваю:

— Можно узнать, почему?

— Работашь плохо. Брака много делаешь.

— Спросите у приемщика, много ли у меня брака.

— Решение я изменять не собираюсь. Советую тебе немедленно покинуть завод. И из Верхней Туры убраться сегодня же. Вот так-с.

Я понял, что за меня возьмется полиция, и уехал. Для революционера везде найдется дело. Вскоре грянула Февральская, потом Октябрьская революция.

С Гладковым я больше не встречался. Говорили, драпанул в Америку. Таких там любят.

А. В. Бархатов.

домов больше не было, по зеленому полю шагали серебристые опоры линии высокого напряжения. За полем синел лес.

— В древней Руси,— объяснял по дороге Зеленуха,— месяц июнь называли изок, что значило — время трескотни кузнечиков...

— Ну? — вежливо удивился Валька. — Ты, наверно, про все на свете знаешь...

— Ходячая энциклопедия, — подхватил Чапай.

— Ну, что вы, ребята, — застеснялся Зеленуха. — Все знать невозможно...

— Но ты, конечно, знаешь, — обворо-

жительно улыбнулся Валька. — Сколько твои родители отвалили за этого породистого щенка?

— Пятьдесят рублей... Пожалуй, я спущу его с поводка. Пусть побеждает.

Зеленуха нагнулся, чтобы отстегнуть Гава, и не заметил, как переглянулись Чапай и Валька.

Кузнечики уже помалкивали, видно, улеглись спать; зато комары усердствовали вовсю.

— Самое комариное место, — сообщил Чапай, шлепая себя по лбу.

— А знаете, что комар, — тотчас подхватил Зеленуха, — превосходит лучшие самолеты и автомобили? Одного литра

цветочного нектара комару хватает на сто пятьдесят миллионов километров полета!

— Провались они,—проворчал Валька, пришибая сразу трех комаров в разгаре их замечательного полета. Валька был рыхлый, неповоротливый, с розовой нежной кожей на лице. Наверно, комары кусали его особенно больно.

Низина кончилась, комары поотстали. На опушке леса ребята решили развести костер. Зеленуха пришел в восторг, это пахло настоящим приключением! Он вместе со всеми ломал ветки, собирал сухостой. Валька нашел большой муравейник и сунул в него горящую ветку. Муравьи забегали по темным стенам своей крепости... Валька вытащил из костра другую ветку.

— Не надо,—попросил его Зеленуха.—Жалко...

— Кого? — удивился Валька.— Муравьев? Самые вредные насекомые...

— Не знаю, ребята,—пожаловался Зеленуха, едва не плача,—только я очень люблю природу.

— Букашек, таракашек?

— Лес, речку и вообще... Смотрите, как хорошо, тихо. Солнце село, птицы о чем-то договариваются...

— Да это воробьи! Знаешь, сколько я их из рогатки посшибал?

— Ты думаешь, это воробьи?

— Ох, и Зеленуха! Ну и ну! Конечно, воробьи!

— А знаете,—задумчиво сказал Зеленуха,—французские или американские воробьи не поняли бы нашего. Вот как мы не поймем француза... Честное слово! Это установили ученые.

— Выходит, если наша курица снесет яйцо и заквохчет, так японская ее не поймет?

— Не поймет.

— Ха-ха! Брось заливать...

— Знаете, как это установили? — обрадовался Зеленуха вниманию ребят.—Ученые записали голоса птиц на пленку. Особенно тщательно записали звуки, которыми птицы

оповещают своих о беде или о находке пищи. И вот, представьте, французские чайки спокойно чистили перья, слушая отчаянные крики своих родственников, американских чаек...

— А где Гав? — спросил вдруг Валька.

Зеленуха запнулся на полуслове. Правда, Гава давно не было слышно. Побледнев, Зеленуха вскочил, бросился, не глядя, в кусты.

— Гав! Гав!

В лесу уже смеркалось, а под соснами и елями было совсем темно. Из молодого ельника, повитого седой паутиной, клубился кудлатый сумрак. Зеленуха метался из стороны в сторону. Чапай лежал у костра, успокаивал: «Да куда ему деться, найдется...» Но Валька тоже бегал по лесу, искал. Они забирались все глубже в лес, уже пропали не только городские огни, но и свой огонек от костра.

— Что же случилось? — бормотал Зеленуха.—Зачем я спустил его с поводка?

— Темень,—поежился Валька.—Может, утром придем, поищем...

— Иди! — крикнул Зеленуха.—Иди со своим Чапаем! А я без Гава не вернусь.

И тут, откуда ни возьмись, из чащи вывалился совсем неразличимый к

ночи, живой, невредимый косматый приятель!

— Смотри ты, — удивился Валька. — Нашелся!..

Костер догорал, тлели только головешки. Чапай поднялся и молча зашагал по дороге к городу.

— Так нельзя! — заволновался Зеленуха. — Может возникнуть лесной пожар.

Придерживая одной рукой поводок, он вытащил наиболее опасные головешки и принялся, обжигаясь, неумело колотить их о землю. Вяло рассыпались и гасли искры.

— А что за этим лесом? — спросил Зеленуха Вальку, который нехотя ему помогал.

— Речка будет, Ковда... Лес хороший. В общем, Бережки называется.

— Бережки? А это близко?

— Километра два.

— Это там будут строить вторую очередь Комбината искусственного волокна?

— Чего-о? — Валька презрительно сморщился. — Кто им даст?

— Как это кто даст? — Зеленуха усмехнулся. — Ведь мы для этого и приехали. Мой отец — главный инженер проекта. Это он выбрал район Бережков для строительства!

— Чапай! — крикнул Валька. — Слышал?

— Ну, чего там? — нехотя откликнулся Чапай из темноты.

— Передай своему папочке, — Валька вплотную подошел к Зеленухе, — пусть отсюда сматывается с такими проектами. Ты знаешь нашего Пал Палыча?

— Нет.

— Он и не таких выдывал, как твой папочка!

Чапай подошел, смерил Зеленуху презрительно с ног до головы и сказал:

— А еще врал, что природу обожает! Муравьев с воробьями защищал! Тепло!

Они столкнули Зеленуху в кусты, не обращая внимания на попытки Гава защитить хозяина, и ушли, не оглядываясь.

— Погодите, ребята! — крикнул Зеленуха. — Ведь я еще ничего не знаю!

Но возвращаться в город ему пришлось одному.

(Продолжение следует)

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ПОЕЗДКА
В НАРЫМ

Шел третий год империалистической войны. На томской кондитерской фабрике «Бронислав», где я работала, женщины высказывали недовольство войной.

Вместе с товарищами по РСДРП(б), членом которой я стала в том же 1916 году, мне пришлось вести агитационную работу не только на фабрике, но и в городе. Однажды я договорилась с молодыми девушками устроить в воскресный день прогулку в лес. Товарищ Мицу Бобе провела беседу о большевиках, о их революционной борьбе.

На другой день меня вызвали к управляющему фабрикой.

— Так это и есть смутьянка на нашем «Брониславе»? Я думал, какая-то солидная особа, а это просто козявка. Что же, малютка, не за свое дело взялись? Получайте расчет и с фабрики вон!

Руководитель нашей группы Иванов, с которым я встретила на явочной квартире, предложил мне, чтобы «не мозолить глаза местным властям», съездить в Нарым, передать документы и деньги ссыльным большевикам. Они в это время готовились к побегу.

На нарымской пристани меня встретила «родственница» Нина Семеновна (имя и отчество ее я должна была запомнить без всяких записей). Мы радостно обнялись, хотя виделись в первый раз. Нине Семеновне передали, что у «родственников» через левое плечо будет переброшена длинная коса с вишневой лентой.

Мой саквояж, где были деньги и документы, тут же взял муж Нины Семеновны.

За этим партийным поручением последовало еще, потом еще и еще.

И. Кочкина

СТАН— ВЕЛИКАН

В конце марта нынешнего года со станции Челябинск отправился на юг железнодорожный состав, груженный штабелями стальных труб-гигантов. Внутри каждой из них мог свободно встать во весь рост двух-трехлетний мальчонка.

А спустя несколько дней этот эшелон с восторгом встречали строители газопровода Бухара — Урал — одной из важнейших строек Семилетки. Разгружали их под «ура», забористым хохотом встречая меловые надписи на трубах: «Труба тебе, Аденауэр!».

Стан «1020» на Челябинском трубопрокатном заводе должен был войти в строй в апреле. Но с трассы трубопровода пришел тревожный сигнал: запасы труб кончаются, а заправили ФРГ, рассчитывая нанести нам вред, нарушили торговое соглашение с СССР, запретили отправлять нам обещанную продукцию — трубы больших диаметров.

Челябинцы дали достойный ответ на это Аденауэру и его покровителям из НАТО: они решили досрочно — 27 марта — ввести в эксплуатацию стан «1020». Ошиблись не намного: стан выдал первые трубы... на два дня раньше «досрочного срока». Монтаж газопровода Бухара — Урал не приостановился ни на минуту. Осенью газ придет в Челябинск — на родину труб-гигантов.

Это одно из самых замечательных событий нынешнего года у тружеников Семилетки Урала.

На снимках:

1. Ударник коммунистического труда коммунист Василий Иванович Фролов. Это он сварил первую трубу, вышедшую со стана «1020» 25 марта 1963 года.

2. ...Сварено на совесть. Контроль остается только похвалить работу знатного сварщика.

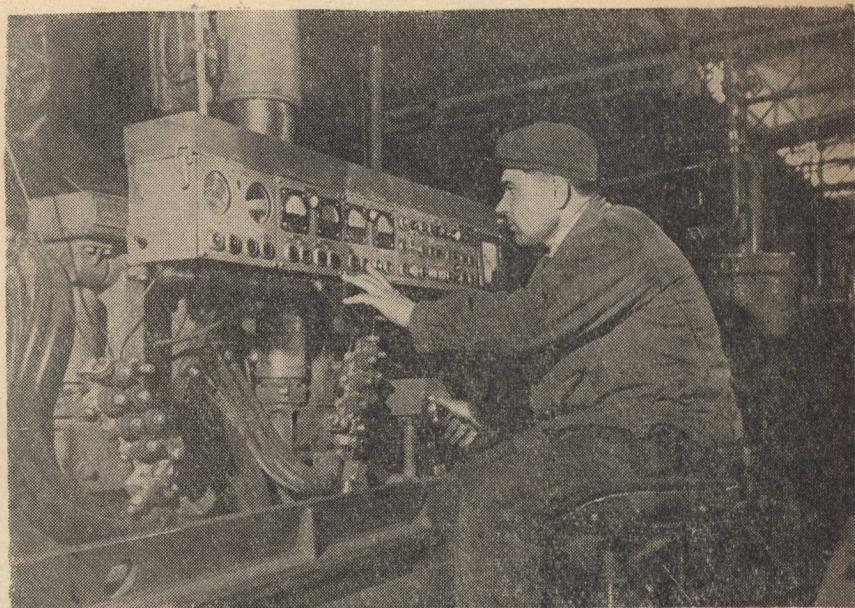

Фото И. Тюфякова.

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ПАМЯТНЫЙ
ДЕНЬ

В апреле 1917 года 1-й запасный пулеметный полк, в котором я служил, был расквартирован в Петрограде. В казармы часто приходили члены ЦК большевистской партии. Мы тогда считались самыми революционными в гарнизоне столицы и не признавали Временное правительство.

Нам было известно, что Владимир Ильич находится в эмиграции в Швейцарии, что он должен скоро вернуться в Россию. Выбраться из нейтральной Швейцарии и проехать через воюющие страны было в то время делом нелегким, да и правительство Керенского всячески противодействовало возвращению Ильича.

Революционные массы Петрограда ждали вождя с нетерпением. 3 апреля 1917 года мы — делегация пулеметчиков, специально выделенная для встречи Ленина, пришли на Финляндский вокзал. Площадь и прилегающие к ней улицы были уже заполнены людьми.

Поезд задержался в пути, но никто из пришедших, хотя время было уже позднее, не расходился. И вот вспыхнуло и прокатилось дружное «ура!»: Владимир Ильич вышел из вагона и направился на привокзальную площадь, где его с нетерпением ждали мы — представители пролетарского Петрограда.

Солдаты и матросы помогли Ильичу подняться на броневик «Смерть капиталу», с которого он произнес речь и призвал нас к борьбе за победу социалистической революции.

Так я впервые увидел Владимира Ильича Ленина. В этом же году я стал коммунистом.

Н. О. Попов

ВСТРЕЧИ НА ДОРОГАХ

Пермский художник Анатолий Тумбасов — беспокойный человек. Пожалуй, чаще чем в мастерской, его можно увидеть на какой-нибудь из дорог или тропок любимого им Прикамья. То сидит на кромке котлована Воткинской ГЭС и набрасывает в свой путевой альбом картины жизни замечательной стройки. То он на берегу в верховьях Печоры, с неизменным этюдником за плечами, любуется неповторимыми закатами Северного Урала. То высоко в горах, куда добирался целую неделю для того, чтобы еще раз увидеть бескрайнюю, волнующую своей суровой красотой панораму уральских далей. То трясется в кузове грузовика, везущего передвижной музей в отдаленные районы края — ведь там он еще не бывал...

Поэтому художника Тумбасова хорошо знают и камские речники, и энергостроители Урала, и охотники далеких таежных селений, лесозаготовители и сплащики Вишеры, Печоры и Колвы.

В десятках картин, в сотнях рисунков и этюдов запечатлел художник красоты своего родного края, кипучую жизнь его, неповторимые страницы преобразования глухого уголка страны в могучий индустриальный район ее — район химии и энергетики, нефти и леса... Творчество Тумбасова — художественная летопись этого великого преобразования.

Мы печатаем несколько рисунков из походных альбомов художника с его подписями-воспоминаниями.

СТАРОЖИЛЫ

У котлована стройки Воткинской ГЭС мне встретились высокие кряжистые ветлы. Ветви их широко раскинулись в небе, а толстые стволы прочно, навек вросли в родную землю. Их мощь не терялась даже на фоне величественных опор линии электропередач. Старожилы!

Как-то к одной из ветел подошел бульдозер и уперся в нее, словно бык рогами. Ветки могучего дерева даже не дрогнули. Бульдозер пободал-пободал его, отбегая и наскакивая вновь, но великан лишь слегка содрогался, роняя сухие сучки. Досадливо взревев мотором, машина отошла. Из будки ее вышел водитель и, приложив ладошку к глазам, пристально всмотрелся в крону дерева.

Мимо по бетонной дороге в тучах пыли мчались самосвалы, громяхая железными кузовами. Где-то рядом скрежетал взвод экскаваторов.

Но в этом громкоголосом шуме стройки мне вдруг слышалось скворчиное пение. Я невольно поднял голову вверх, вглядываясь в причудливое сплетение ветвей.

Да, это были скворцы — первые гости этой весны. Но где же они поселились? Может быть, просто присели ненадолго отдохнуть?

— Ишь, распелись! — подошел ко мне водитель бульдозера. — Весну принесли.

В паутине набухающих почками ветвей я разглядел и птичьи домики. Побуревшие от времени не раз обжитые скворчиным племенем, но кем-то любовно подновленные, подремонтированные.

— Жаль сгонять! — прислушиваясь к птичьему пересвисту, сказал води-

тель. — Старожилы наши. Каждую весну прилетали. Пусть еще попоют и эту: зачищать берега осенью будем. А на будущую весну им другое новоселье приготовят.

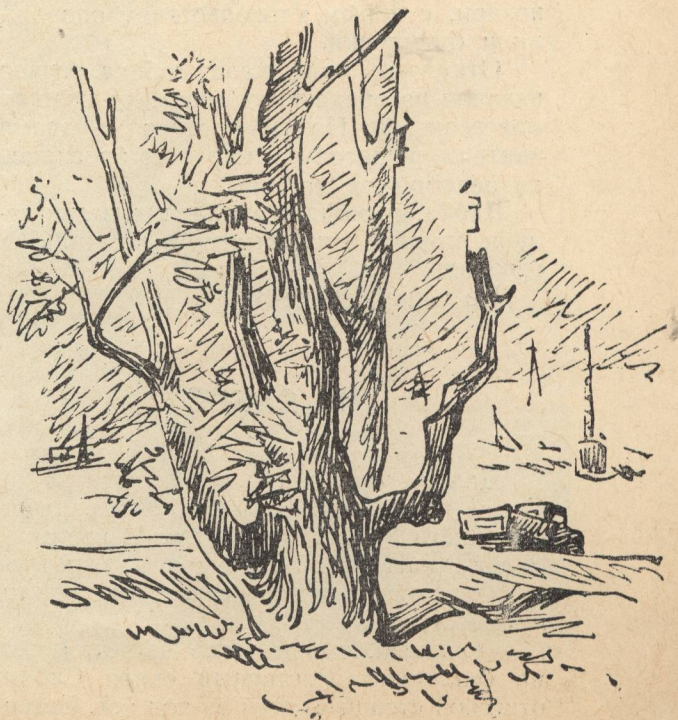
ЛОСИНАЯ СТОЛОВКА

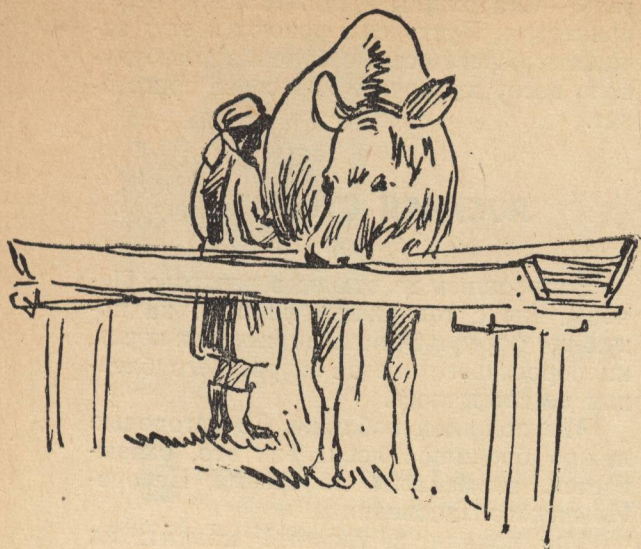
Забравшись на этюды в верховье Печоры, мы с товарищем набрали на какую-то ферму. Однако ни мычания коров, ни поросычьего визга, ни овечьего баяния не слышалось.

Мы подошли поближе. За изгородью важно бродили... лоси. Так это, оказывается, знаменитая лосеферма Печоро-Илычского заповедника!

Мы попали в удачный момент: на ферме шла дойка лосих. Статная лесная корова спокойно стояла у кормушки и что-то жевала, лениво поводя ушами, а девушка в халате и белой косынке, деловито перебирая руками, доила ее, как доила бы у себя дома Буренку или Зорьку.

Но вот она закончила дойку, разлила молоко в бутылочки и понесла их к бли-

жайшему леску. Из густых зарослей выглянули, словно давно ожидая ее, забавные мордашки лосят.

Увидев посторонних, телята словно застеснялись и остановились в нерешительности. Но вскоре осмелели, подошли поближе и, жадно раздувая свои розовые ноздри, с явным удовольствием опорожнили бутылочки.

Откуда-то прибежала собака, игриво взлаяла на обедающих лосят, приглашая повеселиться. Но те, оставив на время завтрак, решительно и дружно бросились на непрошеную гостью.

Лайка, не ожидая нападения, завизжала и, прижав уши, быстро выскочила за изгородь.

Не мешай обедать!

НА САБЛЕ

Давно мне хотелось побывать на Сабле — одной из красивейших вершин Северного Урала. И хотя путь к ней оказался нелегким, восторженные впечатления возместили все невзгоды трудного путешествия.

Холодный, сырой ветер встретил нас на седловине. Восточный склон Саблы отвесной стеной уходил из-под ног. Ветер нагонял грязно-серые облака, они кру-

жились ниже нас, как в огромном котле, и, не в силах пробиться, ползли вдоль хребта.

В разрывах облаков, далеко внизу, виднелись тайга и марево болот. У подножья Саблы зеркальцем светились голубое-голубое озеро и ледник Гофмана, самый большой на Урале.

У горизонта облака висели плотными тюками ваты, из которых пирамидами поднимались вершины Уральского хребта — гора Народная и пик Карпинского.

Сурова и молчалива здесь природа. Ветер и дождь обрабатывают каменные уступы, разъедают их туманы и воды талого снега, бегущие ручьями все лето. До самого горизонта долина покрыта светло-зелеными и ржавыми пятнами болот. Суровая дикая красота!

Но то ли будет здесь несколько лет спустя, когда человек преобразит край? Здесь, возможно, разольется море. Могучее Уральское море, созданное руками человека.

За счастье народное бьются
Отряды рабочих бойцов.

Страна встает со славою
Навстречу дня!

Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды

ЗАГРАНИЧНЫЕ КОНВЕРТЫ

В декабре 1900 года вышел первый номер созданной В. И. Лениным газеты «Искра». Ясно, что печатать такую газету в царской России, где господствовал жестокий террор и всюду кишели шпионы и провокаторы, было невозможно. Вот почему Владимир Ильич решил издавать ее за границей, а в Россию привозить нелегально уже отпечатанные экземпляры.

Всего под руководством Владимира Ильича в 1900—1903 годах вышло пятьдесят два номера «Искры». Доставка их в Россию производилась через Германию, Францию, Швецию и даже через Александрию в Египте.

Очень трудно было переправлять «Искру» через границу, а затем распространять по городам России, откуда непрерывным потоком шли письма с просьбой присылать больше экземпляров. Много жалоб на нехватку газеты поступало с Урала. Один из рабочих Алапаевского завода писал в редакцию в начале 1903 года:

«Братья, у нас не хватает литературы. Везде просят почитать книжонок, в которых описывается про жизнь рабочих. Шпионов много,— здорово следят, ну да я еще покуда на свободе, назло врагам народа. Работа плохая, заработок мал, кое-как бьемся, да покуда не помер, все равно будем бороться. Братья, пишите, что Урал движется, посылайте «Искру». Наши обрадуются, что дело наше известно всем товарищам».

В одном из писем пермские революционеры сообщали редакции: «Громадный спрос на «Искру» удовлетворить комитет не был в силах. Номера «Искры» так зачитывались, что получались одни клочки». В редакции знали о тяжелом положении с революционной литературой на Урале и всеми силами старались помочь.

Надежда Константиновна Крупская спрашивала: «Связана ли Пермь с Екатеринбургом, Уфой? Получается ли необходимое количество литературы? Существует ли связь с заводами? Напишите вообще, что и как (не для печати, а для сведения), все это важно...».

Как переправить «Искру» в Пермь, в Екатеринбург, Уфу, Челябинск?

В редакции думали-думали и решили испробовать один рискованный, хотя и очень простой способ доставки «Искры» непосредственно из-за границы в Россию: почтой.

Казалось бы, чего мудрить: бери газету, сложи в конверт, наклеи марку, надпиши адрес и посылай. Но дело было далеко не так, если учесть, что малейший провал грозил адресату тюрьмой и ссылкой.

Вот почему перед тем, как начать пересылку «Искры», были предусмотрены всевозможные случайности и приняты все меры предосторожности.

И хотя печаталась «Искра» на тонкой папирусной бумаге, но все же каждый ее номер составлял солидный пакет, который в обычный кон-

верт поместиться, конечно, не мог. После долгих размышлений решили, что перед отправкой газету нужно смочить водой, затем свернуть в несколько раз и положить под пресс. Получалась довольно изящная картонка небольшого размера, которую адресат всегда мог легко развернуть.

Больше всего в редакции беспокоились о том, чтобы обезопасить адресата от преследований в тех случаях, когда почта попадет в руки полиции. Для этого был придуман довольно остроумный способ. В каждый конверт, кроме газеты, вкладывали листок с таким текстом:

«Посылаем Вам эту вещь. Простите, что делаем без Вашего разрешения. Русские условия заставляют нас прибегать к всевозможным способам распространения нелегальной литературы, поэтому мы пользуемся всеми, даже случайно попавшими к нам адресами».

Общество распространения нелегальной литературы».

В случае провала адресат мог всегда сказать, что он знать не знает, кто ему послал «Искру», а поэтому никакой ответственности нести не может и не должен.

Чтобы ввести в заблуждение полицию, редакция иногда специально направляла газету в сопровождении этих писем офицерам полиции, видным чиновникам, банкирам и т. д.

Те, конечно, сразу сообщали в охранку и требовали объяснения. Там же только растерянно разводили руками и уверяли, что произошла чистая случайность: «смутьяны»-де посылают свою «заразу» первым попавшимся лицам.

Посылкой приведенных писем редакция «Искры» не ограничивала меры предосторожности. Обычно на сопроводительном листе ставился номер, скажем, 21. Под этим номером в специальную алфавитную книгу записывали определенный адрес, например: «Нейво-Алапаевское почтово-телеграфное отделение, Пермской губернии, его благородию технику Алапаевского завода С. Четвергову».

Четвергову трижды посылали «Искру» по этому адресу. Если все шло хорошо и адресат получал газету, ему достаточно было написать письмо на адрес редакции или другой известный ему конспиративный адрес, в котором где-либо нужно было вписать цифру 21.

Если же редакция не имела подтверждения, то она немедленно прекращала посылать газету, понимая, что произошел провал или адресат по каким-либо причинам не может получать корреспонденцию.

Так, обходя всевозможные полицейские рогатки, сотни лучших людей несли в массы идеи ленинской «Искры».

Г. ДЕИЧ

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

С ИМЕНЕМ
ЛЕНИНА

Помни: теперь ты не простой боец, а большевик-ленинец, — сказал комиссар Подпорин, вручая мне — семнадцатилетнему добровольцу Первого Камышловского отряда Красной Армии, партийный билет.

В 1918 году наш отряд был брошен на борьбу с дутовцами и белочехами. Я стал пулеметчиком. Пять месяцев мы отбивали яростные атаки белогвардейцев. Особенно труден был путь от Актюбинска до Тамира. Оборванные, голодные, шли красные отряды под июльским солнцем в безводной степи. Когда стало известно, что по указанию Ленина нам через Каспийское море направлено оружие, усталость у бойцов как рукой сняло. Ведь о нас знал и заботился сам Ильич!

Победа давалась тяжело. Дня не проходило без схватки с врагом.

В начале сентября по частям разнеслась ошеломляющая весть: «На Ленина совершено покушение! Ильич ранен отравленными пулями!» На митинге возбужденные бойцы потребовали немедленно отправить их в бой, чтобы покончить с ненавистной контрреволюцией! Приняли решение: «Стреляя в Ленина, враг хотел поразить сердце пролетарской революции. Не щадя жизни, доведем разгром белогвардейщины до победного конца».

Через несколько дней полк двинулся на выручку орской группы советских отрядов. Начались жестокие бои.

Однажды мы расположились в поселке Ленивицы. Пулеметный расчет занял одну из крайних избышек у подножья высокой сопки. На рассвете нас разбудил крик: «Белые!» Схватив пулемет, мы поднялись по крутому склону. С вершины сопки было видно, как наступают белые.

«Максим» заставил их залечь. Командир батальона Сиротин с возгласом «За Ленина, смерть белобандитам!» повел бойцов в контратаку. По сопке, где находился расчет, стали бить артиллерия и пулеметы врага. Коммунисту Бобылеву пульей раздробило руку. На его место стал Андрей Доценко. Через минуту ему пробило ногу шрапнелью. За рукоятки пулемета ухватился я. От длительной стрельбы из кожуха «максима» вырывался пар. Внезапно заело ленту. «Перекус!» Потянулся к приемнику. Рядом разорвался снаряд. Меня ранило. Превозмогая боль, торопился открыть огонь и не успел: вражеские пули пробили плечо, ногу и голову. Я потерял сознание.

Очнувшись в госпитале. Товарищи рассказали, что когда замолчал «максим», соседний пулеметчик белорус Иосиф Сорчек перенес огонь во фланг белогвардейцам, вынудил их залечь, был ранен, но не прекратил стрельбы до тех пор, пока рабочий Каменского завода Иван Байнов не вытащил меня в безопасное место.

Н. С. Ошивалов

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ЗА ЖИЗНЬ
ДЕТЕЙ

15 июля девятнадцатого года — не забываемая дата. В этот день части Красной Армии освободили Екатеринбург. Я с малолетним сыном Шуриком вышла на свободу из колчаковской тюрьмы. Мой муж Антон Валек незадолго до этого был казнен белогвардейцами.

Вскоре Шурик заболел корью.

Сейчас корь — нестрашная болезнь: захворал ребенок — сразу примут меры. А что можно было сделать тогда, в годы

голода и разрухи! Заболев, умер мой сын Шурик.

Горе матери поймет каждый. Из Екатеринбурга я переехала в Омск. На улицах города то и дело встречались оборванные беспризорные ребята.

И я решила бороться за жизнь этих детей.

Из ЦК партии пришло письмо: надо было послать в Москву, на курсы Наркомпроса по охране детства, пять человек. Среди них оказалась и я.

В Наркомпросе сообщили:

— Никаких курсов еще нет. Можете пока возвращаться домой, если хотите. А лучше, если... если поможете нам создать эти курсы.

Мы остались.

Вместе с работниками Наркомпроса мы занялись составлением учебной программы, искали помещение, оборудование.

Курсы открылись в бывшем институте благородных девиц.

Через три месяца я вернулась в Омск. Помню тысячи и тысячи детей, голодных, оборванных, недоверчиво смотрящих из-под растрепанных картузов и треухов. Ребят приводили с улиц, снимали с поездов.

Партия в те суровые годы прилагала все силы, чтобы помочь детям, оставшимся без родителей. Я помню коммуну «Путь к труду». Сколько забот было ей отдано в те дни!

Оборудовали мастерские, выделили участок с садом. Государство старалось обеспечить воспитанников всем необходимым, подбирало для работы с ними лучших людей.

Я не могу забыть и замечательного человека — директора этой коммуны Колынина. Он умел так расположить к себе ребят, что самые закоренелые любители побродяжничать оставались в коллективе, становились хорошими помощниками.

Работа, которую мы выбрали для себя, оказалась проверкой нашей партийной закалки. Я и мои товарищи отдали борьбу за наших детей много лет, начиная с того памятного 1919 года, когда я вступила в Коммунистическую партию.

Р. И. Валек

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА НА РАЗГРОМ УНГЕРНА

В 1921 году я был старшиной вьючно-пулеметной команды 7-го Сибирского отряда особого назначения.

21 июля мне и моим друзьям Уткину и Рыжкову в политуправлении V Армии вручили партийные билеты. А на следующий день отряд неожиданно подняли по боевой тревоге, быстро погрузили в эшелон и отправили на Байкал. Только в пути мы узнали, что барон Унгерн решил занять станцию Мысовую, одну из главных на Круго-Байкальской железной дороге. Там и порт, и мастерские, и депо.

Мы должны были преградить путь Унгерну.

На другой день выступили навстречу барону, а вечером в тридцати — тридцати пяти километрах от Мысовой остановились на ночлег. Связи с другими частями, действующими против бандитов, не было. Где находился Унгерн, мы точно не знали.

На рассвете дозорные доложили о приближении противника. Отряд занял боевую позицию.

Части Унгерна сходу пошли в атаку, но были отбиты артиллерийским и пулеметным огнем. Затем в контратаку пошли мы.

Бой длился целый день. Часто завязывались рукопашные схватки. Войск у барона Унгерна было в десять раз больше, но мы выстояли. Бросили на беляков все свои резервы. Даже раненые не покидали поля боя.

К вечеру подоспел полк 5-й Кубанской бригады и разгром Унгерна был завершен.

В. И. Морозов

ПОД ТОПОЛЕМ СТАРЫМ

Л. Александров

Рисунки Ю. Ефимова

Рассказ

У ворот стоит высоченный раскидистый тополь. По семейному преданию, посадил его еще прадед. Вернулся он однажды с пашни в жаркий полдень, сел отдохнуть на лавочке у ворот и не выдержал, не усидел на солнцепеке. Взял топор, сходил на пруд к тополям.

В жирной весенней земле черенок хорошо принялся и с годами вымахал в статного красавца.

Шли годы, одно поколение сменялось другим. И нашептывал тополь каждому свое. Чем дальше, тем больше перемен у людей, а тополю сверху лучше видно.

Могуч его ствол — в обхват не возьмешь. Бури изредка пробуют, крепок ли на ногах великан. А он и не шелохнется, только кудри распустил по ветру и стоит, стоит на своем. Не оторвать его от родной земли. Занял дерзкий половину неба. Добрый к людям, бережет их покой и тишину. И какие мечты он может нашептывать в тихие, ласковые вечера!..

Как-то ранним летним утром из ворот вышли двое. Остановились под исполином, критически оглядывая его богатырский ствол.

Один одет в строгом соответствии со своим возрастом: коротенькие штанишки с лямками крест-накрест. Он молчалив.

Второй старше и выглядит довольно странно: босиком, но в ватных брюках с перевязанными в коленках штанинами. В брюки заправлены полы ватной фуфайки. И все это из последних ребячьих сил перетянуто широким армейским ремнем.

Бляха надраена до золотого сияния. На голове — «летчицкий» шлем, предмет лютой зависти всех мальчишек. На шлеме — хитросплетение из алюминиевой проволоки — антенна.

— Мама выйдет — не говори ей, где я! — инструктирует старший и приставляет к тополю длинный гладкий шест.

— Ага! — соглашается младший. Глаза его округлены от восторга.

Шест верхним концом уложен в развилину на тополином стволе. Шест? Так назвать это чудо технической мысли может только человек, который ничего,

кроме самовара, в жизни не видел. А те, кто мало-мальски знаком с астронавтикой, без особого труда угадают, что шест — это мощная многоступенчатая ракета. Сомнений нет, человек собирается в космос.

Короткая минута расставания. Провожających просят удалиться в укрытие, операторов — занять места у пультов. И в ответ на все команды остающиеся на земле отзываются лаконичным «ага».

— Приготовиться! Старт!

Возникает тонкий свист, плавно переходящий в ужасающий вой. Быстро удаляясь, он затихает. Человек оторвался от Земли. Теперь самое трудное — преодолеть ее притяжение.

Каждая пядь высоты дается с великим трудом. Корпус ракеты вибрирует. Миг — и ноги соскальзывают, космонавт повисает на шесте, то бишь в кабине корабля, неестественно выгибаясь: невесомость. Об этом тотчас летит радиограмма. Земля отвечает коротко: «Ага!».

Все. Ракета вошла в сферу притяжения Луны — цепкие руки космонавта ухватились за нижний сук тополя. Еще один рывок, и выключены все двигатели. Экипажу можно чуточку отдохнуть...

— Сережа-а-а-у-у! — понеслись вдруг позывные по Вселенной. На Земле что-то случилось, кого-то хватились. Туда летит последняя, шифрованная, радиограмма: «Ш-ш-ш-ш!»

Из ворот выходит мать.

— Пашенька, где Сережа?

Паша верен данному слову, но его раздражает такая всеподмывающая гордость за брата-звездолетчика, что он забывает обо всем на свете, кроме одного:

— Он на Луне!!!

Пауза, полная космической тишины.

— А ну, слезай сейчас же! — командует Земля новым голосом на новой волне и сообщает, какая награда ждет смельчака: — Вот я тебе задам, я тебе! Живо, живо!

Путь назад короче по времени.

— А ну, иди сюда!

Героев украшает скромность: они не спешат за наградой.

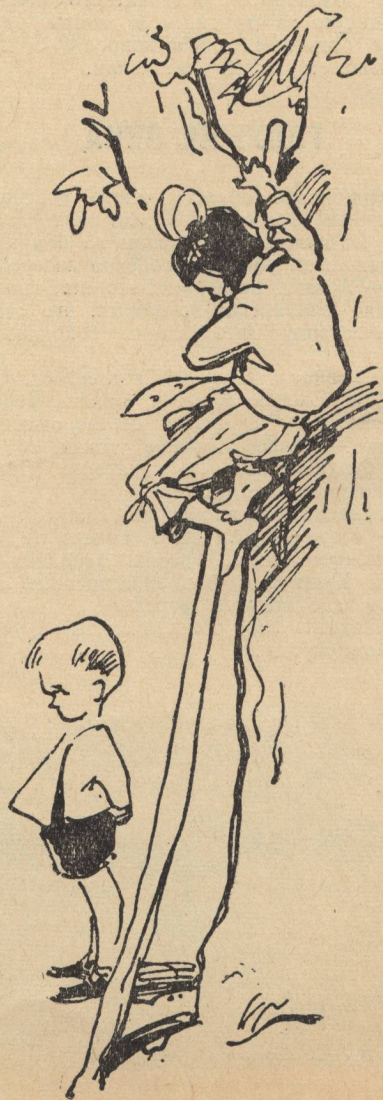
Но от чествования никак не уйти.

Космонавт стоит у основания своей ракеты и равнодушно выдерживает серию профилактических шлепков — проймешь ли этим! Скафандр рассчитан и не на такие излучения. Главное — полет все-таки удался!

Странный народ эти мамы: даже самых простых вещей они не понимают, или просто не хотят понимать. Всегда забывают, что дети их тоже выросли, отказались от передвигания на четвереньках и идут в ногу со временем.

А тополь... тополь, он все понимает. Оставшись один, радостно шелестит листьями.

Скоро, скоро на далекой необжитой планете кто-то — может быть, эти мальчишки — улыбнется, вспомнив милый запах клейкой тополиной листвы.

ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Очень богата и разнообразна природа Челябинской области. Зеркальные озера и сосновые боры, нагорные дубравы и живописные скалы, подземные дворцы-пещеры и кедровники. Комиссией по охране природы Уральского филиала АН СССР и исполкомом Челябинского областного Совета депутатов трудящихся взяты на учет семьдесят пять памятников природы. О них мы и рассказываем нашим читателям.

ГОЛУБЫЕ ОКНА

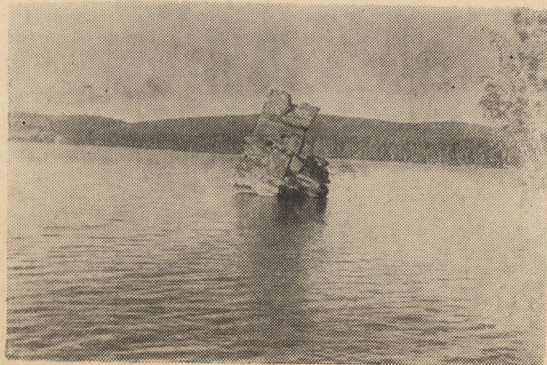
В Челябинской области много красивейших озер, голубых окон края. Среди них Увильды, Большой Белишкуль с островом на нем и Аргазы в Аргаяшском районе. Особенно интересно последнее — Аргазы. Во-первых, это источник водоснабжения Челябинска. Во-вторых, это озеро — место массового гнездования водоплавающих птиц.

Озера Синара, Иткуль, Светленькое, Смолино, Горькое, Еловое, Кисегач, Боляш, Теренкуль с прилегающими лесными березово-сосновыми массивами — живописнейшие уголки, где в недалеком будущем появятся санатории, Дома отдыха, пионерские лагеря.

В семнадцати километрах южнее города Сатки — озеро Зюраткуль. Недалеко от Мнасса очень красивое озеро Тургойак. Западнее протекает река Куштумга. Это единственный водоем в области, где водится форель.

Одиннадцать озер области взяты на учет как памятники природы.

Иткуль.

ПОДЗЕМНЫЕ ДВОРЦЫ

Славятся среди спелеологов Советского Союза пещеры Челябинской области, настоящие подземные дворцы. Игнатовская, Кольцо-Камень и пещера на берегу Юрюзани в Катавском районе; пещера горы Егоза и Сугомакская, недалеко от Кыштыма; пещерный лог и Сказова карстовая пещера в двух километрах от станции Сказ; Каргазакская пещера на левом берегу реки Ая и Пугачевская в Троицком районе. Побывайте в них!

Все эти пещеры — ценные геологические памятники природы.

ГОРЫ И КАМНИ

Причудливы скалы в Кыштымском районе. Об этом говорят их названия: Каменные Ворота, Чертово Городище, Дунькин Сундук, Самсонов Гроб.

Недалеко от города Верхнего Уфалея расположены Каменные Столбы, гора Красный Камень и Крестово-Тюленевское месторождение силикатного никеля (отработанный карьер).

Интересные минералогические памятники — Ахматовский рудник в окрестностях Златоуста, Андреевский каменный карьер, на левом берегу реки Каменки, и пегматитовые жилы двух полевошпатовых рудников в Каслинском районе, где находятся и Аракульские шиханы (гранитные скалы), останец, сложенный гнейсами, и отработанная штольня Маукского медноколчеданного месторождения.

Очень популярна гора Таганай. Летом там бывает много туристов со всей страны.

На окраине города Аша расположена Липовая гора.

Интересные геологические памятники — Борисовские сопки, в 18 километрах юго-западнее города Пласт, и Бакальский останец в Саткинском районе.

Скала «Кепка» (Таганай).

ЗЕЛЕННЫЕ ОСТРОВА

Богата Челябинская область сосновыми борями. Это Еткульский, Чебаркульский, Утовский... В них расположены лечебницы, дома отдыха.

В бору «Золотая сопка» в районе Троицкой ГРЭС и Каштакском — в Увельском районе любят летом отдыхать трудящиеся Челябинской области.

Очень красивы Уйский, Ларинский, Карагайский, Санарский, Травниковский, Хомутинский, Варламовский сосновые боры и Черноборская дача Варненского лесхоза.

На восточном берегу водохранилища Южно-Уральской ГРЭС находится Кичигинский бор. Он, как и Бреднинские и Джабык-Карагайские островные сосновые боры, имеет водоохранное и почвозащитное значение.

В Варненском районе около знаменитой башни Тамерлана есть участок степной растительности. Естественные нагорные дубравы — зеленые острова — есть в Ашинском лесхозе.

В горно-лесных районах области встречаются наиболее южные в СССР участки кедр.

Берега озера Иткуль в Каслинском районе поросли липовыми лесами, а на Вишневых горах в Каслинском лесхозе своя достопримечательность — степная вишня.

Заповедна растительность на горах Сугомак и Голой.

Елово-пихтовые леса встречаются в Миасском лесхозе.

Нужно охранять также радоновые источники, обелиск «Азия—Европа» около Златоуста и городской лесопарк на юго-западной окраине Челябинска.

На территории области есть такие животные и птицы, которых надо взять под защиту. Это белка и глухарь в изолированных островных борах; сурок, все виды лебедей и болотных крачек. Здесь северная граница распространения на Урале дроф, стрепета, песчанки, красной утки, савки, степной пустельги, камышницы.

Участок целинной ковыльной степи в районе Троицкого лесостепного заказника.

УРАЛЬСКИЕ НОСОРОГИ

В январском номере «Недели» была напечатана статья кандидата биологических наук А. В. Рюмина «Драма пещеры носорога». В ней рассказывалось о находках костей ископаемых животных (носорога, зубра, гиен) в пещере Южного Урала (район реки Юрюзань). Случай этот действительно интересный, но не такой уж редкий.

В 1954 году на окраине Кизела, Пермской области, при разработке известняка рабочие обнаружили на дне большой пещеры массу костей. Вскоре ученые Палеонтологического отряда Зоологического института Академии наук СССР собрали здесь свыше пяти тысяч костей особого вида карликового пещерного медведя, остатки соболей, выдр, белок, кротов.

В 1960 году в Петропавловской пещере около Североуральска, Свердловской области, нашли остатки лисицы, россомахи, барсука, мелких кунных, северного оленя, зайцев, различных грызунов. Кости самого разного возраста: некоторые из них полностью пропитались известковыми солями и были тяжелыми, как камень. Другие, наоборот, очень легкие, пористые. Глубоко в пещере, в обломках породы, покрывавшей дно гротов, наша группа обнаружила огромные окаменевшие кости мамонта и другого очень крупного животного — шерстистого носорога. Как они попали сюда? Вероятно, занесены протоком, соединявшим две реки — Колву и Вагран. Совсем недавно он проходил через пещеру.

В Нижне-Сергинских пещерах найдены остатки ископаемого пещерного медведя и мелких грызунов, в Смолинской — черепа лисиц, в Кызыл-Яре — некоторых видов хищных и грызунов.

Перечисление можно было бы продолжить, но интересен второй вопрос. Как же оказались в многочисленных уральских пещерах эти кости? Видимо, крупные хищники жили в пещерах и погибали здесь от болезней, паводков, от камнепадов. Другие животные стали добычей хищников. Третьи — занесены водными потоками. Укрытые от резких колебаний температуры, от действия солнца, остатки животных постепенно пропитывались различными солями и хорошо сохранились в течение тысячелетий.

Детальное обследование уральских пещер еще только начинается. И каждая новая находка даст дополнительные факты для изучения формирования животного мира Урала и его геологической истории. Поэтому мы просим следопытов, туристов, спелеологов: сообщайте в Институт биологии УФАНа, Уральское геологическое управление об исследованных вами пещерах.

В. БОЛЬШАКОВ.

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

МОЯ МЕЧТА

Учиться! Это была моя самая большая мечта. Но разве можно думать об образовании, если отец, единственный работник в нашей семье из девяти человек, получал 30 рублей в месяц!!

Свершилась Октябрьская революция, и невозможное стало возможным. В 1920 году я вступила в комсомол, а осенью меня послали учиться на рабочий факультет Уральского университета! Государство бесплатно давало мне продовольственный паек и стипендию.

В рабфак пришли люди с фабрик и заводов, крестьянская беднота, красноармейцы. С жадностью набросились мы на учебу. Рабфаковцы творили настоящие чудеса, изучая в три года курс наук, рассчитанный на 8—10 лет. Университет стал нашим родным домом. Мы ремонтировали общежития и аудитории, оборудовали кабинеты, заготавливали топливо.

Студенты вели и большую общественную работу на фабфаках, заводах, в селах и в деревнях, дружно трудились на субботниках, умели и весело отдыхать.

Зимой 1921 года мы организовали хор, единственный в Екатеринбурге.

В 1923 году состоялся первый массовый выпуск рабфака. За успешную работу нашему коллективу вручили знамя Уралбюро ЦК и обкома партии.

Перед окончанием факультета многие рабфаковцы стали коммунистами. Готовилась и я. Читала политическую литературу, труды Маркса. Товарищи помогали мне, разъясняли, экзаменовали.

Наступил торжественный день. Меня приняли в партию. Это было осенью 1923 года.

Н. Г. Орлова

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ

Четырнадцати лет, в 1918 году, я поступил на Миньярский железопркатный завод. Тяжелое это было время: заводу не хватало топлива, сырья, оставались цехи. Но стране требовался металл. И мы старались во что бы то ни стало дать его. Устраивали субботники и воскресники, своими силами восстанавли-

вали завод, заготавливали топливо, добывали сырье. Получая по фунту хлеба на день, мы собирали деньги и отправляли их через МОПР голодающим в другие области.

Помню 21 января 1924 года. Небольшой зал Делового дома. Нам делают доклад о «кровавом воскресенье».

Внезапный перерыв. Прошло десять, пятнадцать минут. Пауза затянулась.

На сцену вышел секретарь райкома. На глазах его блеснули слезы. Срывающимся голосом он произнес:

— Товарищи!.. Только сейчас... Товарищи, умер Владимир Ильич Ленин...

Никто не двинулся с места. Плакали все.

В день похорон Ильича у завода был выстроен почетный караул. Бывшие солдаты-фронтовики пришли в шинелях, с винтовками на плече. Над поселкомплыли заводские и паровозные гудки. На пять минут жизнь замерла. Потом — трехкратный залп-сальют.

Когда был объявлен ленинский призыв, я вступил в члены Коммунистической партии.

А. И. Волков

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

16 апреля 1930 года я, молодой красноармеец, только что принятый в Коммунистическую партию, и два моих товарища, Иванов и Хохлов, были срочно вызваны к комиссару полка.

— Поедете инструкторами в деревню, — сказал он нам.

Это было моим первым партийным поручением.

В деревню мы выехали в тот же день. Зима и весна 1930 года были, пожалуй,

самым бурным периодом организации колхозов. Десять миллионов единоличных крестьянских хозяйств объединились в сельскохозяйственные артели. Но в проведении коллективизации случались ошибки и перегибы.

Прямо на месте нам пришлось разъяснять и Примерный Устав колхозов, и постановление о льготах, и отвечать на многочисленные вопросы крестьян. Кое-кто из них поддавался кулацким провокациям и резал скот: дескать, в артели все равно отберут.

Мы проводили митинги, собрания, групповые беседы. Но они, конечно, при всей их значимости не могли заменить индивидуальных встреч с крестьянами. Разговоры с глазу на глаз помогали лучше понять людей, их думы, настроения.

Успех нашей пропагандистской работы зависел от ее конкретности. Поэтому, готовясь к беседам, к встречам, приходилось тщательно обдумывать каждое слово, подбирать факты, добиваться, чтобы рассказы были всегда доходчивыми и интересными.

Так началась моя партийная работа.

А. М. Свирин

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА ПЕРВАЯ ПЛАВКА

Пошла! Огненный поток металла под громогласное «ура» участников митинга хлынул из мартена. Сноп искр, словно огни праздничного фейерверка, взлетели под своды цеха.

Это было в 1931 году.

Для меня он вдвойне памятен. Приехал я в ту пору на Урал из Ленинграда,

с Путиловского завода. Приехал варить первую сталь на Уралмаше. Но прежде чем варить, пришлось, помогая строителям, своими руками сооружать невиданные по тому времени мартены. Завод еще не был полностью закончен, и первая сталь пошла на склад, в слитки.

В этом же году меня приняли в члены партии.

И так получилось, что вместо двух лет командировки я вот уже 32 года на Урале.

Много было за это время плавков. И обычных, и трудных. Когда в дни войны Урал ковал оружие для фронта, вместе с визовскими сталеварами мы освоили скоростные режимы. Все для фронта, все для победы!

Сейчас я уже на пенсии. На завод пришла молодежь, вместе с ней и мой сын. И когда я мысленно оглядываюсь назад, убеждаюсь: наши годы были горячими, как поток расплавленного металла самой первой уралмашевской плавки.

Д. Д. Сидоровский,
Герой Социалистического Труда.

П о в е с т ь

ВЛАДИМИР ЯРОШИНСКИЙ

Рисунки Ю. Ефимова

МИССИЯ ГЕЗЕКЕ

Полковник Егоров внимательно просматривал последние донесения Кента и Жильбера. Они информировали, что абвер после ликвидации главной станции Брюсселя приступил к поискам других. Жильбер сообщал, что его агент, следивший за немецкими телефонными линиями, узнал о работах гитлеровцев над расшифровкой советских радиотелеграмм, а также о том, что в руки абвера попал один из наших, советских связистов, которого товарищи не сумели вовремя известить о грозящей опасности.

Связист направлялся на Моуленбек, где агенты абвера устроили засаду, и был схвачен. При нем нашли несколько шифрованных текстов, а также донесение, написанное симпатическими чернилами. Жильбер боялся, что исследовательской группе абвера удастся с помощью химических реактивов прочесть этот документ. Правда, он не содержал никаких точных сведений, но мог послужить ключом для расшифровки других текстов.

Жильбер просил Центр прислать самолет: нужно было скорее переправить важные документы, касающиеся запланированного немцами удара на Волгу и Кавказ. Гитлеровцы решились на эту операцию после неудач на центральном участке фронта.

Егоров тотчас же собрал совещание начальников отделов с участием метеорологов. Однако метеорологи сообщили, что атмосферные условия заведомо обрекают полет на неудачу.

Тем не менее надо было что-то предпринять. Столь важные материалы, о которых упоминал Жильбер, не могли быть переданы по радио, а обыкновенному связисту понадобилось бы слишком много времени, чтобы перейти через линию фронта. Да и риск был слишком велик...

* * *

Ветви елей на опушке шевелились, роняя изредка снежные хлопья. Рядовой Костен Ридер опустил предохранитель и взял на прицел темную точку, вынырнувшую из гущи ветвей. Это был человек. Он шел к немецким линиям, держа в руках какой-то продолговатый предмет.

— Стой! Буду стрелять! — крикнул Костен Ридер.

— Не стреляйте! Я немецкий солдат, — донесся голос от елей.

— Руки вверх! Подойди ближе, — командовал Костен Ридер.

Человек приблизился. Костен Ридер увидел, что он одет в очень потрепанную советскую форму, а в руках держит русский автомат.

— Пароль?

— Не знаю пароля. Я бежал из плена. Я летчик!

Держа человека на прицеле, Костен Ридер вызвал начальника караула.

Летчика доставили в штаб. Там он сказал, что зовут его Густав Гезеке, что он фельдфебель из эскадрильи, расположенной на аэродроме в Хайдебреке.

26 января его эскадрилья получила задание провести разведывательные полеты к западу от Курска. При выполнении задания его самолет был атакован на северо-западе от

¹ Окончание. Начало см. в №№ 5 и 6.

Курска тремя советскими истребителями и сбит. Экипаж выбросился с парашютами. Гезеке тут же был схвачен и доставлен в советский штаб. После допроса его отправили в лагерь для военнопленных. Пробы в лагере три недели, Гезеке сумел бежать и обмануть преследователей, укрывшись в вагоне товарного поезда, идущего на Запад. Там он снял часового, переоделся в его форму и взял оружие. Затем шел два дня к линии фронта, которую ему и посчастливилось пересечь.

Офицеры абвера тщательно занялись рассказом Гезеке. Проверили все факты, запросили части, где служил такой фельдфебель, подробно разузнали все о его личности и обстоятельствах, при которых был сбит самолет. Факты подтвердились. Гезеке, как бежавший из вражеского плена, получил две недели внеочередного отпуска, после которого ему надлежало прибыть в свою летную часть.

Ему выдали на руки все необходимые документы, отвезли на вокзал, и Гезеке сел в поезд отпусников, который шел в Берлин.

* *

После визита немцев на Моуленбекк Дюпонт перенес свою радиостанцию в Голландию, а сам отправился в Париж, где на известной уже нам вилле в квартале Пасси снова встретился с Жильбером.

Жильбер был убежден, что скоро гитлеровцам удастся расшифровать некоторые тексты, и станции в Берлине и Голландии окажутся в серьезной опасности.

— Нам необходимо как можно скорее изменить всю систему связи в целом и организацию отдельных групп, — сказал Жильбер. — Люди, псевдонимы которых были названы в текстах, должны немедленно переменить районы действия. Известите об этом берлинские и голландские группы!

— А что будет дальше с моей сетью связи? — спросил Кент.

— Перенесите на юг Франции. Одновременно подайте в отставку в фирме «Симпекс», лучше всего по состоянию здоровья. Затем переждите еще некоторое время. Но каждый день продолжайте слушать в 21.30, 22.45, 23.15. Когда я передам сигнал «Марс», немедленно оставьте Бельгию и отправляйтесь на юг Франции. Однако перед этим расскажите всем, что собираетесь в Швейцарию. Центр пришлет вам новые бумаги и документы. С ними вы сумеете продолжать работу, не возбуждая подозрений. Возможно, план этот будет еще изменен, но во всяком случае будьте наготове!

Дюпонт с удивлением смотрел на Жильбера. Должно быть, этот человек точно знал все тайные намерения абвера, если всегда успевал вовремя им противодействовать.

Жильбер приказал Дюпонту тотчас же ехать в Берлин и известить Корро о том, что 14 мая в 16.40 в берлинском зоопарке у клетки фламинго его будет ждать эмиссар Центра, носящий псевдоним Директор. Опышавательный знак — газета «Фелькишер Беобахтер», сложенная через левое крыло орла на ее первом листе.

Дюпонт забрал с собой микрофильмы документов и донесений, содержащих сведения о ракетном оружии, с которым немецкие уче-

ные лихорадочно проводили опыты. Эти материалы Корро должен был передать Директору.

* *

На скамье у клетки, в которой расхаживал фламинго, высокий плечистый мужчина в сером френче фельдфебеля Воздушных сил не спеша просматривал «Фелькишер Беобахтер». Перед ним на песке играли дети. Фельдфебель взглянул на часы. Стрелка приближалась к 16.40. В конце аллеи показался капитан вермахта. Он шел медленной походкой, явно ища для себя свободного места.

Подошел ближе, миновал клетку с фламинго и сел, не торопясь, рядом с фельдфебелем.

— Прощу прощения. Не могли бы вы сказать, который теперь час?

— Конечно могу. Сейчас 16.40, а стало быть, шесть минутами позже.

— Директор?

— Корро?

— Все в порядке, рад, что вижу вас. У меня есть для вас новости от младшего шефа.

— Догадываюсь. Прощу передать!

Корро быстро подал Директору два вечных пера.

— Когда вы возвращаетесь?

— Через три дня.

— Через фронт?

— Увы...

— Да, понимаю.

Мужчины попрощались.

ДОКТОР ВАУТ ДЕЙСТВУЕТ

Самые тщательные исследования шифровок, привезенных с пленгаторных пунктов, не дали никакого результата, хотя доктор Ваут применил все известные ему способы. Он лишь сумел выяснить, что советская разведка пользовалась для шифровки какой-то книгой.

— Во что бы то ни стало мы должны найти эту книгу, — сказал доктор Ваут капитану Моделю. — В противном случае нам никогда не удастся решить задачу.

Модель знал, что доктор прав.

— Советовал бы вам съездить в Брюссель и обыскать еще раз виллу на Моуленбекк. Может быть, удастся напасть на какой-нибудь след, — добавил Ваут.

Так как после захвата передатчика хозяйка виллы мадам Дортефуа была арестована, Модель связался с майором Мейером и поручил ему выяснить, находится ли она еще в следственной тюрьме. Мейер сообщил, что эта женщина несколько дней назад была освобождена за отсутствием улик.

Модель с двумя офицерами тотчас же выехал в Брюссель.

Мадам Дортефуа при виде офицеров страшно испугалась, решив, что ее снова аре-

стуют. Капитан успокоил женщину, сказав, что приехал кое-что уточнить.

Отвечая на вопросы, хозяйка виллы рассказала, что ее бывшие жильцы имели, как она заметила, несколько книг, которые всегда лежали на столе у окна, рядом с каким-то чемоданчиком.

— Я полагаю, что вы запомнили название некоторых из них? Во всяком случае это было бы лучше для вас,— строго сказал Модель.

— О, да,— поспешила ответить мадам Дортефуа,— я запомнила. Это были «Красное и черное» Стендаля, «Отец Горио» Бальзака, «Сирано де Бержерак» Эдмунда Ростана, а также «Чудо профессора Тэррамон» Гюи де Лясерфа. Вот, кажется, и все.

— Я хотел бы взглянуть на эти книги. Они здесь?

Мадам Дортефуа утвердительно кивнула. Офицеры вместе с ней поднялись на второй этаж, но несмотря на тщательные поиски, им не удалось найти ни одной из названных книг.

— Оказывается, вы были не совсем искренни, мадам! — сухо сказал Модель.

Мадам Дортефуа, дрожа, пояснила, что через несколько дней после ее возвращения из тюрьмы к ней пришли двое мужчин из гестапо и потребовали ключи от верхней комнаты. Что они там делали, она не знает, так как ей велели остаться внизу.

— Черт бы их побрал! — Модель был обманут в своих ожиданиях. И, оказывается, гестапо вмешивалось в дела абвера. Этого еще не хватало!

Модель сел в машину и приказал ехать к майору Мейеру — шефу местного абвера. Уже вместе они отпра-

вились в управление гестапо, чтобы выяснить, в чем дело.

Штурмбанфюрер СС Дегель ничего, однако, не знал о происшедшем.

— Господа,— сказал он,— боюсь, что эти двое приходили туда замечать следы.

Модель понял, что надо действовать очень быстро, иначе противник успеет полностью реорганизовать свою разведывательную сеть и поиск придется начинать сначала.

Шеф парижского абвера полковник Редлинг по просьбе Моделя тотчас же принялся разыскивать книжки, названия которых были получены от мадам Дортефуа. Перерыли лавки букинистов и публичные библиотеки. Через три дня доктор Ваут мог приступить к работе. И скоро ему удалось связать 97 шифровок с текстом книги «Чудо профессора Тэррамон». Ваут открыл также, что все телеграммы со станции Моуленбек подписывались псевдонимом Кент, а те шифровки, которые передавал Центр для РТХ, были адресованы Кенту. Отсюда Ваут сделал вывод, что Кент является руководителем бельгийской группы.

Содержание телеграмм говорило о том, что человек этот постоянно бывал в поездках. Повсюду — во Франции, Бельгии, Голландии и Германии — он получал от своих людей сведения чрезвычайной важности. В текстах часто фигурировали псевдонимы Жильбер и Корро. Ваут предполагал, что Кент и Жильбер одно лицо. Больше всего, однако, интересовал доктора таинственный Корро, который подписывал все донесения одной из берлинских радиостанций. В его шифровках передавались такие сведения, которые заставляли думать, что человек этот занимает ответственное положение в штабе Верховного командования вермахта или в каком-нибудь военном министерстве и имеет доступ к самым секретным государственным документам.

Корро, как выяснил Ваут, доставил своему Центру сведения о намеченном немецким командованием наступлении на Кавказ, а также о том, что Ленинград фашисты штурмовать не будут, но подвергнут его окружению и блокаде, принуждая таким способом к капитуляции.

Тем временем Модель отправился в Голландию и Францию, чтобы возглавить операцию по ликвидации действующих там станций.

Приближалась середина мая 1942 года.

НАКАНУНЕ БИТВЫ НА ВОЛГЕ

Поздним вечером 12 мая полковник Егоров получил сообщение, что немецкий разведывательный самолет «хейнкель Х-126» добровольно приземлился на одном из советских аэродромов. Пилотом машины был фельдфель Гюстав Гезеке.

Егоров распорядился, чтобы летчик был немедленно доставлен в Центр.

Микрофильмами, которые привез Гезеке, занялись специалисты.

Жильбер прислал копии плана Верховного командования вермахта, а также оперативные директивы для отдельных армий. Из этих документов следовало, что гитлеровское командование решило еще до июля — августа 1942 года окончательно овладеть Крымским полуостровом, включая и Севастополь, который все еще осаждали войска генерала Манштейна.

Гитлер приказал также своим фельдмаршалам развить наступление в секторе группы армий «Центр», чтобы освободить сильную группировку немецких войск, загнанных Красной Армией в «котел» в районе Спас-Демьянска.

Эти сведения были добыты Петерсом, Корро и Сауэром.

Не считаясь с грозящей им опасностью, думая только об исполнении долга, эти люди проделали огромную работу. Даже когда условия работы Петерса усложнились, так как он был переведен на службу в ставку Гитлера «Волчье логово», сведения от него поступали бесперебойно. Каким образом ему удалось это устроить, знал только он один. Во всяком случае, его информация о донесениях, поступающих в «Волчье логово» и отправляемых туда, была всегда точна.

Благодаря деятельности Жильбера советское командование знало, что после провала наступления под Москвой в штабе вермахта думают о направлении нового решающего удара.

Между верховным командованием вермахта и главной квартирой Гитлера возникли крупные разногласия по поводу этого направления: Москва или Кавказ? Гитлер склонялся к взглядам Кейтеля и решил, что операции, имеющие целью «окончательно разгромить» Красную Армию, должны развернуться на юге.

Фюрер рассчитывал занять Баку и отрезать СССР от источников нефти.

Кроме того, Гитлер и Риббентроп лелеяли надежду, что после захвата Кавказа они прорвутся через Иран, завладеют Индией и соединятся с японцами. А тогда уже нетрудно будет склонить и Турцию к вооруженному выступлению на своей стороне.

Приготовление армий группы «Юг» началось еще с осени 1941 года, о чем в свое время также доносил Корро. Фронт этой группы растянулся от Таганрога до Крыма, соединяясь на севере с группой армий «Центр».

Первое немецкое наступление началось

8 мая 1942 года. Гитлеровцы рвались к Керчи и Севастополю. Захват этих городов высвобождал 4-ю армию, и она смогла бы принять участие в операции армий «Юг».

Однако фашисты не сразу добились успеха, на который надеялись. 12 мая 1942 года советские войска двинулись из района Изюма на Харьков. После кровавых многодневных боев гитлеровцам удалось сдержать советское наступление, угрожающее тылам группы армий «Юг» на линии Мерефа — Чугуев.

На основании разведывательных данных советское командование решило провести операцию так, чтобы задержать немецкое наступление в направлении Керчи и Севастополя, сконцентрировав на небольшом полуострове большую группу войск.

Эта операция измотала и, обескровила немецкие войска и в конечном счете значительно оттянула взятие ими Севастополя.

Из разведывательных материалов Жильбера следовало, что немецкое командование предполагало разделить группу армий «Юг» на две, чтобы повысить их маневренность. Южное крыло группы должно было называться группой «А». Командующим ее был назначен фельдмаршал Лист. В ее состав предполагалось ввести 1-ю бронетанковую и 17-ю пехотную армии.

Северное крыло получило название «группы «Б». Ею командовал фельдмаршал фон Бок. В нее вошли: 4-я бронетанковая армия, 6-я и 2-я пехотные армии. В резерве оставались две румынские армии, одна венгерская и одна итальянская.

Согласно планам немецкого командования, обе бронетанковые армии этих групп должны были действовать в центре. Пехотным 6-й и 2-й армиям следовало начать наступление одновременно с бронетанковыми частями и достичь Дона в районе Новой Калитвы и Воронежа, форсировать реку и двигаться далее на восток. 17-я армия должна была вступить в бой позднее, так как предполагалось, что она встретит на своем участке сильное сопротивление советских войск.

Планы штаба вермахта стали предметом углубленных исследований. Изучив сведения, полученные как от Жильбера, так и от других разведывательных групп, из других стран, советское командование пришло к выводу, что главной целью немецкого наступления будет захват района нижней Волги.

Теперь предстояло сделать решительно все, чтобы остановить это наступление.

ДИРЕКТОР ДЮПОНТ ИСЧЕЗАЕТ

Готовя операцию против тайных передаточных станций в Голландии, капитан Модель в конце июня 1942 года приехал в Париж и остановился в гостинице «Лютеция», где располагался абвер.

Полковник Редлинг приветливо встретил его.

— Хорошо, что приехали, у нас масса хлопот с этими чертовскими станциями. За последнее время наши слухачи засекли около сорока новых передатчиков, поддерживающих связь с Россией и Англией. Я уверен, что половина из них обслуживает советскую разведку.

Модель ответил молчанием на откровенность полковника Редлинга. Дело оказалось куда более серьезным, чем он предполагал.

Немецкие армии встретили на Восточном фронте все возрастающее сопротивление русских. В оккупированных странах рос саботаж, усиливалось Движение сопротивления, участились случаи нападения на немецкие отряды, военные предприятия и линии коммуникаций.

В глубоком тылу орудовала мощная партизанская армия, которую не удалось уничтожить, несмотря на драконовские меры. Иностранцы разведки также неустанно повышали активность.

Будущее представало перед глазами Моделя уже не в таком розовом свете, как год назад.

И плюс ко всему операция функ-абвера в Голландии не принесла ожидаемых результатов. Люзнер со своими отрядами ликвидировал три передатчика, но захватил при этом только одного радиста. Очевидно, остальные были вовремя предупреждены. Это показывало, что работа функ-абвера находится под постоянным наблюдением вражеской разведки.

Арестованный радист, несмотря на пытки, держался стойко. Офицеры абвера не смогли ничего от него узнать.

Донесения из подслушиваемых пеленгаторных пунктов говорили о том, что работу РТХ продолжала станция в Париже, и капитан решил направить удар на нее.

Отряд слухачей абвера локализовал эту станцию в окрестностях Монматра. Передающий, однако, все время менял свое местонахождение, передвигаясь где-то между Исси и Монматром. Наконец, после нескольких дней работы было найдено точное место, откуда велась передача.

16 июня солдаты с Моделем во главе ворвались в мансарду большого дома в квартале Исси и арестовали радиста. Его немедленно привезли в штаб СД. Каратели решили всеми средствами вынудить его сознаться. Наконец, видимо не в силах далее вынести пыток, захваченный рассказал, что собирался на следующий день встретиться с незнакомым ему человеком неподалеку от станции метро на улице Марбефа на Елисейских полях. Этот человек должен был вручить ему тексты шифровок для передач в Центр.

— Я никогда не знал заранее ни срока, ни места встреч. О каждой следующей встрече меня извещали через специального связного. На свидания всегда приходил некий высокий мужчина. Он же снабжал меня и радиоаппаратурой.

— Что заставило тебя служить врагам великого рейха? — спросил офицер. — Тебе известно, что ты работал на русских?

— Да, я знаю об этом. А работал я для них потому, что это единственная страна, которая гарантировала мне, что гитлеризм будет уничтожен. Работал я для них потому, что ненавижу вас¹.

Ничего больше нельзя было добиться от этого человека.

На следующий день агенты СД отправились на указанное место встречи, но никто туда не пришел. Модель подозревал, что схваченный радист успел оставить какой-то знак, предупреждающий об опасности, либо просто послал карателей по ложному следу. Модель, обманутый в своих ожиданиях, вернулся в отель «Лютеция».

Здесь его ждал доктор Ваут, прибывший по очень важному делу из Берлина.

Вауту удалось выяснить, расшифровав несколько радиogramм, что разведчик, имевший псевдоним Кент, очевидно, был шефом бельгийской группы.

— Этот человек, — говорил Ваут, — великолепно информирован о многих делах, являющихся государственной тайной рейха.

— Может быть, вы имеете представление, какое положение он занимает или с кем поддерживает связь? — спросил Модель, хотя ответ знал заранее: вряд ли Кент лично знакомился с доктором Ваутом.

— Разумеется, не представляю, — ответил Ваут. — В радиogramмах он выступает всего лишь как Кент, но, по-моему, должен занимать какое-то солидное положение. Он совершенно свободно разъезжает по Германии и другим странам. Так, в прошлом году он посетил Аугсбург. Не знает только, с кем он там встречался. Он располагает сведениями о строительстве Атлантического вала.

— В таком случае мы напали на след. Генерал Цуффенхаузен должен знать этого человека! — воскликнул, вскочив, Модель.

* * *

Генерал Цуффенхаузен нервно ходил по своему кабинету, когда адъютант доложил о прибытии капитана Моделя и доктора Ваута. Генерал в тот день был в скверном настроении. Фирма «Симпекс» не выдержала сроков поставки материалов для строительства Атлантического вала, и на голову Цуффенхаузена обрушились громы и молнии. В довершение неприятности комиссия, приехавшая для инспектирования стройки, признала, что доставленный фирмой «Симпекс» цемент не соответствует стандарту и обладает слабой прочностью.

— С какого времени фирма «Симпекс» поставляет вам цемент? — поинтересовался один из членов комиссии.

— Уже около года, — ответил генерал.

— Очень плохо! Если цемент был таким все время, то построенные укрепления рассыплются после нескольких выстрелов. Это саботаж, — сказал член комиссии, испытующе глядя на Цуффенхаузена.

Генерал облился холодным потом под этим пристальным взглядом. Приходилось расплачиваться за те большие взятки и подарки, которые он принимал от Дюпонта, директора фирмы «Симпекс». Однако этого никто не мог знать. Неужели проболтался Дюпонт?

¹ Из подлинных материалов допроса.

Но генерал быстро отбросил это подозрение. Ведь мертвые молчат. Несколько дней тому назад были найдены жалкие остатки автомобиля Дюпонта в большой бомбовой воронке на автострате поблизости Антверпена.

Сейчас, вспомнив это, генерал почувствовал облегчение и приказал адъютанту пропустить обоих прибывших в кабинет.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, когда Модель и Ваут вошли.

— Мы из абвера, — пояснил Модель. — Мы ищем человека, который имеет широкие связи в командовании вермахта и в управлении строительства Атлантического вала. Этот человек — шпион. Он передавал неприятелю очень важные сведения. Мы пришли к выводу, что он поддерживал связь с высокими особами из управления, а также с командованием оккупационных войск в Бельгии. Не знаете ли вы, генерал, такого человека?

И Модель описал ему наружность тех двух «гестаповцев», которые приходили к мадам Дортефуа, хозяйке виллы на Моуленбеек.

Генерал Цуффенхаузен призадумался. Приметы одного из этих людей прямо указывали на Дюпонта. Да, нет никакого сомнения, что речь идет о директоре фирмы «Симпекс». А тут еще история с цементом. Генерал знал, что было бы опасно признаться в близком знакомстве с этим человеком, и сказал Моделю довольно осторожно:

— Вероятно, речь идет о бывшем директоре фирмы «Симпекс». У него были служебные отношения со многими людьми здесь, в Брюсселе. Однако, к сожалению, вы опоздали, — директора этого уже нет в живых. Он погиб несколько дней назад. Этим делом занимался майор Мейер, которого вы, конечно, знаете. Я бы советовал получить информацию непосредственно у него.

Модель отправился к Мейеру без особой охоты, так как шеф брюссельского отделения абвера терпеть не мог, когда вмешивались в его дела.

Однако на сей раз Мейер принял Моделя и Ваута чрезвычайно любезно и обещал помощь в проведении дознания по делу Дюпонта и фирмы «Симпекс».

Ваут допускал, что таким образом абверу удастся выяснить связи Дюпонта с Парижем, где тот часто бывал по делам фирмы. Смерть Дюпонта вырывала существенное звено из цепи следствия, но оба офицера не теряли надежды, что расследование дела фирмы «Симпекс» позволит нащупать нити, которые вели к таинственному Жильберу. Ваут полагал, что центр русской разведывательной организации помещается в Париже, поскольку все шифровки с распоряжениями отдельным группам Берлина, Голландии и Бельгии исходили из Парижа и были подписаны Жильбером. Многие из этих радиogramм адресовались Кенту. То, что Кент и Дюпонт — одно лицо, было вне сомнений.

Наконец, в результате допросов служащих фирмы удалось узнать, что Дюпонт поддерживал отношения с парижской фирмой «Пьер Лярюсс и сыновья», которая также сотрудничала с вермахтом. Это известие очень обрадовало Ваута.

— Теперь они не уйдут от нас, — сказал он Моделю, когда за бутылкой доброго мо-

зельского вина обсуждал с капитаном результаты следствия.

— Почему вы решили, что фирма «Пьер Лярюсс и сыновья» имеет отношение к делу Дюпонта? — спросил Модель.

— Сейчас я вам это объясню, — сказал Ваут. — Мы установили, что Дюпонт часто выезжал в Париж. Радиogramмы, передаваемые в Париж со станции на Моуленбек, сообщают сроки свиданий Кента с Жильбером. Эти даты совпадают с днями выездов Дюпонта. Кроме того, парижские станции передают своему Центру в Советском Союзе сведения относительно Атлантического вала и расположения немецких войск на территории Франции. Информацией подобного рода мог располагать только человек, поддерживающий отношения с нашими властями в оккупированной Франции и пользующийся их полным доверием. Если Дюпонт поддерживал контакты с фирмой «Пьер Лярюсс и сыновья», то весьма вероятно, что Жильбер является служащим этой фирмы.

Мейер согласился. Предстояло установить наблюдение за этой фирмой и одновременно продолжать в Париже пеленгование подпольных радиостанций.

Петля вокруг Жильбера затягивалась.

По поручению самого Канариса Бентивеньи потребовал как можно скорее закончить операцию против советской разведывательной сети. Положение на Восточном фронте обострялось. Продвижение группы армий «Юг» было задержано русскими на линии Волги. Советские части то и дело переходили в яростные контратаки. На севере и в центре фронта советские войска перешли в наступление, вынуждая гитлеровцев терять захваченные позиции на некоторых участках.

Окончив следствие в Брюсселе, которое было все-таки менее плодотворным, чем ожидали, Модель и Ваут возвратились в Берлин.

Ваут приступил к дальнейшей работе по расшифровке перехваченных радиogramм. Но через некоторое время его постигла неудача. Советская разведка неожиданно изменила шифр, и Вауту, несмотря на все усилия, не удавалось прочитать ни одного нового текста.

Однако и тех, которые были уже прочитаны, было достаточно, чтобы начать расследование по делу Корро. В радиogramмах советских передатчиков упоминались, кроме того, псевдонимы Петерс, Сауэр, Иоахим, Адтьюнкт, но офицерам абвера и чиновникам гестапо никак не удавалось выяснить, что это за люди.

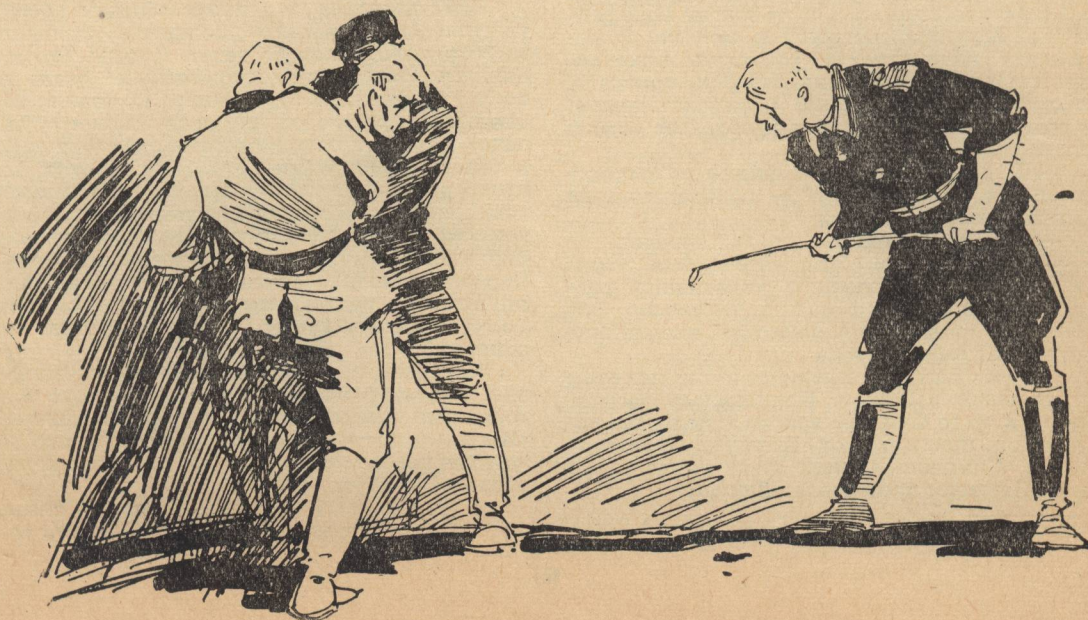
Следствие по делу Корро оберштурмбанфюрер Гопф проводил с типично немецкой педантичностью, не торопясь и не давая сбить себя с истинного пути разными предположениями, которые выдвигали его сотрудники. На основании материалов абвера Гопф установил, что Корро должен занимать высокое положение в каком-то военном учреждении. Из содержания донесений следовало, что это учреждение имеет много общего с Верховным командованием вермахта, с министерством авиации, а также с комитетом по делам стратегического сырья и военной экономики, который с 1939 года существовал при Верховном командовании вермахта.

Чиновники гестапо, подчиненные Гопфа, вели в этих учреждениях тайные следствия. Расследование продолжалось три месяца и, наконец, принесло неожиданные результаты. Документы того же содержания, что и донесения, подписанные Корро, могли находиться только в ведении нескольких определенных лиц.

Установив этот факт, Гопф распорядился, чтобы ему доставили подробные личные дела этих людей. В их числе оказались три генерала, полковник, майор и два капитана.

Проанализировав их дела, просмотрев персональные карточки Государственной службы безопасности, Гопф решил, что виновным мог вероятнее всего быть один капитан.

Этот офицер когда-то был известен как человек крайне левых взглядов и враг идеологии нацистов. После 1934 года он перестал принимать участие в политической жизни и, как можно было заключить из разных доносов и секретных материалов, начал даже симпатизировать гитлеровскому движению. Но Гопф знал теперь, что это была только игра! Наблюдения, которые велись по приказу Гоп-

фа чиновниками гестапо, подтвердили предположение оберштурмбанфюрера.

Корро оказался капитаном вермахта, работающим в управлении стратегического сырья, и его настоящая фамилия была Шультце-Бойсен. Двумя днями позднее он был арестован. Его пытали всеми способами, известными гестапо, но он ни в чем не сознался. Оберштурмбанфюрер Гопф почувствовал себя совершенно бессильным перед молчаливой ненавистью этого человека.

— Так мы никогда не закончим дело, — в отчаянии сказал Гопф Моделю. — Мы будем выпщивать отдельные зерна, но никогда к нам в руки не попадет целая шишка.

Моделю знал склонность Гопфа ко всякого рода сравнениям, хотя они не всегда ему удавались. Это же, в виде исключения, было довольно метким. Работа по разоблачению советской разведывательной сети опять остановилась на мертвой точке.

ОПЕРАЦИЯ „ПРИЗРАК“

Наступило 25 сентября 1942 года.

В этот день Жильбер несколько ранее обычного закончил работу и удалился в свой секретный кабинет. Он понимал, что нависла большая опасность. Информации, полученные из Берлина от особо законспирированного агента, подтверждали, что гестапо и абвер приступили к решающей акции против организации Жильбера. Арестованы Корро и несколько его сотрудников. Они не сознались ни в чем, но несмотря на это, материалы следствия были переданы военному суду, председателем которого был полковник военно-воздушных сил империи Розендер. Через несколько дней ожидался приговор. Жильбер не сомневался, что его друзья будут казнены, и ничего, теперь уже решительно ничего нельзя было предпринять для их освобождения.

А организация должна работать, невзирая ни на какие опасности, до полной победы над гитлеризмом.

После выезда из Брюсселя и инсценировки своей смерти Дюпонт действовал под именем Алонзо де Парентеца. Имея паспорт южноамериканского гражданина, он создавал на юге Франции специальную, вторую, резервную сеть связи. Сам Жильбер собирался перебраться в Швейцарию или в одну из балканских стран, оккупированных немцами.

Жильбер подошел к сейфу, отключил механизм, автоматически уничтожающий находящиеся внутри документы, и, открыв тяжелую дверцу, вынул несколько листов бумаги. Это были последние распоряжения Центра. Жильбер просмотрел их.

«...Прошу проверить, действительно ли Гудериан находится на Восточном фронте и подчиняются ли ему 2-я и 3-я армии? Поскольку Петерс сообщает, что он должен был быть отозван».

Жильбер записал несколько букв на лоскутке бумаги и посмотрел на следующую радиограмму.

«...Действительно ли седьмая бронетанковая дивизия оставила Францию? Если так, то куда направлена? Когда прибыл в Шербург штаб новой немецкой пехотной дивизии? Какой ее номер?»

Жильбер снова запер оба текста в сейф и направился в свой официальный кабинет. Тотчас же туда вошел Сюше. Жильбер увидел, что секретарь очень взволнован.

— Что-нибудь случилось?

— Да, — быстро ответил Сюше. — Сотрудники сообщили, что за нашим домом наблюдают какие-то подозрительные люди. Некоторые из них шныряют поблизости.

— Я ждал этого, — спокойно сказал Жильбер. — Сегодня ликвидируем наш «малый центр» и перенесем его в другое место. Если случится что-нибудь неожиданное, работой займется резервная сеть. Меня интересует только, где слабое место нашей системы связи? Сколько у нас теперь станций?

Сюше на минуту задумался.

— Сорок восемь, из них работает сегодня двадцать четыре, остальные в резерве. Таким образом, мы имеем восемь действующих групп связи, причем одна из них всегда работает в одно и то же время и на одном и том же шифре.

— В этом-то и ошибка! Можете ли вы мне сказать, сколько послано нами сообщений за месяц?

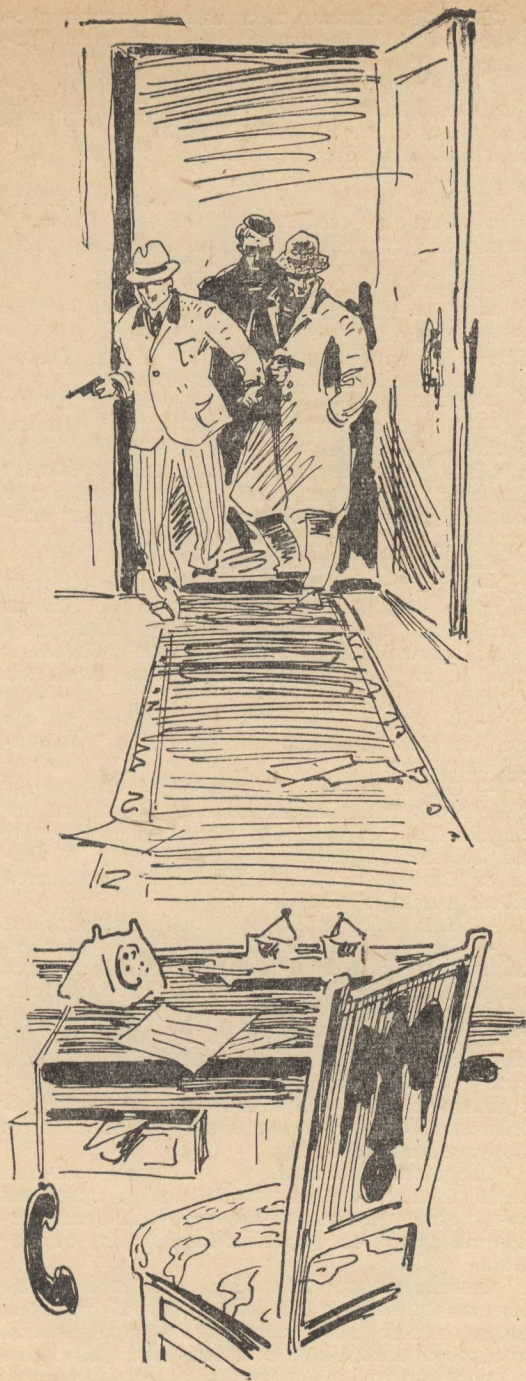
— Около пятисот. В том числе сто шестьдесят особо важных. Большинство из них исходило от Петерса. Он передает некоторые важнейшие шифровки прямо в Центр. А также от Сауэра и Эдварда, которые находятся сейчас в центре абвера.

— Как работает Сауэр в последнее время?

— Очень хорошо. Ему удалось достать документацию, а также технические чертежи по производству нового истребителя, о котором мы уже сообщили Центру несколько месяцев назад. Он должен развивать скорость 900 километров в час. Уже изготовлены прототипы двух новых реактивных самолетов — мессершмидтовская «Ласточка» и «фольксгер» Хейнкеля. Они должны быть поставлены на вооружение в 1944 году.

Сведения, посланные Сауэром, имели очень большое значение. Жильбер приказал тотчас же передать их Центру, пользуясь резервной станцией, укрытой неподалеку от Парижа.

Одновременно Жильбер приказал Сюше известить Центр о введении новой системы связи, чтобы дезориентировать противника. До этого времени вся система была разделена на восемь групп по три станции в каждой. Причем станции с номерами от 1 до 3 образовывали первую группу связи, от номера 4 до номера 6 — вторую, и так далее. В соответствии с новой системой в первую группу входили станции № 1, № 2, № 3, размещенные в различных пунктах всей территории, на которой действовала организация Жильбера. Эти станции должны были передавать информации в один определенный день. На следующий день должна была работать вторая группа, состоящая из станций № 2, № 6, № 9,

на третий день — третья группа, станции № 1, № 4, № 7. Таким образом, можно было составить около пятисот комбинаций, не позволяющих абверу локализовать станцию. Следовало также ввести в действие новые образцы шифров.

Новую систему нужно было принять всем станциям, начиная от 0.01 28 сентября 1942 го-

да, а до этого предстояло ликвидировать все действовавшие до сих пор пункты связи и квартиры.

Обсудив перестройку всей разведывательной сети, Жильбер уничтожил документы, находившиеся в тайном кабинете, договорился с Сюше о встрече через несколько дней в условленном месте, сел за радиоаппарат и собственноручно передал в эфир последнее донесение:

«А к К Жильбер Директору.

Состояние тревоги 2. Перехожу на операцию «Призрак».

Связь — 15 октября 22.00 на волне 17,42 метра».

Он дождался, пока Центр подтвердит прием, выключил аппаратуру, привел в действие самоуничтожающий механизм и через боковой выход, ведущий в соседний двор, покинул кабинет.

Двумя днями позже в здание фирмы «Пьер Лярюс и сыновья» прибыли гестаповцы.

Повсюду уже было пусто.

ЭПИЛОГ

30 января 1943 года полковник Егоров встретился с Соловьевым. Они не виделись уже несколько недель.

Машина шла по берегу Волги, и справа виднелись дымящиеся руины города-героя.

Кое-где еще были слышны отголоски выстрелов. Это огрызались жалкие остатки некогда многочисленной и отборной армии Паулюса.

— Ведь это победа, Николай Петрович, — сказал полковник Егоров. — Да еще какая!..

— Трудной ценой, но мы победили! — согласился Соловьев и, подумав, тихо спросил Егорова: — Какие вести от Жильбера?

— Какой он там Жильбер, — отшутился полковник, — такой же, как я — Виконт де Бражелон. Из Калуги он. — И, помолчав, добавил: — Что с ним? Порядок! Сейчас в Германии. Постоянно передает очень важную информацию.

— А Кент?

— Как раз о нем-то и хотел вам рассказать. — Егоров хитро прищурился. — Гестаповцам удалось все-таки его накрыть. Приволокли к себе, посадили в камеру. А через три дня он исчез и скрылся. Почти невероятная история. Одним словом — молодчина! Теперь на Балканах. Скоро там большие дела начнутся. Побываем с вами и в Софии.

— Конечно, побываем, — согласился Соловьев.

Со стороны Волги порывистый ветер гнал снег и доносил слабеющие звуки стрельбы.

На другой день армия Паулюса капитулировала.

Для всего мира начинался первый год больших побед.

Авторизованный перевод с польского
Елены ЧАЙКИ

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ

Впервые я увидел и услышал большевиков в начале 1918 года. В родной моей деревне Студенки, вблизи города Липецка, появились незнакомые люди в солдатских шинелях и кожаных куртках, с красными бантами на груди. Они проводили митинги, выступали с речами. Много из того, что они говорили, мне, малограмотному деревенскому пареньку, было непонятно. Но сердцем я чувствовал, что это замечательные люди, раз воюют они за свободу, братство, за землю крестьянам.

Под влиянием этих речей я вступил тогда добровольцем в Красную Армию и был назначен в дивизион тяжелых воздушных кораблей «Илья Муромец». Командиры и самые отважные, умелые летчики были коммунистами. Я смотрел на них с восхищением и немного завидовал: мне бы стать таким!

Я знал, что только лучшие из лучших принимаются в партию. Чтобы стать настоящим ленинцем, надо многому учиться. А за моими плечами было всего лишь три класса сельской школы!

Только много лет спустя, побывав шофером, мотористом, бортмехаником и став летчиком, я не без робости написал заявление в партиячку. В те дни мой экипаж готовился к трудному скоростному перелету по неизвестной еще тогда авиалинии Москва — Камчатка. Мне очень хотелось отправиться в ответственный полет коммунистом. Ведь советские люди все свои личные и коллективные дости-

жения связывают с родной партией, которая вдохновляет их на подвиги, зовет и ведет вперед.

До Камчатки я не долетел. Перелет закончился аварией на озере Байкал. Машина врезалась в лед. Очнулся я в верхнеудинской больнице. Опытный хирург «заштопал» меня в двадцати семи местах.

Когда после продолжительного лечения я вернулся в строй, меня вызвали в парторганизацию и спросили, как быть с заявлением.

— Отложите его, — сказал я. — Аварийщикам не место в партии! Вот если удачно повторю перелет, тогда другое дело!

На Камчатку мне лететь больше не довелось. На мою долю выпало важное поручение — участвовать в спасении челяускинцев.

В памяти многих еще жива челяускинская эпопея 1934 года, когда сто четыре советских человека, высадившись с корабля на льдину в коварном Чукотском море, проявили чудеса мужества, стойкости, коллективной сплоченности.

Нам, летчикам, участвовавшим в вызволении их из ледяного плена, в условиях суровой зимы пришлось летать по неизведанным маршрутам, через горные хребты, над заснеженной тундрой и покрытым льдами морем. Все челяускинцы были доставлены на Большую землю. Страна ликовала.

Семи летчикам, в том числе и мне, было присвоено только что введенное тогда звание Героя Советского Союза и вручен орден Ленина.

Москвичи встречали нас торжественно и радостно. А на следующий день после возвращения нас пригласили в Центральный Комитет партии.

Так я стал коммунистом.

Нет более высокого звания на свете, чем звание члена славной Коммунистической партии, основателем и руководителем которой был Владимир Ильич Ленин, в рядах которой находятся лучшие сыны и дочери Отчизны.

Нет более высокого звания на свете, чем звание члена славной партии, на знаменах которой начертано: Мир, Труд, Свобода, Равенство, Братство и Счастье всех народов.

М. В. Водопьянов,
Герой Советского Союза

АТАКУЕТ ЛЕТЧИК ГОРОВЕЦ

Вторые сутки содрогалась земля от мощных артиллерийских взрывов. На земле и в воздухе ни днем, ни ночью не затихали ожесточенные бои.

Гитлеровское командование стремилось любой ценой прорвать оборону советских войск. На Обоянском направлении враг бросил в бой свежие резервы — механизированные части и артиллерию и рвался к шоссе Белгород — Курск. Атаки следовали одна за другой. Наши войска с исключительным мужеством сдерживали бронированную лавину гитлеровцев.

Одновременно жаркие схватки с врагом разгорелись в воздухе. Над небольшим участком фронта одновременно с обеих сторон участвовало в боях несколько сот самолетов. Советские летчики, как и воины на земле, проявляли массовый героизм.

В оперативной сводке Советского информационного бюро сообщалось: «...летчики н-ской гвардейской части за три дня боев сбили 156 немецких самолетов... Летчик гвардии старший лейтенант Горовец, встретившись в воздухе с группой немецких самолетов, вступил в

бой. Тов. Горовец сбил 9 бомбардировщиков».

Было это так.

...С раннего утра 6 июля 1943 года в воздухе возобновились ожесточенные схватки. Группа наших истребителей возвращалась на аэродром после выполнения очередного задания. Замыкающим шел гвардии старший лейтенант Александр Горовец.

Обычно в роли замыкающего выступает один из опытных летчиков. В его обязанность входит предупреждение о внезапном нападении самолетов противника с тыла или, как говорят летчики, с «задней полусферы». В случае необходимости замыкающий связывает противника боем.

На подходе к линии фронта А. Горовец неожиданно заметил позади себя большую группу фашистских бомбардировщиков. Вражеские самолеты летели в направлении наших позиций, нагружен-

ные бомбами. Горовец пытался предупредить ведущего группы, но отказал передатчик.

Летчик-коммунист не мог допустить, чтобы фашистские бомбардировщики обрушили смертоносный груз на передний край наших войск. И краснозвездный истребитель пошел в атаку один против двадцати. С первой же атаки Горовец сбил ведущую машину врага. Охваченный пламенем, бомбардировщик врезался в землю. Фашисты, ошеломленные дерзостью советского истребителя, начали рассыпаться. Это как раз и было на руку Горовцу. Огненный ливень обрушился на врага. Вот поражен второй бомбардировщик, вспыхнул третий, задымился четвертый. Охваченный азартом воздушного боя, Горовец продолжал молниеносные атаки. Вспыхивают еще два самолета. Затем летчик настигает седьмой и восьмой вражеские бомбардировщики. Беспорядочно сбрасывая бомбы, фашисты стали спасаться бегством. Девятый по счету самолет Горовец сбил у самой земли, когда тот на бреющем полете пытался уйти от страшного преследования советского истребителя.

Советские воины с восхищением следили за невиданным воздушным боем. Между тем у Горовца горючее и боеприпасы были уже на исходе, и он, развернув машину, взял курс на свой аэродром.

Увлечшись боем, герой не заметил, как к нему сверху подкралась четверка вражеских истребителей «Фокке-Вульф-189». Атака произошла внезапно. Силы оказались неравными. «Ястребок» упал на землю у хутора Зоринские дворы, Иваньинского района, Курской области.

В боевой практике советских летчиков отмечено немало случаев, когда истребителю удавалось за один вылет сбить 3—5 вражеских самолетов. Воздушный бой гвардии старшего лейтенанта Горовца является беспрецедентным. Ни один летчик мира не одерживал такой блестящей победы.

Светлый образ Героя Советского Союза коммуниста Александра Константиновича Горовца, отдавшего жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками, будет вечно жить в сердцах советских людей.

Н. АРСЕНИН.

ОБРАЗЕЦ ПРОСТОТЫ, СКРОМНОСТИ И БЕЗЗАВЕТНОЙ ХРАБРОСТИ...

Эти слова, сказанные о командире танковой роты старшем лейтенанте Гамаряне Арташесе Александровиче, взяты из записки капитана Пушкарёва, хранящейся в Центральном музее Советской Армии. Там же, как драгоценная реликвия, хранится кусочек партийного билета Гамаряна, словно впаянный в осколок термитного снаряда.

Воспитанник Московского военного училища, Гамарян с первых дней Великой Отечественной войны храбро сражался с немецко-фашистскими захватчиками. На фронте он стал членом Коммунистической партии.

Осколок термитного снаряда с полусожженным партийным билетом А. Гамаряна.

Танкисты хорошо помнили, как в срок первом под Льговом танк Гамаряна был подбит и подожжен термитным снарядом, а члены экипажа погибли. Гамарян один потушил пламя, подбил вражеский танк, уничтожил противотанковую пушку и группу фашистов.

...1942 год. Западный фронт. Идут тяжелые августовские бои. Танкисты под командованием Гамаряна получили приказ: прорвать линию обороны противника в районе деревни Леоново, расчистить путь пехоте. Танки двинулись вперед. Фашисты открыли сильный заградительный огонь. Гамарян командовал: «Вперед! За Родину!» — и на большой скорости вырвался вперед, давая и расстреливая фашистов. Машина, попав под перекрестный огонь, была подбита, а сам командир ранен. Но Гамарян не вышел из боя, он продолжал вести огонь по противнику. Второй удар термитного снаряда оказался роковым: осколок пробил грудь героя, где у самого сердца хранился партийный билет.

Над прахом командира танкисты поклялись:

— Будем громить врага так, как громил его коммунист Арташес Гамарян.

КРАСИН

...И вижу —
Париж
и из окон Дёрио...
И Красин
едет,
сед и прекрасный,
сквозь радость рабочих,
шумящую морево.

Так вспоминал Владимир Маяковский в своей поэме «Хорошо» прибытие в Париж первого советского посла Леонида Борисовича Красина.

Это имя хорошо знает старшее поколение уральцев. Красин был одним из верных помощников В. И. Ленина по распространению и печатанию «Искры». Вскоре после II съезда партии он кооптируется в состав ЦК РСДРП. За ту большую организаторскую работу, которую Леонид Борисович вел в составе первого ЦК, Владимир Ильич назвал его «ответственным техником, финансистом и транспортером» партии¹.

Родился Л. Б. Красин 15 июля 1870 года в небольшом уральском городке Кургане. После окончания тюменского реального училища поступил в Петербургский технологический институт, где стал членом студенческого кружка, изучающего труды Маркса. С этого времени, с 1887 года, и началась его революционная деятельность...

После Октября 1917 года Леонид Борисович на дипломатических постах. Следуя указаниям В. И. Ленина, он последовательно отстаивал интересы революционной России, проводя в жизнь ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем. При участии и по инициативе Красина был заключен ряд важнейших международных договоров и соглашений между СССР и рядом капиталистических стран. Он входил в состав советской делегации, участвовавшей на международных конференциях в Генуе и Гааге.

Умер Леонид Борисович Красин в ноябре 1926 года от тяжелой болезни. Урна с его прахом замурована в стене Московского Кремля неподалеку от Мавзолея В. И. Ленина.

В Париже Красина посетил его земляк — уралец, известный советский скульптор И. Шадр (Шадр получил тогда заграничную командировку), и Леонид Борисович согласился позировать. Шадр сделал два его бюста: один — в мраморе, другой — в бронзе. Мраморный сейчас находится в Пермской картинной галерее.

В своих работах Шадр сумел удачно передать решительность и порыв мысли этого неукротимого духом человека.

Л. С.

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

«СТРЕЛЯЙ!
НЕ СКАЖУ!»

С группой бойцов я отправился в разведку. Нас интересовал большой старый дом на окраине лесной деревушки. Не там ли фашисты хранят боеприпасы! Сняв часового, мы ворвались в дом и, к своему удивлению, обнаружили в нем женщин, детей и стариков. Это были заложники.

Освободив их, мы начали осмотр дома. Вдруг услышали крик:

— Немцы!

Выход из подвала загородила тень фашистского офицера.

— Рус, вылезай!

Что делать!

— Надо прорваться, — сказал я товарищам. — Выйду первым. Они захотят взять меня живьем. Завяжется борьба, тогда выбегайте на помощь.

Едва поднялся по лестнице, как в грудь уперлись три автомата. И сразу же на мою голову обрушился сильный удар.

Очнулся в темной землянке. Вскоре меня потащили на допрос.

За столом сидел толстый рыжий майор.

— Твои солдаты, сержант, мне все рассказал.

«Неужели и остальные захвачены!» — подумал я.

— Ты должен подтверждать, где ваши пушки, — продолжал гитлеровец. — Ну!..

— Подтверждаю показания моих бойцов, — ответил я. — Пушки в точности там, где указали они. Больше ничего не скажу! Меня избили.

На другой день меня вывели и поставили к стенке сарая.

— Отвечай, сержант. Где ваши пушки! — спросил рыжий майор.

— Ничего не скажу.

Раздался залп. Мимо.

И вновь подскочил майор.

— Где пушки!

Я молчал.

Фашист стал стрелять в меня из пистолета. Пули впились в бревна над головой.

— Остался один патрон! Если не будешь говорить, капут! Айн! Цвай!..

— Стреляй, гад! Все равно ничего не скажу!

Я не выдержал и обернулся. Мелькнуло лицо. Выстрела я уже не слышал.

...Меня подобрала одна женщина и спрятала у себя дома.

Спасло меня то, что я обернулся в момент выстрела, и пуля пробила шею.

В эту же ночь мне помогли перебраться к партизанам.

А спустя месяц, я на грозной «тридцатьчетверке» въезжал в эту деревню.

А. В. Костин

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

САМОЕ
СИЛЬНОЕ...

Замполит вручил мне кандидатскую карточку возле танка, стоявшего на исходной позиции.

Мы сразу же пошли в бой!

Уральский добровольческий танковый корпус, в составе которого я воевал, громил врага. Я был в экипаже радиостом-пулеметчиком. До этого работал слесарем на Уралмашзаводе. На нашем боевом счету уже числилось несколько уничтоженных немецких танков и орудий.

Однополчане считали меня везучим. Не раз доводилось попадать в такие пе-

МЕСТО В СТРОЮ

В 1959 году XXI съезд Коммунистической партии принял грандиозный план развития нашей Родины на последующее семилетие.

В те дни я подолгу размышлял: какво же мое рабочее место в шеренге строителей коммунистического завтра!

ределки, что, казалось, только чудом оставался цел.

Первый танк, на котором я начал войну, сгорел в бою на Курской дуге.

Вторая машина попала под бомбежку. Механика ранило. До последней минуты, пока танк двигался, я сам вел «тридцатьчетверку», сам и стрелял по фашистам.

Третий танк подбили под Львовом. Вновь остался жив, ранило в руку. Чуть было не отправили в тыл, так как рука после перевязки не разгибалась. Решил тренировать ее. Вместо гантелей использовал ведро с водой. Получилось.

Четвертая машина была подожжена в танковом сражении за Вислой. Меня опять ранило, но в госпиталь я не пошел.

Пятый танк подбили на поле боя в самой Германии.

На шестом танке я въехал в Прагу, где и закончил войну.

Вспоминая сейчас все это, думаю, что дело не в везучести. Просто у меня, как и у других моих однополчан-коммунистов, было то самое сильное оружие, благодаря которому мы брали верх в схватке с врагом и оказывались крепче танковой брони. Это оружие — вера в торжество всепобеждающих идей Ленина, партии.

И. М. Томилов

Ведь еще в 1953 году, вступая в ряды КПСС, я дал слово шагать в шеренге первых.

Я думал:

«В наше замечательное время никто из советских людей не должен стоять в стороне от тех грандиозных преобразований, которые проводит партия. У каждого имеются свои пути и возможности повысить производительность».

Так у меня возникла идея комплексного плана, предусматривающего увеличение выработки, улучшение качества и снижение себестоимости продукции. И все это — за счет изыскания резервов на своем рабочем месте.

Поначалу этот план многими был встречен скептически. Пустая, дескать, затея.

Помню, за соседним зуборезным станком трудился неплохой мастер. Но и он оказался скептиком.

— Какие у меня резервы!

Как мы ему ни доказывали, он не соглашался. Тогда пошли прямо к его станку.

— Смотри, — говорю, — вот у тебя, например, суппорт разворачивается вручную. Работенка не из легких. А если немного поломать голову над механизацией!

Прикинули вместе. Получилось.

Так за одним резервом выявлялся другой.

Позже идея комплексных планов захватила других рабочих в цехе. А нам, как пионерам нового почина, пришлось нажимать, чтобы не ударить в грязь лицом.

Как-никак, а наша бригада — одна из первых на Уралмаше бригад коммунистического труда.

Решили за семилетку выполнить пятнадцать годовых норм. Уже сделано около десяти.

Пожалуй, неплохо!

Почин наш возник в 1959 году, а в ноябре прошлого года мысль о личном резерве каждого рабочего завладела умами миллионов советских тружеников. Приятно сознавать, что мы в этом деле оказались в числе первых.

Да, кстати, тот мастер-скептик теперь в нашей бригаде работает. Сам попросился.

К. Я. Маслий,
бригадир бригады
коммунистического труда.

ПЕРЕД

ВСТРЕЧЕЙ

В. БУГРОВ

Рисунки Л. Полстоваловой

...Марсианский Скиапарелли,
Сверив снимки годов за
тридцать,
Ужаснется: «Куда

смотрели?!...»

Диссертацией разразится.
Обозначит на картах сети
Хитроумных земных каналов...
Закричат заголовки об этом
Со страниц газет и журналов.
Ошарашен и огорошен,
Ахнет Марс и, шурша газетой,
Будет мучить себя вопросом:
Кто их строил, каналы эти?..
В чье обличье оделся разум?..
Вопреки канонам науки —
Неужели не пятиглазы,
Неужели не шестируки?!
Мир научный засуетится,
Волноваться и спорить будет.
Марсианским мальчишкам

сниться

Станут сны о межзвездном
чуде.

Популярный фантаст,

закончив

О далеких землях книжку,
Вдруг услышит, что этой
ночью

На Земле наблюдалась

вспышка...

Искра мчится, растет.

Смотрите!..

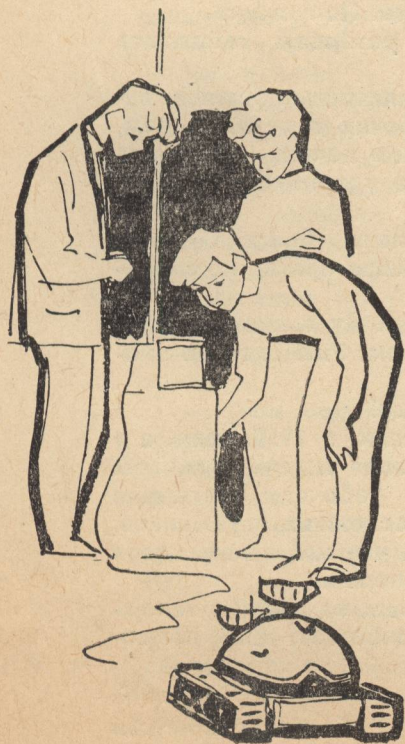
По привычке он скажет:

«Бросьте...»

Пусть не верит. А вы нас

ждите!

Ждите нас, марсиане, в гости!

ДОРОЖЕ ВСЕГО

В жизни человека бывают незабываемые яркие дни — самые приметные вехи его биографии. Для меня, естественно, это — 12 апреля 1961 года, когда удалось осуществить первый полет человека в космос. Но есть и другая дата, столь же, а может быть, еще более дорогая моему сердцу.

В солнечный день 16 июля 1960 года меня пригласили на партийное собрание. Мне хотелось отправиться в космический полет членом великой партии ленинцев. Это уже стало традицией советских людей — накануне решающих событий в их жизни вступать в славную семью коммунистов. Помните, как в годы Великой Отечественной войны, перед атаками, бойцы писали на обрывках бумаги заявления: «В случае моей смерти прошу считать меня коммунистом». Я тоже шел на опасный штурм!

Товарищи подняли руки «за». И хотя благодарить на партийных собраниях не полагается, я не мог удержаться и сказал:

— Спасибо! Большое спасибо! Я оправдаю доверие. Готов выполнить любое задание партии и правительства!

Я испытывал тогда такое сильное возбуждение, такой прилив сил, что готов был немедленно совершить то, что обещал. А впереди еще были долгие месяцы трудной, кропотливой работы по подготовке к прыжку в космос. Но с того памятного дня все, что я делал, думал, говорил, рассматривалось мною уже с новой точки зрения, с возросшей во много раз требовательностью и самокритичностью.

На моем партийном билете стоит номер 08909627. Через год с небольшим после того, как его мне вручили, мой друг Герман Титов, отправляясь в космос кандидатом, вернулся на Землю членом партии. Как ему сказал Никита Сергеевич Хрущев, кандидатский стаж Германа истек, пока он описывал виток за витком вокруг нашей планеты. У Титова партийный билет № 09753 678. Не знаю, какой номер стоит на билете, врученном вчера, сегодня новому, молодому члену КПСС. Но знаю, что в нашей партии сейчас примерно десять миллионов человек — це-

лая армия строителей коммунистического общества, разведчиков неизведанных далей истории человечества, которая творится руками всего советского народа.

Несколько десятилетий назад была создана наша партия. У колыбели ее стоял великий Ленин. Он выпестовал ее первый отряд — авангард борцов за счастье простых людей. Тогда их было немного. Это были честные и мужественные люди, которые, крепко взяв друг друга за руки, смело шли вперед навстречу опасностям. Теперь это самое могучее в мире объединение единомышленников. Героический путь борьбы и побед прошла ленинская партия.

Этой армии коммунистов по плечу любые задачи. И нет высшего счастья, чем быть в ее монолитном строю.

Не случайно все советские разведчики космоса — воспитанники Коммунистической партии и Ленинского комсомола.

Коммунисты — самые передовые люди Земли, и кому же, как не им, проникнуть за ее пределы. Вслед за нами еще будет немало космических стартов, а межзвездные корабли поведут наши товарищи — коммунисты. Кто сомневается в том, что первым человеком, долетевшим до Луны, будет наш космонавт, член партии Ленина! И надо думать, что долго ждать этого дня не придется.

В дни, когда всенародно отмечается славное шестидесятилетие II съезда РСДРП, мне хочется воспользоваться возможностью, предоставленной журналом «Уральский следопыт», и послать горячий привет уральской молодежи.

Страна, как заботливая мать, воспитывает юношей и девушек на легендарной истории своей героической Коммунистической партии, на трудовых подвигах нашего народа — творца и созидателя.

Молодежь страны Советов смело смотрит в прекрасное будущее. Это ей на долю выпало великое счастье — построить коммунистическое общество. Перед молодежью Родина широко распахнула двери в творческую жизнь.

Так делайте все возможное и в учебе, и в труде для того, чтобы поскорей зажечь свет завтрашнего дня!

Юрий Гагарин, летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза

ИЗ БИОГРАФИИ

КОММУНИСТА

ТРУДНО, ИНТЕРЕСНО, НУЖНО!

Если спросить у несведущего человека, сложна ли профессия свинаря, он, я уверен, удивленно пожмет плечами. — А что же в ней сложного! Свинарь не механизатор...

Признаться, и я думал так же. До тех пор пока не прочел в газете о делах прославленной омской свинарки Тани Перешивко. Прочел и задумался. Ведь правильно говорит Перешивко: нельзя сейчас по старинке вести хозяйство.

В 1949 году я закончил училище механизации сельского хозяйства. Но успех омской свинарки вызвал у меня желание попробовать свои силы на новом участке. Зимой 1960 года пришел я на свиноферму. Пришел — и расстроился. Свинарник старый, крыша еле держится. Внутреннее помещение разделено на клетки, а в них 300 свиней.

Мы убрали клетки. Сразу стало просторней, и появилась возможность увеличить поголовье. А в конце года подвели итоги. Оказалось, что обязательства свои я выполнил полностью, даже с избытком: государству сдали 1240 свиней.

Памятен для меня этот год и другим. В сентябре я стал членом Коммунистической партии Советского Союза.

В октябре 1961 года товарищи избрали меня делегатом на XXII съезд КПСС. Там, в Кремлевском дворце, познакомился я с Таней Перешивко.

Если вам доведется побывать в Заводоуковске, заезжайте к нам на ферму. Ее сейчас не узнать. Работы, конечно, и сейчас много. Ведь в этом году я решил откормить 5000 свиней.

В. Кобылкин,
депутат Верховного Совета РСФСР,
Тюменская область

ВТОРОЙ ВСЕ

Есть в году месяц, о котором хорошо помнят все следопыты Урала: в августе проводится наш традиционный Всеуральский слет. Как подготовились к нему отряды? Что нового открыли? Чем помогли семилетке? Какими добрыми делами ознакомили этот год? Мы печатаем «Положение о слете».
До встречи в День следопытов, друзья!

Положение о слете

Второй Всеуральский слет следопытов проводится как смотр работы краеведческих, исследовательских, туристских кружков, коллективов, обществ, которые провели общественно полезную работу и внесли свой вклад в досрочное осуществление семилетки.

Слет проводится с целью широкого обмена опытом исследовательской и общественно полезной работы следопытов Урала.

Время и место

Слет проводится с 24 по 26 августа 1963 года в окрестностях города Ижевска Удмуртской АССР.

Руководство

Практическое руководство слетом осуществляется Штабом, утвержденным редколлегией журнала «Уральский следопыт».

Участники

В слете принимают участие призеры Первого слета и по две команды от каждой области, автономной республики Урала (одна команда взрослых и одна — старшекласников, по пять человек в каждой).

Право участия предоставляется коллективам, добившимся в текущем году лучших результатов по всем показателям данного положения.

Кандидаты утверждаются президиумами областных советов по туризму (с участием представителей обкомов ВЛКСМ и областных детских экскурсионных станций).

Группы одной области (республики) объединяются в делегацию, руководитель которой назначается областным (республиканским) Советом

по туризму и является членом штаба Второго Всеуральского слета следопытов.

Делегация от области имеет свой выпел и эмблему.

Группам рекомендуется провести предслетовский поход I категории сложности в районе слета или в своем крае. Маршруты должны отвечать задачам Всесоюзного похода по дорогам семилетки.

Решения областных (республиканских) штабов на участие в слете присылаются в «Уральский следопыт» не позднее 15—20 июля сего года по адресу: Свердловск, ГСП-353, ул. Малышева, 36.

Программа слета

Прибытие групп на место сбора — 24 августа. Устройство лагеря. Подготовка к открытию слета. Оформление выставок. Отчеты штабу. Заседание судейской коллегии. Следопытский костер.

25 августа — торжественный подъем флага. Соревнования по открытому маршруту. Прохождение мужских (4 чел.) и женских (4 чел.) команд по залесенной местности через контрольные пункты (обязательные и свободные) с составлением сроков пути, определением полезных ископаемых Урала и ответов на вопросы по развитию Урала в годы семилетки. Следопытский форум (обмен мнениями и опытом). Просмотр кинофильмов.

26 августа — осмотр специалистами выставок краеведческих и исследовательских работ, итогов предслетовских походов, определение лучших работ. Награждение победителей. Концерт. Закрытие слета.

Победители

Группа, занявшая общее первое место, награждается переходящим призом (отдельно для взрослых и старшеклассников). Каждый участник этих команд — значком «Следопыт».

Команды, занявшие II и III места, награждаются выпелами и сувенирами.

За лучшие выставочные материалы группы награждаются выпелами и специальными призами.

Нынче в марте исполнился год, как я стала членом КПСС. Один год — время вроде бы небольшое, а для меня он значит больше, чем иные пять лет.

В 1956 году я окончила Свердловский сельскохозяйственный институт и поехала в колхоз «Искра» (теперь совхоз «Горнощитский»). Организовала сортоиспытательный участок и стала выращивать новые сорта овощей.

Наступил 1961 год. Меня приняли в кандидаты партии. Весь коллектив готовился к встрече XXII съезда КПСС. Я задумалась. Как будет проходить мой испытательный стаж! Ведь, готовясь стать коммунистом, человек обязан показать, на что он способен. Наиболее важным и трудным участком в совхозе был закрытый грунт. Там работало 220 человек, обслуживая 19 800 рамо мест парников, зимние и весенние теплицы общей площадью 16 910 квадратных метров. Пришла я в партком и говорю:

— Пошлите работать агрономом на закрытый грунт.

Вот тут-то и началась настоящая работа. Народ у нас хороший, только умей к нему подойти. Взялись мы за организацию социалистического соревнования, открыли школу передового опыта.

И вот первые итоги. Вместо плановых 336 тонн овощей дали трудящимся города 440, стали участниками ВДНХ, завоевали 6 медалей — золотых и серебряных.

Теперь наш коллектив идет в шеренге передовиков. Нескольким бригадам присвоено звание коммунистических.

Э. Н. Алехина,
старший агроном

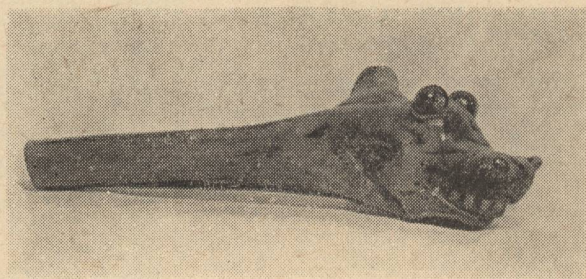
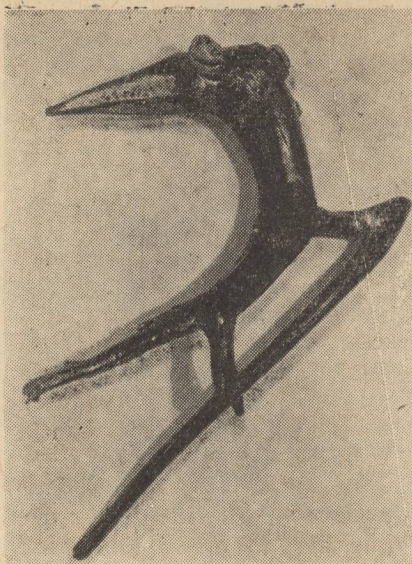

Волны-скульпторы

Летающий ящер и человек из можжевельника, березовая голова бегемота и голова собаки из сосны. Все это сделали волны Камского водохранилища.

Смоет волна сучок, носит его по всему морю, шлифует и оттачивает. И простые обломки дерева превращаются в самые причудливые фигурки. А «охотится» за ними старший инженер экспериментального отдела Пермского завода «Коммунар» Анатолий Николаевич Хорошавин. После небольшой обработки дерево оживает. Так появились ползущая змея, олень с ветвистыми рогами, осьминог.

Фото и текст В. Рутковского

Неразумное решение

Нижне-Иргинский пруд существует не одну сотню лет. Он раскинулся среди гор, берега его живописны. В этом водоеме всегда было много рыбы.

В годы гражданской войны плотина разрушилась, и на долгое время пруд исчез. Но в 1950 году началось строительство гидроэлектростанции, и пруд восстановили.

Сейчас поселок Нижне-Иргинск получает электроэнергию от Уральского кольца. Поэтому в марте воду из пруда спустили. Погибла рыба — ее придавило осевшим на дно водоема льдом. А ведь на разведение были затрачены огромные средства. Построенная с таким трудом плотина разрушается по воле одного человека — начальника электросети товарища Еремеева.

Рабочие обувной фабрики, промкомбината, жители села возмущены поведением Еремеева.

В то время как в нашей стране создаются сотни новых водоемов, здесь довольно большой пруд собираются ликвидировать.

Я. КОРОБЕЙНИКОВ

Пещерный жемчуг

В Кизеловском народном музее есть небольшая витрина с образцами минералов. В уголке ее скромно приютились два сероватых камешка яйцевидной формы. Под ними этикетка: «Жемчуг из Кизеловской пещеры».

Жемчуг? У нас на Урале? Да, жемчуг, только не обычный, а пещерный.

На земном шаре открыто более 30 000 карстовых пещер. Но только в 20—30 из них находили белые или желтоватые горошины. В разрезе они напоминали матрешку — полтора — два десятка шариков, как бы вложенных один в другой. В центре шарика — песчинка, а в некоторых случаях — кристаллик кальцита.

Родится такой жемчуг постепенно, в течение многих лет, в крохотных озерах насыщенной известью воды. При испарении этих лужиц образуются кристаллы кальцита, выпавшие из пересыщенного раствора. Новые капли, упавшие со свода в такую лужицу, заставляют известь оседать не у «берегов», а вокруг кристаллов или песчинок, поднятых со дна движением воды. Так образуется первый слой. При новом перенасыщении образуется следующий, и так далее.

На разрезах некоторых жемчужин можно заметить чередующиеся светлые и темные кольца. Считают, что темные слои образуются летом, когда вода несет с собой с поверхности органические вещества.

Маленькие жемчужины, до двух миллиметров в поперечнике, называют оолитами, а более крупные — пизолитами (по-латыни оон — яйцо, пизум — горох, а литос — камень).

Оолиты и пизолиты имеют такой же химический состав, как и жемчуг из морских раковин, но уступают ему по красоте. В пещерном жемчуге нет минерала арагонита, а именно он-то и придает блеск жемчужинам.

В августе 1948 года пещерный жемчуг обнаружили Ю. Митюнин и В. Армишев на полу Кизеловской пещеры. Местами он был сцементирован и образовывал «жемчужный камень». С тех пор подобные находки в пещере встреча-

лись не раз. Те камешки, что хранятся в Кизеловском музее, найдены школьниками.

Предполагают, впрочем, что жемчуг есть и в других пещерах нашей страны. Но пока что это лишь предположение. Может быть, кто-нибудь из читателей журнала сможет его подтвердить?

Ю. АЛИКИН

Домна на самообслуживании

Сварить металл в домне гораздо сложнее, чем приготовить самый изысканный суп. Состав такого металлургического «супа» должен быть подобран очень точно. Вес порций измеряется тоннами, и их не перенесешь в столовой ложке. Поэтому на заводах используются специальные вагон-весы. Они подходят к бункерам (а их около двадцати), взвешивают точно нужную порцию и везут ее к загрузочному устройству печи.

Машинисту работать на вагон-весах трудно: попробуй запомни, сколько и какого металла нужно положить в печь.

И решили домну перевести на самообслуживание. На Нижне-Тагильском металлургическом комбинате создали автоматические вагон-весы. В соответствии с заранее заданной программой «меню» они объезжают бункера и забирают необходимое сырье.

К. САКСЕЕВ

Лакомки

В подмосковном санатории «Подлипки» водятся немало белок. Они так привыкли к людям, что бесстрашно взбираются к ним на руки — полакомиться грецкими орехами.

В. ПЛЕНКОВ

Четырехцветная белка

Стратный охотник электрик Североуральских бокситовых рудников Альфред Федорович Дерябин убил четырехцветную белку. По спинке зверька проходила темно-бурая полоса, половина хвоста белоснежная, брюшко, левая сторона мордочки и широкий пояс по середине тоже белые. Уши и верхняя часть головы черные. Только бока серые.

Старые охотники не помнят, чтобы кому-нибудь удавалось добыть подобного зверька.

Биологи объясняют этот редчайший случай пестрой расцветки тем, что в организме белки произошло изменение наследственных признаков и резкое ослабление пигментации кожи.

А. МАЛЬЦЕВ

КОМИССАР МАЛЫШЕВ

ЛЮДИ БОЛЬШОГО СЕРДЦА. М. Сергеев.	1
ПУТЬ К ВЕРШИНЕ. Л. Сорокин. Поэтический репортаж.	3
«ВАНЯ КОМУНИСТ». О. Селянкин. Из документальной повести.	6
В ЛЕНИНСКОМ УГОЛКЕ. Ю. Алексеев.	20
УРАЛМАШУ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ.	21
В ЛАБОРАТОРИЯХ УЧЕНЫХ. В. Щенников.	23
ЭКСПЕДИЦИИ ИДУТ ПО УРАЛУ.	24
ПРЕМЬЕРА. Б. Цивьян. Конкурс научной фантастики.	26
ОПЕРАЦИЯ «БЕРЕЖКИ». М. Ляшенко, А. Мусатов. Повесть.	33
СТАН-ВЕЛИКАН.	45
ВСТРЕЧИ НА ДОРОГАХ. А. Тумбасов.	46
ЗАГРАНИЧНЫЕ КОНВЕРТЫ. Г. Дейч.	49
ПОД ТОПОЛЕМ СТАРЫМ. Л. Александров. Рассказ.	52
УРАЛЬСКИЕ НОСОРОГИ. В. Большаков.	54
ПАМЯТНИКИ ПРИРОДЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ.	54
ТАЙНЫЙ ФРОНТ. В. Ярошинский. Повесть. Окончание.	58
О БЕССМЕРТНЫХ.	68
КРАСИН.	70
ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ. В. Бугров. Стихотворение.	74
ВТОРОЙ ВСЕУРАЛЬСКИЙ.	76
СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ.	78
КОМИССАР МАЛЫШЕВ.	80

В НОМЕРЕ ОПУБЛИКОВАНЫ 23 ЭПИЗОДА ИЗ БИОГРАФИИ КОМУНИСТОВ.

Обложка А. Казанцева.

Иллюстрации на вклейке В. Васильева.

«Все войска Северо-Урало-Сибирского фронта склоняют к земле свои красные знамена в честь верности великого борца и нашего боевого товарища Малышева...»

Из приказа главнокомандующего Урало-Сибирским фронтом Р. Берзина.

Н очью 23 июня 1918 года к станции Тундуш Самаро-Златоустовской железной дороги медленно подходил санитарный поезд. В одном из его купе, накинув на плечи солдатскую шинель, сидел молодой человек и что-то писал при свете свеч. Это был Иван Михайлович Малышев, секретарь Екатеринбургского комитета РСДРП(б) и комиссар труда Уральского областного Совета, назначенный недавно военным комиссаром на Миасский участок фронта. Вместе со своим ближайшим помощником Саввой Белых он возвращался из Кусы. Там он руководил подавлением контрреволюционного восстания, в котором вместе с белогвардейцами участвовали меньшевики и правые эсеры. Силы у Малышева были небольшие: одна рота из Эстонского Коммунистического батальона, направленного недавно из Петрограда для помощи Красному Уралу, и рота Симско-Миньярского батальона. Но этого оказалось достаточно, чтобы после небольшого боя мятежники в панике бежали. Эстонцы продолжали преследовать их до Бердяуша, а симско-миньярские красноармейцы отправились на свои заводы.

Стремясь быстрее попасть в штаб армии, Малышев и Белых возвращались назад в санитарном поезде. Но кулацкая банда из села Куваши каким-то образом разведала об этом. Поезд попал в засаду. Малышев отстреливался до последнего патрона, а затем был схвачен озверевшим кулачем и убит. Рядом с ним погиб и Савва Белых. Бандиты не пощадили ни раненых, ни сестер милосердия, ни санитаров.

Заместитель Малышева Николай Толмачев, узнав о трагедии на станции Тундуш, направился туда с Эстонским Коммунистическим батальоном, но было уже поздно.

Так погиб один из виднейших революционеров Урала Иван Михайлович Малышев. Художник В. Васильев изобразил этот момент на своем рисунке.

Главный редактор В. ШУСТОВ

Редколлегия: А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, В. ВОЛОВИЧ, М. ГРОССМАН, С. ЗАХАРОВ (ответственный секретарь), Ю. КУРОЧКИН, А. МАЛАХОВ, В. ОЧЕРЕТИН, Г. РАМАЗАНОВ, К. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (зам. главного редактора), Г. ТРИФОНОВ.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор Э. Максимова.

Корректор

Г. Стороженко.

Наш адрес: Свердловск, ул. Малышева, 36. Телефон Д1-22-40. Свердловское Книжное Издательство

Подписано к печати 21/VI 1963 г. НС 22670.

Тираж 80 000.

Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,61 печ л.—9,4 уч.-изд. л. Цена 30 коп.

Заказ 350.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, проспект Ленина, 49. Обложка отпечатана на Свердловской фабрике офсетной печати.

30 коп.

73413

601-8 m